

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 9₍₂₃₎

2001

ГО Д Б Е З Е Ж И Г Е Д Р О Й Ц А

Ежи Помяновский: ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

НАШИ ЛЮДИ: ЯЦЕК КУРОНЬ

ЕСТЬ У НАС ДРУЗЬЯ: ДАНИЭЛЬ БОВУА

Михал Ягелло о национальных меньшинствах

Адам Поморский о переводах польских поэтов на русский

СТИХОТВОРЕНИЯ АГНЕШКИ ОСЕЦКОЙ

И МАРТИНА СВЕТЛИЦКОГО

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 9(23)
2001
СЕНТЯБРЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Ежи Помяновский
ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ	3
	Агнешка Осецкая
СТИХОТВОРЕНИЕ	15
	ЕСТЬ У НАС ДРУЗЬЯ
Я БЫЛ ОБРЕЧЕН НА ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
<i>Беседа с профессором Даниэлем Бовуа</i>	16
	Виктор Кулерский
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	20
	НОСТАЛЬГИЯ ИЛИ ПРАГМАТИЗМ?
<i>Дискуссия о «малых родинях»</i>	36
	НАШИ ЛЮДИ: ЯЦЕК КУРОНЬ
Малгожата Гутовская-Адамчик
НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ «ПАС»	28
	ГОВОРИТ ЯЦЕК КУРОНЬ	39
	Михал Ягелло
НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ	41
	Мария Конопка-Вихровская
«БЫЛА У НИХ ЛОВКОСТЬ, ТАЛАНТ И ВЕЗЕНЬЕ...»	45
	Наталья Горбаневская
СОЛИДАРНОСТЬ: НЕМНОГО ИСТОРИИ	52
	Гжегож Пшебинда
КАМЕНЩИКИ И МОГИЛЬЩИКИ ИМПЕРИИ	54

Мартин Светлицкий
«НАДЕТЬ ТЕМНЫЕ ОЧКИ И ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА...» 58

Лешек Шаруга
«НА НИЧЬЕЙ СТОРОНЕ» 58

Адам Поморский
СЛОВА ПОЭТА В СЕРДЕЧНОЙ РАМКЕ 62

ВОЗВЕСТИТЬ В КОЛОКОЛА О НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ 75
Беседа с Ежи Фельчинским

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК
Кшиштоф Бурнетко
«ГАЗЕТА ПОЛЬСКА»,
ИЛИ ОСТРОЕ ПЕРО РЕДАКТОРА ВЕЖБИЦКОГО 79

Лешек Шаруга
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ 82

Янина Куманецкая
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ 85

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
телефоны: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ: Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переславская, д.5, кв.49
Тел.: 280-83-52
e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

**WIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

Переводчики: И.Адельгейм, А.Базилевский, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, Е.Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 5, 14, 26), Archiwum Ośrodka KARTA (стр. 30, 33, 35), Archiwum „Podkowińskiego Magazynu Kulturalnego” (стр. 46, 48, 49, 50), Wojciech Wilczyk (стр. 58), Archiwum „Gazety Polskiej” (стр. 79)

Ежи Помяновский

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

В только что минувшем столетии лишь немногие поляки удостоились полузабытого звания «государственного мужа». Среди них Ежи Гедройц¹ занимает отдельное и особое место. Его позиции были диаметрально противоположны идеям, которые в польской политической мысли неизменно пользовались самой широкой поддержкой.

Безусловное право на это место дает ему, в частности, его отношение к «русскому вопросу». Вся совокупность его взглядов на современное состояние и будущность польско-русских отношений кардинально отличается от воззрений тех политиков, идеологов и публицистов, которые в Польше оказывали влияние на общественное мнение, государственную стратегию и партийные программы.

Эти программы, несмотря на все свои различия, обладают одной отчетливой общей чертой: они обращены в прошлое, именно в нем пытаются найти причины и корни польских поражений и российских завоеваний и из прошлого же берут посылки для оценок сегодняшней ситуации нашей страны — ситуации совершенно новой, не имеющей аналогий в историческом прошлом. Концепцию же Гедройца отличает ее нацеленность на будущие события, на те, которым только предстоит наступить.

Судя по некрологам и посмертным апологиям, основной заслугой Гедройца было то, что он ни минуты не сомневался, что Польша вернет себе независимость, воспитывал в читателях «Культуры» веру в неизбежность этого события и сумел определить сопутствующие ему обстоятельства. Все это правда, и роль «Культуры» здесь переоценить невозможно. Но о независимости в

Польше говорили все и всегда: как те, кто согласился бы даже на ее подобие, так и те, кто и слышать не хотел о независимости без возврата к довоенным польским границам. По этой причине в Польше общество терпимо относилось к феномену *графомании действия* и даже восхваляло его, а уж в особенности — если с оружием в руках. Именно этот феномен имел в виду Норвид, когда писал:

*От книг у нас мало проку — слишком
поздно они издаются.
А действия — скороспелы. Оттого и не удаются.*

На этом извечном фоне Гедройц сумел совершить беспрецедентный подвиг: 637 номеров его ежемесячного журнала сумели опровергнуть эту горькую мысль поэта. Можно утверждать, что главной заслугой Гедройца было *заблаговременное* определение условий, необходимых для удержания и сохранения независимости. Подчеркнем: речь идет не о завоевании независимости на более или менее длительный срок, а о ее *удержании и сохранении*.

В отличие от всех практиков вооруженной борьбы и теоретиков соглашательства, Гедройц, сознательно оставив в стороне прежние споры, этнические фобии, национальные предрассудки, доминирующие настроения и частные интересы, определил эти условия с редкостной смелостью и все возраставшей с годами решительностью. В его концепции ключевое место занимает вопрос отношений Польши с Россией и — что особенно важно — поляков с русскими. Более того, Гедройц был первым, кто вбил в упрямые головы, как выразился Анджей Дравич, «первые азы понимания, что «советский» — это не то же самое, что «русский», «украинский» или «белорусский»». И если бы не эти элементарные и безуданно повторяемые увещевания, то разве удалось бы хоть кого-нибудь убедить в правильности стратегии «Культуры»?

¹ *Ежи Гедройц (1906-2000)* — публицист, политик, основатель (1947) и бессменный редактор издававшегося во Франции журнала «Культура» и издательства «Институт литературы». Родился в Минске, потомком рода литовских князей. Был членом редколлегии «Континента» и украинского журнала «Виднова». См. о нем также №10 «Новой Польши» за прошлый год, выпущенный после его кончины. — Здесь и далее примечания переводчика.

◆◆◆
Попытаемся вкратце напомнить, в чем именно заключалась эта стратегия и, что не менее важно, какие из нее вытекают выводы. Но в первую очередь следует объяснить, почему мы говорим о «концепции Гедройца», тогда как сам редактор «Культуры» всячески избегал публикации собственных программных статей.

Разумеется, редакционную линию «Культуры» всегда было нетрудно распознать, наблюдая характерный выбор тем и авторов. «Культура» отнюдь не была эклектическим изданием. Миф о терпимости Гедройца возник не только потому, что он обычно публиковал без комментариев даже оскорбительные письма в редакцию, но прежде всего потому, что он печатал тексты, диаметрально противоположные его взглядам — если только они были талантливо написаны и могли послужить отправной точкой для серьезной дискуссии. Однако он решительно отвергал все, что не продвигало польский вопрос вперед, а тянуло назад, в болото, в захолустье. Особенно он не переносил «эндеции»² во всех ее проявлениях — и причиной тому была именно позиция этого политического течения по отношению, с одной стороны, к России, а с другой — к Украине, Белоруссии и Литве.

Лишь в 1993 г. на страницах «Культуры» появилась рубрика «Заметки редактора», посвященная, как правило, тем событиям в Польше, которые заслуживали саркастического комментария. Несомненно, важным источником понимания

² Так сокращенно называют право-националистическое движение «Национальная демократия», возникшее в конце XIX в., а впоследствии распавшееся на различные партии, вновь объединившееся и т.п. Самым крупным деятелем НД был Роман Дмовский (1864-1939). Он считал, что Польша может обрести частичную независимость, сохранив верность России и выступая против Германии. Его лозунгами были: «С кем угодно — даже с Россией — против Германии» и «Польша для поляков» (последний привел его к антисемитизму). Замысел «отца польской независимости» Юзефа Пилсудского (1867-1935), постоянного политического противника Дмовского, заключался в том, чтобы Польша объединилась в федерацию с Чехией, Словакией, Литвой, а также с независимыми Белоруссией и Украиной, где все члены федерации были бы равноправны. Этот замысел ему осуществить не удалось. В сильном упрощении можно сказать, что для Пилсудского главными были враги внешние, а для Дмовского — внутренние. Пилсудчики обращались к польской традиции религиозной и межнациональной терпимости, а эндеки (национал-демократы) ее отвергали. Поэтому, в частности, эндеки были яростными антисемитами, а сторонники Пилсудского считали евреев органической частью польского общества.

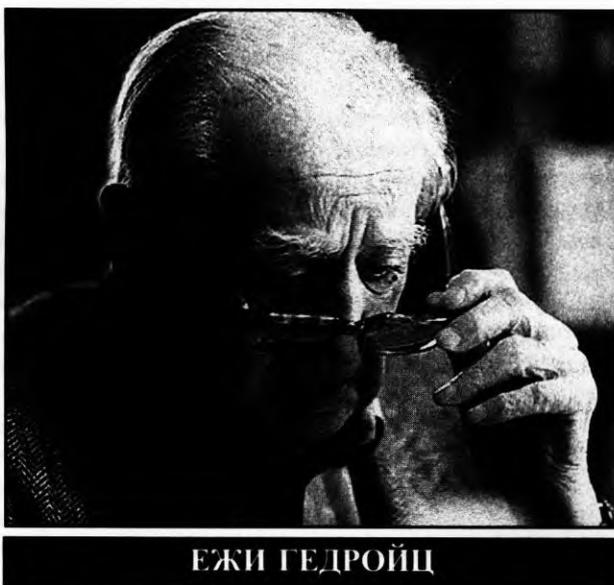
«восточной стратегии» Гедройца могут служить также его многочисленные интервью, которые он давал в последние годы прессе, радио и телевидению. Однако Гедройц пользовался ими чаще всего для того, чтобы высказать конкретные критические замечания. Он неустанно стремился оказывать непосредственное влияние на развитие событий внутри страны и использовал каждую возможность по мере сил вмешаться в это развитие. Он не тратил времени на изложение своих теоретических позиций и предпочитал бороться за реализацию практических выводов из них.

Однако самый обширный источник — это письма Гедройца. Кшиштоф Помян утверждает, что их сохранилось намного больше десяти тысяч. Из уже опубликованной небольшой части этого эпистолярного наследия можно было бы составить сборник цитат, достаточный для подкрепления излагаемых здесь положений. Но в этом нет нужды — достаточно того, что имеется в нашем распоряжении, чтобы убедиться, что страстью Гедройца было вдохновлять своих читателей и собеседников и в этом искусстве он был непревзойденным мастером. Он умел заразить своего адресата уже предварительным наброском внезапно возникшей идеи, убедить его в верности еще не оперившейся мысли, заставить развить ее, забросив все прочие занятия, и сосредоточиться только на той работе, насущную необходимость которой редактор только что в нескольких строках сумел доказать. Пишущий эти слова все это испытал на себе, когда в феврале 1969 г. во флорентийской гостинице появился Густав Херлинг-Грудзинский, чтобы вручить новоиспеченному эмигранту первые страницы тайно переданной на Запад машинописи романа Солженицына «В круге первом», а также письмо Гедройца с предложением тут же заняться ее переводом.

Не только ошеломляющее содержание подобных предложений, но и сам тон и стиль этих писем заставлял немедленно браться за выполнение поставленной задачи. Гедройц сразу же входил *in medium res*, в суть дела, без всяких вступлений, риторических красот, реверансов и любого рода обиняков. Его сжатые выводы не имели ничего общего с тяжеловесными оборотами, характерными для всякого уважающего себя лектора или адвоката. Не походили они и на суконный язык чиновничьих инструкций, напоминая скорее сухой и ясный язык распоряжений, отдаваемых начальником штаба перед маневрами или предстоящей битвой. Ясная постановка вопроса, отсутствие туманных

формулировок и дипломатического политаеса радикально отличали эти послания Гедройца от того, как в польской традиции было принято писать на общественно-политические темы. Тон этих писем — по крайней мере известных мне и касавшихся в основном России — всегда создавал впечатление, что суждения их автора (который не видел Россию с 1919 г.) основаны на непосред-

ЕЖИ ГЕДРОЙЦ

ственном опыте и требуют лишь систематического выполнения поставленной задачи. И, кроме того, лояльности: здесь Гедройц не терпел ни малейшей слабости. Впрочем, сведения у него были высшего качества, и он весьма основательно их проверял.

В результате эпистолярный жанр под пером человека, видящего отдаленную цель повседневных задач, стал особой формой публицистики. Станислав Цат-Мацкевич говорил, что по сути своей публицист — это политик, на время лишенный исполнительной власти. Гедройц не ждал, что это время пройдет само собой. И никто другой из наших публицистов не использовал с такой эффективностью ту власть безоружных, которую его земляк, родившийся в Белоруссии Адам Мицкевич, назвал «властью над душами».

На многих интеллигентов моего поколения незабываемое впечатление произвела книга английского биолога Джулиана Хаксли «Что я осмеливаюсь думать?». Беседы с Гедройцем и его письма как раз и заставляли задавать себе этот знаменитый вопрос и искать на него ответа за пределами обыденных рамок. Требования, выдвигаемые в этих письмах, вынуждали адресата работать более интенсивно и эффективно, чем это позволяло его душевное состояние и умственные способности. Гедройц заставлял людей *осмеливаться* подниматься выше своих возможностей, апеллировал к их самым лучшим способностям, доселе неостребованным, и побуждал их развиваться.

Я думаю, что именно так обстояло дело с Юлиушем Мерошевским.

Именно Мерошевский стал самым читаемым, самым значимым публицистом «Культуры», именно он осмеливался мыслить самым небанальным образом, далеким от избитых мнений и от общепризнанных перспектив. Именно Мерошевский сформулировал и опубликовал программу восточной политики

журнала и вступил в десятки полемических сражений с его противниками. Как красная тряпка на быка, действовало на них — а большинство их было родом из восточных областей Польши — хотя бы такое утверждение:

«Мы должны искать контактов и точек соприкосновения с русскими, готовыми признать право украинцев, литовцев и белорусов на самоопределение, но при этом мы, что столь же важно, должны сами раз и навсегда отказаться от Вильнюса, Львова и от любого рода политики или планов, направленных на установление (в условиях благоприятного стечения обстоятельств) нашего превосходства на Востоке *за счет* вышеназванных народов».

Когда Мерошевский писал эти строки, считалось, что он выразитель мыслей Гедройца. На самом деле он был чем-то большим — предметом гордости редактора за творческую мощь убеждения, которое дает силу талантам. Их сотрудничество было исключительно редким примером подлинного симбиоза, не вынуждаемого никакой взаимозависимостью. Сегодня ясно, что наибольшую пользу из этого сотрудничества извлек Мерошевский.

Рафал Хабельский справедливо отмечает в предисловии к «Финалу классической Европы» Мерошевского: «Хотя нельзя сказать, что до войны его имя не было известно, он, безусловно, не считался выдающимся публицистом». В журнале Гедройца он, по мнению Анджея Мицековского, стал первым публицистом новой, свободной Польши.

Улучшился даже сам по себе стиль его статей, хотя по-прежнему в них больше привлекали внимание отдельные афористичные фразы, а не собранный, напряженный ход рассуждений. Их сила заключалась в размахе политического воображения, шедшего до самых отдаленных последствий обсуждавшейся ситуации. Мерошевскому принадлежит парадоксальная мысль, которую в Польше любят повторять, не особенно задумываясь о вытекающих из нее выводах: «Причиной большинства катастроф в истории было отсутствие вовсе не реализма, а наоборот — полета воображения. Реалистов везде более чем достаточно — не хватает, как правило, людей со смелым воображением».

Наверняка он имел в виду Гедройца, воображение которого рисовало открывающиеся перед Польшей грядущие перспективы, — и эта провидческая картина вдохновляла Мерошевского, когда он ярко и убедительно отстаивал их общие идеи. Поэтому мы будем говорить о концепции Гедройца, не забывая при этом о Мерошевском, — и наоборот.

Нужно особо подчеркнуть, что употребленный здесь термин «воображение» многих успел сбить с толку. Гедройц не имел ничего общего с политическими визионерами, не ссылаясь на явления ему откровения и не рассчитывая на чудеса. Трудно найти пример политика более трезвого, мысль которого была бы так свободна от иллюзий и эмоций. Его программа была плодом точного расчета, непререкаемо доказывающего, что у Польши есть один-единственный реальный шанс обрести и удержать подлинную суверенность. Он вел себя как опытный проводник, который знает: из пещеры есть выход, но только один.

◆◆◆
Гедройц был одержим идеей независимости. Известно, как он оберегал независимость своего журнала. Независимость государства он считал абсолютно необходимым условием естественного развития всех и всяческих общественных процессов. Ему были известны отклонения и тупики, в которые заходили эти процессы в Польше на протяжении ее истории, и их губительные последствия, но самым грозным роком, тяготеющим над государством и обществом, он считал катастрофическое геополитическое положение страны.

Это было положение того самого зернышка, что угодило меж двух жерновов.

Польша была единственным крупным государством на европейском континенте, расположенным между двумя растущими державами, го-

раздо более сильными и более населенными. Она оставалась в этом положении на протяжении всех тех столетий, когда естественным, простейшим и всеми широко используемым способом умножения могущества и ресурсов страны была территориальная экспансия. Да что тут скрывать — и Речь Посполитая этим не гнушалась, но без особой рьяности, ибо собственной исполнительной власти она сама укоротила руки. В результате она стала добычей более сильных соседей — весьма надолго, и даже с повторениями.

У тех, кому в то время не давал покоя кошмарный образ двух жерновов, было не слишком много способов справиться со злом: все они оказались безуспешными. Можно было пытаться договориться с захватчиками, но этот способ принес плоды лишь там, где мельник (австрийский) был вынужден ослабить гнет под давлением совсем иных обстоятельств. Во всех остальных случаях он заканчивался достижением компромисса — как говорят в народе, между задницей и дубинкой. Вторым способом была вооруженная борьба — либо опираясь на собственные силы, либо же в надежде на вмешательство предполагаемых союзников. Целью этой борьбы было изгнание захватчиков с польских земель.

Но даже в случае успеха (который в конце концов пришел как бы сам собой) это означало лишь возвращение к прежнему геополитическому статус-кво. Все межвоенное двадцатилетие прежняя угроза продолжала висеть над Польшей, и пока оба жернова слаженно стремились стереть Польшу в порошок, а их конфигурация и характер не менялись — история была обречена на повторение.

*Шагая взад-вперед по Бельведеру,
Пилсудский не уверует в стабильность.
«Они на нас, — твердит он, — нападут».
Кто? И покажет на восток, на запад.
«Я без истории всего лишь задержал».*

(Пер. Н. Горбаневской)

Можно не сомневаться, что эту строфу Милоша из «Поэтического трактата» Гедройц повторял чаще всего. Другие, понимая положение Польши, после II Мировой войны уже полностью попавшей в одну сферу влияния, впадали в отчаяние.

Гедройц же осознал, что для того, чтобы найти выход из безвыходного положения, можно попробовать сделать то, о чем ни соглашатели, ни повстанцы с подпольщиками не считали нужным

даже задумываться — настолько это казалось невозможным, недостижимым, нелепым, — а именно: изменить геополитическое положение страны. Гедройц думал не о том, чтобы всего лишь вытеснить захватчиков из страны, но о том, чтобы ускорить процесс их метаморфозы и использовать переломный момент для закрепления независимости Польши раз и навсегда.

Проект казался абсурдным, ибо осуществление его было возможно лишь при таком стечении обстоятельств, которое давно уже считалось невероятным. Прежде всего имелся в виду бескровный распад Советского Союза и обретение независимости народами, населяющими пространство между Россией и Польшей. Именно это стечение обстоятельств Гедройц априори считал единственным реальным шансом на восстановление подлинной суверенности Польши — и все поставил на эту карту. Когда оказалось, что его прогнозы в точности сбылись, он добивался уже только одного: чтобы поляки извлекли выводы из столь радикальной перемены своего положения. Он предвидел как эту перемену, так и пренебрежение вытекающими из нее выводами.

Теперь он мог полностью посвятить себя партии, которая разыгрывалась на польском «ближайшем Востоке», ибо у него на руках был еще один туз — практически полное исчезновение угрозы германского реванша и ставшая чисто гипотетической возможность нового «Drang nach Osten».

Произошло это не только в результате поражения Третьего Рейха и оккупации Западной Германии союзниками. И вовсе не потому, что Польша входила в состав «социалистического лагеря» и ее границы защищали его войска. Трезвый расчет подсказывал политикам с воображением, что польские Западные земли — это самый подходящий капитал, в обмен на который Сталин может добиться соглашения с Германией, и даже после ее объединения — будь то по его соизволению или без оно. Он только и мечтал о возврате к бисмарковской идее российско-германского союза, который позволил бы вырвать самую крупную страну на европейском континенте из-под пристальной опеки США. Польские старожилы Щецина (ранее Штеттина) еще помнят «состояние невесомости», в котором долго жил город. Эти расчеты Сталина оказались подорваны вступлением ФРГ в НАТО, а затем в Европейское экономическое сообщество, но окончательно их лишила смысла экономическая революция, происшедшая после II Мировой войны на Западе. Благодаря ей

территориальная экспансия стала экономически невыгодной, а значит, и ненужной. Примером и доказательством тому стал процесс деколонизации. Стоит напомнить, что только советская империя не сумела произвести деколонизацию.

Важность исчезновения «германской угрозы» Гедройц оценил сразу же: иллюстрацией его политической дальновидности и интуиции может служить тот факт, что руководимое им издательство «Институт литерацкий» уже в 1946 г. опубликовало «Записки о путешествии в Австрию и Германию» Ежи Стемповского. Это была первая после войны попытка увидеть в немцах людей. Однако убедить соотечественников по-новому взглянуть на открывшиеся перспективы можно было лишь одним способом: заставить их обратить взгляды на восток, на тамошнее «ближнее зарубежье». Нужно было требовать от них жертв: чтобы они отказались не только от притязаний на Львов и Вильнюс, но прежде всего от предубеждений по отношению к литовцам и белорусам, а особенно к украинцам. Радикальное улучшение отношений с этим народами, отказ от любых попыток господства над ними, признание их своими союзниками Гедройц ставил в центр своего проекта. Более того — он считал это непереносимым этапом и условием глубокого и прочного оздоровления отношений с Россией. По сути именно это и было конечной целью Гедройца.

В своей стратегии Гедройц исходил из предпосылки, что переход к этому процессу оздоровления раньше или позже станет следствием не сиюминутных расчетов, а неизбежных перемен. Катализатором же этих перемен будут межнациональные конфликты, которые в конце концов взорвут империю изнутри и коренным образом изменят геополитическое положение как России, так и Польши. Только это позволит достичь заключения подлинного соглашения, сторонами которого будут равноправные субъекты международного права. Заметим в скобках, что Мерошевский надеялся на внутреннюю эволюцию коммунистической системы, тогда как Гедройц полагал, что она не поддается реформированию.

Весьма знаменательно, что он не придавал большого значения и коммунистической идеологии, считая ее пустой скорлупой от выеденного (или протухшего) яйца. Вовсе не идеология, по его мнению, сплачивала империю воедино. Более того, он вполне отдавал себе отчет в том, что того же мнения придерживались фактически все партийные бонзы соцлагеря: последняя поступившая из

Кремля директива имела большее значение для толкования доктрины, чем все страницы «Капитала». Он даже мог использовать неуклюжий термин «советизм», только чтобы объяснить читателям, что, собственно, имеется в виду. Все остальное полностью объяснила публикация «Культуры» капитального труда Лешека Колаковского «Основные течения марксизма».

◆◆◆
Как известно каждому прилежному ученику, империи тем и отличаются от других типов государств, что смысл их существования — расталкивать локтями на карте своих соперников и, значит, поглощать все новые и новые народы. «Что не растет, то гниет» — это присловье гофмейстера и канцлера Екатерины Великой, весьма неглупого Александра Безбородко, стала девизом внешней политики Российской империи. Первым «приращением» оказалась Польша, извечный соперник, в то время уже безвольный.

Причиной соперничества с обеих сторон было стремление к господству над землями и ресурсами соседей — все тех же белорусов, литовцев, украинцев. Поэтому можно было думать, что обретение этими народами независимости устранил сам предмет конфликта между Польшей и Россией. В предположении, разумеется, что обе стороны откажутся от искушения вернуться к прежней роли.

Здесь непременно следует напомнить одно рассуждение, опубликованное в «Культуре» в 1975 г. и поистине поразительное — не только в связи со столь ранним появлением. Эти несколько фраз объясняют, почему Гедройц с Мерошевским не рассматривали «проблему УЛБ» (Украины, Литвы и Белоруссии) в отрыве от «русского вопроса». В то же время речь идет об одном из тех положений, которые делают концепцию «Культуры» по-прежнему необходимым инструментом современной и будущей польской политики на территориях к востоку от Буга. Мерошевский писал следующее:

«Если для упрощения обозначить территорию, охватывающую Украину, Литву и Белоруссию, как УЛБ, то следует отметить, что в прошлом — а в известной степени и сегодня — территория УЛБ была чем-то большим, нежели просто яблоком раздора между Польшей и Россией. Территория УЛБ определяла саму форму польско-русских отношений, обрекая нас либо на империалистическую политику, либо на роль страны-сателлита.

Было бы безумием надеяться, что Польша может исправить свои отношения с Россией, признав проблемы УЛБ внутривнутригосударственными проблемами России. Соперничество между Польшей и Россией на этих территориях всегда имело целью установить превосходство, а не добрососедские польско-русские отношения».

Поэтому тот, кто желает установления этих добрососедских отношений, должен согласиться, что независимость народов УЛБ является не только наиболее очевидной гарантией, но и *условием* того, что Россия покинет прежний, имперский путь и вступит на новый — тот же путь интенсиальной (а не экстенсивной) экономики, ни требующей ни территориальных захватов, ни экспансии, ни вооруженных конфликтов, на который уже вступили все державы, вчера еще колониальные, от Англии и Нидерландов до Японии и Германии. И со вполне ощутимой пользой для себя и соседей.

А тот, кто истосковался по прежним, вассальным отношениям времен ПНР и СССР — тот будет писать о сторонниках Гедройца как об «оуновском лобби»³, как это и делает рупор сегодняшней эндэции газета «Мысль Польска». Гедройц же, страстно желавший распада империи и убежденный, что независимость Украины станет барьером на старом, губительном пути возврата к ее прежним границам, видел в укреплении этой независимости прежде всего условие гораздо более масштабного процесса. Для него речь шла о новом месте России в Европе, о таком ее процветании, которое сделает ненужным стремление к агрессии и росту за чужой счет. «С кем граничит СССР?» — спрашивало мифическое «армянское радио». И отвечало: «С кем хочет, с тем и граничит».

В политической программе «Культуры» не было и следа стремления свести Россию к размерам и значению Великого Княжества Московского, никто на ее страницах не призывал к распаду Российской Федерации, никто не пытался внушить русским, что «small is beautiful»⁴. Впрочем, о че-

³ Организация украинских националистов (ОУН) — нелегальная партия, созданная в 1929 г. и объединявшая сторонников государственной независимости Украины. В 1942 г. на базе ОУН была создана Украинская повстанческая армия (УПА) во главе со Степаном Бандерой, которая сражалась против немцев, советских партизан, Красной армии, а также (после 1944 г.) против войск коммунистического режима в Польше. Так что «оуновское лобби» вполне можно было бы перевести известным русскому читателю выражением «бандеровские прихвостни».

⁴ Малое прекрасно (англ.)

ченцах, как и о всех тех нациях, включение которых в состав РФ не опиралось ни на их желание, ни на географию, «Культура» говорила в полный голос. С другой стороны, Гедройц высказывался также против ущемления прав русских, которые стали меньшинством в новых республиках. В том числе и в Польше. Об отношении этого трезвейшего человека к России и русским свидетельствуют не только многочисленные упоминания о прочитанных им русских авторах в его «Автобиографии в четыре руки», но и тот факт, что замечательный переводчик русской литературы Земовит Федецкий по просьбе Гедройца на собственных плечах принес и установил крест на забытой (и заброшенной на одном из варшавских кладбищ) могиле русского мыслителя Дмитрия Философова. Гедройц познакомился с ним в 20-е годы в варшавском клубе белоэмигрантов «Домик в Коломне». После кончины Ирины Иловойской, главного редактора газеты «Русская мысль», автор этих строк получил факс с поручением от Гедройца — написать о ней «возвышенно и горячо». А в последнем, 637-м номере «Культуры» единственным поэтическим откликом на смерть ее редактора были два стихотворения Натальи Горбаневской, прекрасной русской поэтессы и члена редколлегии «Новой Польши».

И еще напомним здесь, что в девятый день кончины Гедройца, уже после его похорон на католическом кладбище в Лемениль-ле-Руа под Парижем, в соответствии с его последней волей в парижском православном кафедральном соборе св. Александра Невского была отслужена панихида.

Павлу Херцу принадлежит изящный афоризм: «Беда России в том, что она не слушала своих великих писателей, а Польши — в том, что она своих слушала».

Можно полагать, что самое серьезное влияние на умы читающих поляков оказали не столько поэты, сколько историки. Факты свидетельствуют, что влияние это отнюдь не было благотворным.

У историков был авторитет и аудитория, им не слишком докучала цензура, их концепции не считались пустыми мечтаниями, на них не нападали сторонники конкурирующих поэтических школ, им не приходилось умирать в богдельнях. Они не требовали от своих читателей, чтобы те обладали музыкальным слухом, заучивали наизусть сотни строф и знали, что такое оксюморон. Свой воспи-

тательный долг они выполняли по отношению ко всей нации, а не к кучке энтузиастов. Они были хранителями и носителями сокровенного знания — и от них это знание о Польше переходило ко всем учителям будущих поколений. В эпоху, когда не было телевидения, они — наряду с духовенством — были единственными наставниками масс; впрочем, самый выдающийся представитель самой влиятельной исторической школы Валериан Калинка сам был священником. Правда о настоящем зависела от завоевателей, но прошлое было всецело и безраздельно польским. За советом, примером, утешением люди шли к историку.

Таким образом, не только идейные сражения, но и практические споры о политической (и даже военной) стратегии велись с использованием исторических аргументов и по большей части с преимущественным участием distinguished историкографов. С течением времени все чаще оказывались востребованными аргументы утешительного характера. Возвышенный тон историков был многократно усилен книгами Сенкевича. Вероятно, нигде в мире крылатое выражение «*historia magistra vitae*»⁵ не оказалось столь свято почитаемым и столь обманчивым.

Причина была очевидна. Исследования, дискуссии и страсти польских историков обращались почти исключительно вокруг двух вопросов. «Соглашатели» и сторонники вооруженной борьбы предлагали на них диаметрально противоположные ответы, но были единодушны в их постановке. Ошибка же заключалась не столько в самой постановке вопросов, сколько в уверенности, что ответы на них пригодятся в полностью изменившихся обстоятельствах.

Первый вопрос касался причин упадка Польши, ее разделов и утраты государственности. Результаты анализов и дискуссий не были приняты во внимание на практике, когда наступил долгожданный момент — ни в 1918, ни в 1939, ни даже в 1989 году.

Второй вопрос полностью уместился в заглавии великолепной книги Томаша Лубенского: «Биться или не биться?»

Но даже этот вопрос рассматривался исключительно в свете прежнего исторического опыта. Если кто-то и рассматривал его с точки зрения возможных перспектив, которые можно предвидеть заранее, то он, как правило, принимал в качестве *неизменных величин* (или *инвариантов*), с одной стороны, мощь, союзы и положение против-

⁵ «История — учительница жизни» (лат.)

ника, а с другой — предполагаемую готовность к действиям наших желательных союзников. Результатом мог быть (и был) либо самоотверженный повстанческий порыв без шансов на победу, либо капитуляция вместе с коллаборацией.

Особое место среди этих *исторических вариантов* занимала и продолжает занимать уверенность в неизменности основных черт российского государственного устройства и так называемого *русского национального характера*.

Весь этот затянувшийся исторический экскурс был необходим только для того, чтобы контрастнее обозначить исключительность занимаемых Гедройцем позиций и тактики, которую он пропагандировал на страницах «Культуры» почти с самого момента ее основания. Его девизом могли стать слова Мерошевского, опубликованные несколько позже: «Эмигранты всегда думают о возврате к прошлому. Народы же никогда не борются за прошлое, а всегда — за будущее».

Важной причиной расхождений между кругом «Культуры» и лондонской эмигрантской средой было то, что последняя переняла в качестве почитаемой традиции все укоренившиеся навыки, стереотипы и скомпрометировавшие себя политические обычаи. Дискуссию о разделах Польши подменили споры о причинах сентябрьского поражения [1939 г.] и попытки пригвоздить виновных к позорному столбу. Но в пантеоне национальных мифов первое место по-прежнему продолжал занимать миф героического поражения: преемником Сикорского на посту главы правительства в изгнании стал не победитель в битве под Монте-Кассино генерал Андерс, а командующий обреченного на разгром и жестоко подавленного Варшавского восстания генерал Бур-Коморовский.

В этой обстановке Гедройц издал «Трансатлантик» Гомбровича, ставший самой громкой пощечиной трескучему ура-патриотизму. Он напечатал книги Анджея Бобковского, Петра Гузы, Страшевича, ставящие с головы на ноги образ поляка, оказавшегося похожим на экзальтированного скаута-переростка. И, наконец, начал издавать серию публикаций «Исторические тетради».

Да, Гедройц историей не пренебрегал и не повторял вслед за Генри Фордом: «History is [more or less] bunk»⁶. Он не хотел оставлять ее на произвол последней всевозможных довоенных партий, но прежде всего стремился отразить с помощью ар-

гументов волну лжи, вздымавшуюся в ПНР, и собрать максимум свидетельств участников истории — еще живых, добросовестных, посвященных в ее тайны.

Результатом этого блистательного начинания стало то, что будущим исследователям польская новейшая история уже никогда не будет казаться чем-то вроде минного поля. Именно новейшая история занимала мысли редактора «Культуры», а не Великий Сейм или прусский союз. Но особую роль было суждено сыграть тем выпускам «Исторических тетрадей» и книгам, изданным «Институтом литеграким», где речь шла о России и о поляках в России.

Именно Гедройц опубликовал «На бесчеловечной земле» Юзефа Чапского, «Иной мир» Густава Херлинга-Грудзинского, «В тени Катъини» Станислава Свяневича, «После освобождения» Виктории Красневской (псевдоним Барбары Скарги) и многочисленные воспоминания поляков о ссылке и плене, о российских тюрьмах и лагерях.

Но наряду с ними в том же издательстве выходили воспоминания старых польских коммунистов, которым удалось выбраться из СССР живыми, — например, рассказы Вацлава Сольского или «Остатки от пира богов» Игоря Неверли. Еще раньше Гедройц издал «Польско-русский альянс» Вацлава Ледницкого, где автор рассказал о важном эпизоде сотрудничества между польскими и русскими либералами в российской Государственной Думе. Постоянный раздел, посвященный советской теме, вел в «Культуре» Михаил Геллер (под псевдонимом Адам Кручек) — крупный историк, автор «Истории Российской империи», перевод которой недавно издан в Польше. Вышли в свет три номера «Культуры» на русском языке. И наконец — польские переводы тех произведений русских писателей, которые в ПНР никто не осмеливался даже прилюдно читать, не говоря уже об их публикации. Первыми были рассказы Терца (Андрея Синявского) и Аржака (Юлия Даниэля), нелегально доставленные прямо к польскому издателю, к Гедройцу, и «Доктор Живаго» Пастернака. Позднее по одной или по несколько страничек начали поступать тексты Солженицына, его романы и «Архипелаг ГУЛАГ», направлявшиеся, как уже было сказано, в Рим, к автору этих строк («Раковый корпус» перевел Юзеф Лободовский). И многое-многое другое.

Важнейшими особенностями всего этого корпуса произведений русской литературы (или же книг, посвященных России) были следующие. Во-

⁶ «История — это более или менее чушь» (англ.)

первых, изобилие образов и сведений, которые были призваны возбуждать не презрение и ненависть, а сочувствие, солидарность и интерес к столь схожим историческим судьбам. Во-вторых, это было собрание *доказательств*. И того, что Россия сегодняшняя отличается не только от всего остального мира, но и от России прежней, а также от той России, которая существовала только в наших освященных традицией национальных мифах и легендах. И что СССР — это тирания не только страшнее царской, но и (по существенным причинам) в корне иная. И что там есть люди, которые хотят перемен.

Лагерная литература, как русская, так и польская, сокрушила излюбленный польский стереотип порабощенного русского, уважающего лишь власть кнута. Лагерь были заполнены не только невинными жертвами, и миллионы осужденных по 58-й статье оказывались там именно потому, что им было неизвестно, по выражению Мицкевича, «одно лишь мужество — покорного раба».

От абсолютного большинства не только своих соотечественников, но и всемирно известных советологов, экспертов, знатоков закулисной жизни Кремля, специалистов в области прошлого и будущего России Ежи Гедройца отличало отсутствие одного предрассудка: веры в исторический детерминизм. Уже просто как трезвый политик он не верил в неизменность национальных характеров и исторических судеб. Помню, как развеселил его фрагмент из воспоминаний Бакунина, который после многолетнего пребывания в Германии пришел к выводу, что Германия — идеальное поприще для пропаганды анархизма, ибо немецкий народ состоит из индивидуалистов, напроочь лишенных «государственной струнки». Кроме того, Гедройц провел среди русских детство и юность и вернулся в Польшу без ощущения, что имел дело с экзотическим племенем. Он разделял мнение автора этих строк, что за особенностями национального характера русских мы принимаем особенности их системы правления. Да будет мне позволено напомнить, чтобы сделать рассуждения более актуальными, что в 1999 году на страницах «Культуры» я вступил в полемику с профессором Ричардом Пайпсом. Его известные труды об истории России и большевистской революции показались мне отмеченными печатью именно этого духа предопределенности и детерминизма, который в Польше известен благодаря многогранному труду Яна Кухажевского, знаменательно озаглавленного «От белого царизма — к красному».

Гедройц был далек от детерминизма. Если бы он полагал, что форма империи — это единственное предназначение России, он не принял бы за столь кропотливый труд, как разработка и пропаганда своей концепции, а заранее счел бы дело независимости Польши обреченным на поражение. Он считал, что враг Польши — отнюдь не Россия как таковая, а империя. Он убедился также, что среди самих русских есть немало сторонников этой идеи — как есть и немало ее заядлых противников среди поляков.

Чтобы заострить эту ключевую проблему и сделать ее более наглядной, попробуем прибегнуть к простой антитезе.

Дальновидность, гражданское мужество, верность принципам, но в особенности *суть* убеждений Ежи Гедройца позволили нам с самого начала заявить, что мы рассматриваем его позиции как диаметрально противоположные традициям, которые были в польской политической жизни слишком общеизвестны и слишком распространены. Мне кажется, что эти позиции и воззрения наиболее ярко и, вероятно, наиболее полно воплотил в себе Александр Бохенский.

Я выбрал именно его, так как он шел дальше других в направлении, противоположном устремлениям Гедройца, наиболее четко формулировал свои предпосылки и выводы и обосновывал их, используя обширную историческую эрудицию, знание источников и всевозможных комментариев к ним. Словом, Бохенский был великолепно подготовлен к защите выдвигаемых им положений и предлагаемых действий. Их пороком было не то, что они диаметрально отличались от концепций и начинаний редактора «Культуры», но то, что вначале они были отмечены малодушием, а в конце оказались просто ошибочными.

Александр Бохенский был человеком весьма незаурядным, наделенным недюжинными способностями. Его братьями были о. Юзеф Бохенский, известный логик из швейцарского Фрибурга, и Адольф Бохенский, публицист и политолог, который в самом начале войны заявил, что «с этой войны приличные люди живыми не возвращаются», что вскоре и подтвердил своей гибелью. Именно Адольф первым увидел в Гедройце «самого серьезного в нашем поколении кандидата в премьеры». Все трое были сотрудниками Гедройца в эпоху, когда он в первой половине 30-х годов был редактором журнала «Бунт молодых». Следует отметить, что на его страницах Александр Бохенский

по примеру своего редактора защищал от репрессий украинское меньшинство. Однако вскоре их пути разошлись. В своей «Автобиографии на четыре руки» Гедройц сообщает, что почти сразу же после сентябрьского поражения, оказавшись в Бухаресте, он получил от Александра Бохенского открытку из оккупированной Польши: «Формируем правительство, не будь дураком, возвращайся». Комментарий Гедройца лаконичен: «Он был принципиальным коллаборационистом, готовым сотрудничать с немцами даже после проигранной войны. Но, в отличие от С., он распространил этот принцип и на послевоенную Народную Польшу. В конце концов, ведь это он придумал Пясецкого»⁷.

По правде говоря, Пясецкого придумал генерал НКВД Серов, но остается фактом, что именно Александр Бохенский возглавлял группу, которая явилась в приемную Берута, и именно он на вопрос секретарши ответил: «Доложите господину президенту, что пришли католики от господина Борейши»⁸. Так родился «Пакс», подлинный шедевр в области политической «пятой колонны». Бохенский был фактически его самым серьезным идеологом, хотя предпочитал держаться в тени.

Члены этой организации взяли на себя задачу проведения в жизнь целей, полностью противоположных тактике и стратегии «Культуры». Ради укрепления советского господства в Польше они подрывали солидарность общества — начиная с церковной общины и кончая литературными образцами. Важнейшей новинкой в их тактике была ставка не на набившие оскомину аргументы рационализма, антиклерикализма и т.п., а наоборот — на весь арсенал польских национальных фобий. «Пакс» постоянно держал наготове то пугало «германского реваншизма», то антисемитизм. Творчески сочетая наследие эндеков с достиже-

ниями большевиков, он был вполне удачным гибридом «черной сотни» и Красной гвардии. Никто в Польше (задолго до марта 1968 г.) не осмелился бы столь открыто проповедовать идеи шовинизма и ксенофобии, никто не мог бы пропагандировать столь крайний и дремучий вариант образа «поляка-католика», если бы не чувствовал себя в безопасности благодаря своим демонстративно просоветским позициям. Ко всему прочему, эти позиции подкреплялась методичным натравливанием поляков на украинское меньшинство в органе «Пакса» газете «Слово повсехне». На публикуемые там перлы Гедройц реагировал кратко: «Горбатого могила исправит».

Что же касается Александра Бохенского, то нельзя не признать, что его тогдашние статьи и эссе своим мастерством и честностью — да, честностью! — несравненно превосходили печатные опусы сегодняшних сторонников так называемого «русского варианта». Дело даже не в медвежьей услуге, которую эти последние оказывают партиям, с готовностью отмежевывающимся от многолетней зависимости от московского центра. Дело в том, что у них сегодня уже нет того, что в 1945 г. у Бохенского все-таки было, — уверенности, что для Польши нет лучшей формы существования, чем статус протектората СССР.

Именно эту идею он защищал в своей книге «История глупости в Польше».

Уже само заглавие привлекает читателя, хотя ее содержание позволяет в конце концов прийти к выводу, что сама эта книга служит доказательством преемственности некоторых традиций. Написана она страстно, использованный научный аппарат необъятен. Книга посвящена обзору мнений польских историков о событиях, предшествовавших разделам Польши, и анализу их причин. Бохенский добросовестно и обильно цитирует суждения, против которых выступает, и делает это для того, чтобы доказать, что Россия на самом деле была против разделов, ибо стремилась завладеть *всей* Польшей. При этом «завладеть», как считает Бохенский, «означает связать государство тесным союзом, иметь в нем свою влиятельную клику, короля, приверженного их целям, одним словом — фактически сделать его своим вассалом».

Ценность этой формулировки в том, что она кратко выражает идеал, который считали желательным для современной Польши люди из «Пакса» и их покровители.

Главный довод Бохенского, который должен был окончательно убедить поляков, что вассаль-

⁷ Болеслав Пясецкий (1915-1979) — до войны политический деятель, эндек экстремистского толка, с 1941 г. — командующий созданной им «Конфедерацией нации», в 1943 г. влившейся в Армию Крайову. После войны был арестован органами НКВД, но вскоре вышел на свободу и стал основателем объединения светских католиков «Пакс», активно сотрудничавшего с коммунистами. С 1971 г. — член Госсовета ПНР.

⁸ Ежи Борейша (1905—1952), служил в советской армии, в политотделе 1-й армии Войска Польского в СССР, затем стал основателем крупного издательства «Читальник», обеспечивая новому режиму сотрудничество «попутчиков». Пикантность приведенному историческому анекдоту придает тот факт, что Борейша был не только коммунистом, но и евреем.

ную зависимость от СССР следует принимать не привередничая, как должное, заключался в том, что вовсе не репрессии царского режима побуждали людей к восстаниям, а наоборот, эти репрессии сами были лишь реакцией царизма на протесты и восстания. Аргумент хоть и спорный, но полезный. Он доказывает, что царская Россия все же признавала римский принцип «*parcere subiectis et debellare superbos*»⁹. Заметим в скобках, что российские законодатели начиная со Сперанского весьма неплохо (и не без причин) потрудились, цивилизуя систему репрессий и наказаний. Введенные при Александре II российские суды присяжных стали образцом для стран Запада. Сталин, однако, Вергилия не читал и профилактически ликвидировал как покорных, так и горделивых. Но, как на удивление, определенные (скромные) послабления в странах соцлагеря падали с неба как раз *после* восстаний (как, например, «гуляш-социализм» в Венгрии или милости Герека после декабрьских событий 1970 г. в Польше).

Не думаю, что Бохенский проповедовал свои идеи из корыстных соображений. И раз уж на смертном одре (в 1999 году) он был награжден одним из высочайших орденов Речи Посполитой, следует воздать ему должное — хотя бы предполагая в нем наличие доброй воли. Ясно, что малодушие толкало его к капитуляции — так, на всякий случай. Но к идеям о протекторате и вассальной зависимости он пришел, движимый страхом. Его угнетали те же кошмарные видения угрожающих Польше жерновов, клещей, молота и наковальни, что мучили Гедройца.

Разница в том, что Гедройц не верил ни в геополитическую предопределенность, ни в долговечность тирании, ни в тысячелетние империи. На его глазах вдребезги распалось полдюжины империй, и он не видел, почему следует полагать, что Россия станет исключением из правила. Кроме того, он не считал, как Александр Бохенский, что нет никакой разницы между царской Россией и СССР и что Россию никто и ничто не изменит. Он помнил о временах Столыпина, который в течение считанных лет изменил тысячелетнюю рабскую жизнь российской деревни и создал новый класс зажиточных хозяев. Поэтому Гедройц не думал, что Россия, и только Россия, обречена на вечное возвращение к одним и тем же формам социально-экономического устройства. С другой стороны, у него не было иллюзий насчет благодетельных пере-

мен в характере того материала, из которого Бохенский пытался скроить для Польши лакейскую ливрею: он прекрасно помнил, как в 1968 г. зачислись чехам и словакам их многолетняя покорность и степенное соглашательство.

Вот в чем суть дела: Гедройц просто-напросто не желал принять к сведению, что статус протектората и вассальная зависимость — для Польши неизбежность, а для России благо. И потому он впряг весь свой ум и всю свою энергию в обдумывание планов, которые позволили бы уже никогда в будущем не принимать во внимание подобную возможность. Он считал, что если уж человек проводит 55 лет жизни за редакторским столом, то не затем, чтобы препираться о том, как лучше выторговать куцую полусвободу.

Он придерживался мнения, что само по себе членство в НАТО не может гарантировать Польше безопасного будущего. Да, действительно, зонтик НАТО защищает от дождя, однако Гедройц желал для Польши чего-то большего — устойчивой погоды. Обеспечить ее может только устранение главного мотива векового конфликта между Польшей и Россией и взаимопонимание с теми русскими, которые понимают, что империализм уже изжил себя. А если безопасное будущее Польши — даже в качестве члена НАТО — по-прежнему зависит от направления перемен на Востоке, то нужно поддерживать там геополитические условия, которые радикально устраняют причину конфликтов и исключают возможность возврата прежней угрозы, а не только от этой угрозы защищают.

В результате восточную программу Гедройца можно сегодня свести к весьма сжатому перечню нескольких простых положений. Нет никакой гарантии, что эти положения будут поняты и приняты политиками, от которых зависит использование остатков небывалого в польской истории стечения обстоятельств, коренным образом изменившего в минувшем десятилетии геополитическое положение страны. Тем не менее, общественному мнению Польши и России эти положения должны быть известны. Все они вытекают из исходных предпосылок создателей «Культуры». Вот они:

— установление добрососедских и взаимовыгодных отношений между Польшей и Россией стало и необходимым, и возможным — именно потому, что Польша наконец избавилась от статуса вассала;

⁹ «Покорных щадить и усмирять горделивых» (Вергилий, «Энеида», VI, 53)

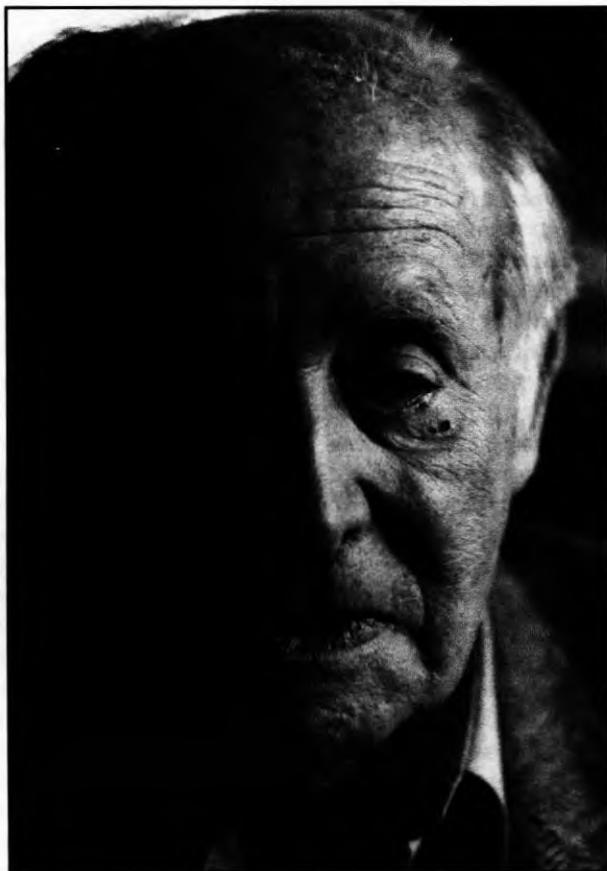
— эта цель может быть достигнута только при одновременном выполнении трех условий:

1) если это произойдет не за счет независимости и жизненных интересов общих соседей Польши и России, в первую очередь Украины;

2) если Россия войдет в состав европейских экономических структур, в принципе эгалитарных и исключающих чью-либо гегемонию, но за это гарантирующих такое процветание, которое делает агрессию анахронизмом;

3) если это произойдет при сознательном участии самих русских. Без русских Россию изменить не удастся.

Иллюстрацией того, как важно было для Гедройца проведение этой программы в жизнь и какое значение он придавал ее последнему пункту, может служить пример «Новой Польши» — ежемесячного журнала, выходящего с 1999 года. Это было одно из его последних начинаний — и, быть может, последнее, осуществление которой он успел увидеть. Поручая автору этих строк это

задание — просто-таки обязывая его это задание принять, — он подчеркивал необходимость заинтересовать и объединить вокруг журнала таких представителей российской интеллигенции, которые не только захотят больше узнать о Польше и принять наши доводы, но и сумеют осознать, что программа «Культуры» может оказаться полезной не одним лишь Польше или Украине, а самой России, ее новой роли в Европе.

Заметим, что эта программа довольно далеко выходит за пределы собственно польско-русских отношений. Во всяком случае, это первая программа, которую поляки предла-

гают русским не на острие копья.

Безмерная заслуга Гедройца состоит в том, что он на долгое время прервал историю глупости в Польше. Теперь уже не от других, а только от самих поляков зависит, окажется ли это лишь паузой или же поворотным моментом в истории польской политической мысли.

Очерк является главой из сборника «ЕЖИГЕДРОЙЦ. Редактор, политик, человек» (под редакцией и с предисловием Кшиштофа Помяна), который будет издан в октябре 2001 г. Товариществом попечения об Архиве Литературного института в Париже и издательством Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской.

Агнешка Осецкая

**Перевел
Андрей Базилевский**

Привилегия политика — надежда, которую он видит в глазах тех, кто выбрал его, кто доверил ему своих жен, зверей и детей, кто говорит ему: «Вот наконец и ты».
Вы этого не извели.

Позор политика — обманутые надежды тех, кто его выбрал, кто доверил ему своих жен, зверей и детей, кто говорил ему: «Вот наконец и ты».
Вы этого не извели.

Привилегия политика — видеть свой клочок мира или страны осуществленным, почти справедливым, почти сытым, почти прекрасным, почти таким, какого он жаждал.
Вы этого не извели.

Позор политика — видеть свой клочок мира лишь в меру осуществленным, лишь в меру справедливым, лишь в меру сытым, в меру прекрасным.
Вы этого не извели.

Привилегия политика — умение добиться компромисса, полуправды, полусчастья, полуцели, полумира.
Вы этого не извели.

Позор политика — умение добиваться только компромисса, только полуправды, полусчастья, полуцели, полумира.
Вы этого не извели.

Позор политика — снискать любовь толпы.
Вы этого не извели.

Привилегия и позор политика — деньги.
Вы этого не извели.

Привилегия и позор политика — убожество.
Вы этого не извели.

Привилегия и позор политика — отдых.
Вы этого не извели.

Привилегия таких, как Вы, — место в истории и вечное уважение.

И вы изведаете это.

Я БЫЛ ОБРЕЧЕН НА ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

Беседа с профессором Даниэлем Бовуа

— Хотелось бы начать с вопроса, который наверняка возникает во всех беседах с вами. Да и как его не задать, если вы, чистокровный француз, знаете и понимаете славянскую проблематику лучше, чем многие из нас. Каковы причины вашего интереса к Польше?

*Даниэль Бовуа, историк, полонист, переводчик. Родился 9 мая 1938 г. в Аннезен ле Бетюн. Изучал русистику (1959-65), а затем полонистику (1961-66) в университете в Лилле. В 1965 г. получил *agrégation* по русскому языку. Работал в Лилле, где преподавал русский язык в лицее Пастера (1964-68), а также вел занятия по польской и русской культуре в университете (1967-68). В 1969 году Министерство иностранных дел Франции назначило Бовуа на должность директора Центра французской культуры при Варшавском университете. После возвращения во Францию (1973) занимался научной работой в отделе современной истории CNRS. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию и преподавал в университете в Нанси. В 1979 году получил степень профессора университета в Лилле и в течение пятнадцати лет руководил кафедрой польской культуры. В качестве эксперта по проблемам Центральной и Восточной Европы организовывал международные научные симпозиумы, а также выступал с лекциями за границей, в том числе*

— Первая причина — это то, что я родился в районе Бетюна, в котором до войны жило больше всего поляков. Я жил среди них, ходил вместе с ними в начальную школу и лицей. Правда, это еще ни о чем не говорит: когда мне было 18 лет, я не знал ни слова по-польски и начинал изучать русистику. Но впоследствии, когда для защиты диплома мне понадобился второй славянский язык, я, естественно, выбрал польский. Мой ближайший лицейский друг был поляком. Наверное, это тоже сыграло свою роль. Потом я познакомился со своей будущей женой, и оказалось, что она по происхождению поляка. Ей я тоже очень многим обязан: она помогала мне читать. К тому же в Лилльском университете была исключительно благоприятная ситуация. Там работал прекрасный профессор — Вацлав Годлевский, человек вдохновенный, тип поэта. Нам, воспитанным на сухой рационалистической французской литературе, он казался немного старомодным... Он очень поощрял меня, помогал и всячески убеждал, что, зная русский и польский, я смогу заниматься научной работой в своей собственной области. Так оно и случилось, ибо с тех самых пор, сразу же после получения диплома, который я защитил в 1965 г., я посвятил себя почти исключительно русско-польским отношениям на восточных «креках». Я писал об этом, часто выезжал на архивные розыски в Вильнюс, Москву, Ленинград... вот так и родились мои научные работы.

— В те времена это воспринималось как оригинальное занятие?

— Да, действительно. Впрочем, в каком-то смысле я был обречен на оригинальность: у меня, сына рабочего, не было никакой возможности поступить в престижную высшую школу вроде Национальной школы администрации [главного питомника французских политиков. — *Ред.*]. Пришлось искать другой путь... и я нашел славянский мир, над которым в то время работали очень мало, да и сегодня мало работают. Действительно, это было интересно, оригинально, экзотично даже для французов. По правде говоря, восточноевропейские страны до сих пор воспринимаются как экзотические.

— Как протекала ваша профессиональная карьера?

— Вначале я преподавал русский язык в лицее и читал лекции в Лилле, затем, когда меня назначили директором Центра французской цивилизации при Варшавском университете, поехал в Польшу. После возвращения во Францию на протяжении пятнадцати лет заведовал кафедрой полонистики в Лилле, потом стал профессором Сорбонны. В последние годы я отошел от интенсивной преподавательской деятельности и теперь могу заниматься исключительно научной работой. Сейчас готовлю к выпуску монографию о написанном по-польски дневнике Орлика, украинского гетмана XVIII в., необычайно интересном и малоизвестном. Мне всегда хотелось заниматься малоизвестными темами. Некоторое время я был председателем Французско-украинского общества и в рамках его работы издавал бюллетень, на страницах которого рассказывал о весьма важных для Европы польско-украинских отношениях. К сожалению, эта тематика не слишком интересует Запад, а французов, вечно смотрящих на Москву, — в особенности. Однако со временем некоторые идеи все-таки пробиваются. В последнее время в Люблине при моем участии вышла двухтомная «История Центральной и Восточной Европы», в Брюсселе же под редакцией Анны де Тенги из Высшей школы политических наук была издана книга, в которой мне принадлежит глава об украинском национальном самосознании. Но до перемены образа мыслей все еще далеко.

— Меня поражает, что в среде, где было так много поляков, славянской проблематикой занялся лишь француз.

— Да, это может показаться странным, но поляки в основном ассимилировались. Если заглянуть в телефонную книгу Лилля и окрестностей, каждая вторая фамилия окажется польской. Но ощущают ли себя эти люди поляками и принадлежат ли они к Польше? Мне кажется, подавляющее большинство — нет. Некоторые сохранили какие-то контакты с польскими традициями, но это уже четвертое поколение. Заняв должность моего учителя, проф. Вацлава Годлевского, я всегда неловко чувствовал себя в роли полониста, поскольку в мои обязанности входила «реполонизация» французов польского происхождения. Это казалось мне странным и парадоксальным: ведь за исключением нескольких динамичных общин, никто в этом регионе ни Польшей, ни польским языком не интересуется. В министерстве национального образования я отвечал всю польскую образовательную систему во Франции. Мне приходилось убеждать директоров школ и учителей, чтобы они создавали условия для преподавания, соглашались открывать классы с польским языком обучения. Результаты моей работы всегда были неважными. Мои преемники борются с той же проблемой: ничего не изменилось, а кое-что даже ухудшилось.

— Я много раз читала ваши высказывания и обращения к полякам по этому вопросу и всегда испытывала смущение оттого, что за наше дело борется француз, а сами мы на это неспособны.

— Я должен был заниматься этим по долгу службы...

в польских, российских, американских и немецких университетах. В 1979-90 гг. был членом, а затем председателем экзаменационной комиссии, признающей дипломы *agrégation* по польскому языку. В 1983-90 гг. исполнял обязанности главного инспектора по преподаванию польского языка при французском Министерстве национального образования. В 1994 году получил звание профессора Сорбонны и руководил Центром славянской истории. В 1998 году Бовуа отказался от преподавательской работы и посвятил все свое время научным исследованиям. Его научные публикации, посвященные, главным образом, восточным «кресам» прежней Речи Посполитой, а также польско-российским отношениям XVIII-XIX вв., насчитывают около 150 позиций — среди них 12 переводов с польского (художественная и историческая литература), в том числе «История Польши» (изд. Атье, Париж, 1996). Бовуа — член многих французских и международных научных обществ, в частности, заграничный член Польской Академии наук и Польской Академии мастерства. Является доктором *honoris causa* Вроцлавского (1993), Варшавского (1999) и Ягеллонского (2000) университетов. Удостоен многочисленных государственных наград.

— *Мне не верится, что вы руководствовались лишь чувством долга.*

— Ну, эмоционально я тоже был вовлечен, иногда даже очень. Но все мое личное участие не слишком помогало.

— *Польский не принадлежит к числу ведущих европейских языков. Почему же, если столько поляков живут за границей, польские правительственные организации не заботятся о том, чтобы этот язык культивировать? Ведь большинство людей, живущих вдали от родины, не отдают себе отчета в определенных лингвистических процессах.*

— Думаю, основная ошибка польской политики заключается в том, что проблема эта взваливается на плечи Полонии. Существует огромная разница между Полонией трудовой и интеллектуально-политической. Последняя еще может хранить память о своих корнях, но трудовая Полония всегда мечтала об ассимиляции. И они осуществили свою мечту. Они стали французами, англичанами, американцами и очень рады, что им это удалось. Поэтому рассчитывать на Полонию — просто недоразумение.

— *В качестве главного инспектора польского языка во Франции вы наверняка неоднократно сталкивались с представителями польского правительства. Какое впечатление произвели на вас беседы с ними?*

— Они всегда очень абстрактно рассчитывают на присутствие этой многомиллионной Полонии, не отдавая себе отчета в том, что она отнюдь не лобби. Это просто аморфная масса. Даже имея свои структуры, Полония ничего не сделает, поскольку структуры, как правило, сохраняются на протяжении одного поколения. Второе поколение обычно уже ассимилируется. Сама по себе польская культура имеет множество достоинств. Их не может пропагандировать Полония — это скорее задача институциональной популяризации культуры, т.е. польских фирм, театра, живописи, обращенных к французам или французам польского происхождения, которые в данном случае могут сыграть роль связующего звена. Однако прежде всего необходимо действовать не через Польские институты и другие бесчисленные учреждения, а через французские структуры. Когда университет организует научную сессию на польскую тему, культура играет свою естественную роль, оказывается на виду и уже не нуждается в рекламе, рекламируя саму себя.

— *Кажется, Французские институты в Польшу лучше справляются со своей задачей?*

— Сейчас все очень изменилось. Французские институты уже не пользуются в Польше таким успехом, как раньше. Когда-то ситуация была благоприятной: еще сохранялись остатки довоенной французской традиции и ее былого блеска. Элита и аристократия говорили по-французски. Тридцать лет назад университетские профессора тоже знали этот язык. Работая в Польше, я основал «Кайе де Варсови» [«Варшавские тетради»], журнал, который до сих пор издается Варшавским университетом, причем на его средства. Не знаю, каково будет положение французской культуры в мире лет через двадцать, но нынешнее не сулит ничего хорошего. Я наблюдаю невероятный регресс. Сегодня я не могу читать [в Польше] лекции по-французски, так как студенты и новое поколение профессоров уже не знают языка.

— *Однако, несмотря на все это, Франция гораздо больше заботится о популяризации своей культуры и языка, чем Польша?*

— Все отнюдь не так радужно. Представьте себе, что «Картала», издательство Высшей школы политических наук, намерено печатать все по-английски. И это здесь, в Париже! Они объясняют это тем, что у них нет другого выхода: издания на французском языке не имеют пробивной силы, а англоязычные принесут им большую известность. Это уже явная капитуляция!

— *Вернемся на минутку к полонистике. Каково ее будущее во Франции?*

— Я умеренный оптимист. Быть полонистом во Франции — выбор трудный и самоотверженный. Много лет назад я основал Общество французских полонистов, чтобы собрать этих людей, зачастую обособленных, дать им возможность черпать энергию, необходимую для работы. Очень важно поддерживать то, что уже существует. Надо быть реалистом: большой полонистики во Франции никогда не будет. Впрочем, ее никогда и не было. И все-таки можно мечтать об укреплении некоторых аспектов. Лично мне жаль, что полонистика всегда связана с литературой и языком. Это дает студентам ложный образ Польши. Для полного представления очень нужны история и социология. Зато улучшилась ситуация с изданием переводов польской литературы. В настоящий момент существует круг хороших полонисток (полонистов, к сожалению, нет), которые, не имея возможности преподавать, занимаются переводами. Это прекрасные переводчицы, они делают очень много, и теперь на полках книжных магазинов можно найти немало книг польских авторов, чего прежде не было. Это замечательный прогресс.

— *А как выглядели ваши контакты с польскими учеными? Отличаются ли система и условия работы французских и польских гуманитариев?*

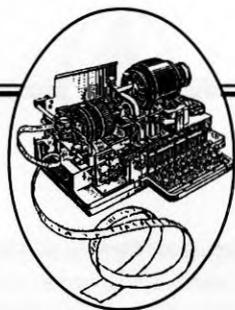
— Я разговаривал со своими польскими коллегами, которые мечтают лишь о том, чтобы получить стипендию в США. Им кажется, что Америка — это рай. Польская наука всегда импонировала мне своей работоспособностью и научным упорством. Однако сейчас я вижу несколько меньше научного энтузиазма, зато налицо погоня за ставками. В настоящее время самая серьезная проблема польских ученых — уровень зарплат. Мои коллеги работают на две, а то и на три ставки, и это поглощает их время. Очень жаль — ведь это наносит ущерб уровню их исследований и науке вообще. Я не могу их критиковать: наверное, на их месте я поступил бы точно так же. У нас ситуация выглядит лучше. При наших зарплатах нельзя позволить себе особой роскоши, но на безбедную жизнь и нормальную научную работу их вполне хватает. Это элементарная вещь: у ученого не должно быть финансовых проблем. Если же говорить о науке, то в изучаемой мною области Польша достигла фантастических успехов. Есть очень хорошие работы, а польская история играет на международной арене первостепенную роль. Скажем, проф. Гейштор был избран председателем Международного общества историков. Это было знаком уважения к работе польских ученых.

— *Полностью ли вы удовлетворены своим сотрудничеством с Польшей?*

— Сотрудничество с Польшей всегда складывалось у меня очень хорошо. В советский период между Советским Союзом и Польшей существовали заметные различия в условиях научной работы. Польские архивы функционировали нормально, за исключением современных, доступ к которым был затруднен. Конечно, научная работа протекала в определенных рамках, случались трудности с публикацией результатов некоторых исследований... Я занимался XIX и началом XX века, так что в Польше мне не пришлось сталкиваться ни с какими трудностями. Зато у меня возникали ужасающие проблемы в Москве и Ленинграде. В Польше я сотрудничал с Варшавой, Вроцлавом, Краковом. В Кракове есть архив Чарторыхских, для меня он бесценное сокровище. Почти все, что я написал, было переведено на польский язык и издано в Польше. Сотрудничество с Польшей дает мне невероятное удовлетворение. Я очень многим ей обязан. Этот странный поначалу выбор профессионального пути оказался необыкновенно плодотворным. Все, что принесло мне удовлетворение, связано с Польшей. Некоторым кажется, что я слишком много занимаюсь «кресами», соседством с Украиной и Россией, однако это «вина» проф. Годлевского, который очень поощрял меня к подобным изысканиям. Я считаю, что это единственный способ показать истинную польскую жизнь. О необходимости добрососедских отношений Польши с этими регионами я писал еще тогда, когда никто о таких вещах даже не заикался. В конце 60-х я сделал выбор, сознавая, что это превосходная тема, весьма важная для культуры и будущих международных отношений. Какую борьбу я вел тогда, вырывая у России документы! Борьбу эту трудно себе представить, она требовала многих жертв и терпения... Но она того стоила.

Париж, 27 февраля 2001

Беседу вела Агата Жмудзинская-Юдицкая

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ 1 августа в 17.00 вой сирен в Варшаве напомнил о 57-й годовщине начала Варшавского восстания. Многие прохожие останавливались, остановилось движение городского транспорта и автомашин. Поминальные торжества проходили у памятников и на кладбищах. За 63 дни восстания погибло 120-180 тыс. человек — повстанцев и гражданского населения вместе взятых. В немецкий плен попали 15 тыс. участников восстания. («Газета wyborча», 2 августа)

■ Проф. Анджей Кшиштоф Кунерт, историк: «Варшавское восстание стало самым наглядным примером польской любви к свободе, суверенности, к праву самим решать свою судьбу. Об этом прекрасно сказал Марек Эдельман, публично размышляя о том, что самое важное в жизни человека: «Важнее всего жизнь, а когда жизнь уже есть, то важнее всего свобода. И жизнью жертвуешь ради свободы. И опять неизвестно, что важнее». («Жечпосполита», 1 августа)

■ Марек А. Цихоцкий, программный директор Центра международных отношений: «Правда, в скандалах в Польше нехватки нет, но наша демократия проявила исключительную сопротивляемость. Она проявила также образцовую устойчивость и сдала трудный экзамен двух полных политических перемен [смены правящих партий] в 1993 и 1997 гг., а это (...) основной критерий прочности демократической системы. Не худшим образом функционирует свободный рынок, который год за годом приносит экономический рост, в последнее время, правда, замедлившийся. (...) Соблюдаются права человека, отсутствует цензура. Власть представительна и не репрессивна. (...) Трудности состоят не в том, что практика демократии оказалась сложнее и запутаннее, чем считали идеалисты, а в том, что ее уровень опасно низок, ее принципами все более откровенно пренебрегают, границы неприемлемого систематически нарушаются. (...) Польская демократия поразительно быстро приобрела замкнутый, а местами просто олигархический характер. (...) Мы имеем дело с замкнутой структурой личной преданности, интересов и связей и с ее (...) клиентурой. (...) Эта структура существует и укрепляется в ущерб участию большинства граждан в демократии и в оторванности от демократическо-

го, данного избирателями мандата. (...) Замкнутый характер польской демократии укрепляет типичные для олигархии явления коррупции, кумовства, хищения государственных и муниципальных средств с выводом их в частную сферу, а если сказать шире — политического капитализма». («Жечпосполита», 28-29 июля)

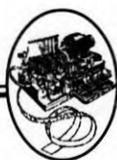
■ Сейм утвердил закон о доступе граждан к информации, не составляющей государственной тайны. За незаконный отказ предоставить информацию будет грозить наказание до года лишения свободы. («Газета wyborча», 26 июля)

■ Депутаты из парламентской фракции «Право и справедливость» первыми предали огласке свои имущественные декларации. Содержащиеся там данные включены в их анкеты кандидатов на осенних выборах в Сейм и будут опубликованы в Интернете. Эти депутаты призвали остальных парламентариев по их примеру также сделать свое имущественное положение достоянием общественности, чтобы борьба с коррупцией не оставалась пустыми словами. («Жечпосполита», 26 июля)

■ Члены руководящих органов «Союза левых демократических сил» (СЛДС) опубликовали в Интернете данные о своем имущественном положении. Вслед за ними то же самое сделали лидеры «Унии свободь» (УС). При этом, что поразительно, фракции обеих партий в Сейме голосовали против доступа общественности к сведениям о личном имуществе политиков (из-за чего это положение поначалу провалилось). «Мы поддались натиску предвыборной лихорадки», — признал заместитель председателя СЛДС Марек Боровский. («Жечпосполита», 30 июля)

■ Депутат от «Избирательного действия Солидарность» (ИДС) Чеслав Белецкий получил в подарок «сыну от посла Китайской Народной Республики портативный компьютер «Сименс» стоимостью около 9 тыс. злотых», как он записал в депутатский реестр доходов. Должен ли он принимать такие дорогие подарки? («Газета wyborча», 23 июля)

■ Объявление: «В связи с обвинениями, выдвигаемыми в последнее время против моего отца в связи с портативным компьютером — подарком мне от посла КНР, — сообщаю, что этот подарок я передал в Поморскую

библиотеку, где хранятся богатые коллекции, связанные с буддизмом и восточной культурой. Бенямин Белецкий». («Жечпосполита», 31 июля)

■ «В Польше мы приступили к экономической реформе (...), к построению нормальной экономики с нуля. И это был великий, эпохальный успех. К сожалению, не нашлось достаточного числа умных людей (или умные были не слишком смелые), чтобы сказать обществу, что столь обширная система социальных пособий не существует нигде в мире и неподъемна даже для стран в три-четыре раза богаче Польши. И, что еще хуже, «добрые люди» (хотя не слишком умные или не слишком смелые) начали эту систему пособий еще более расширять. Одновременно они откладывали (...) внедрение нормальных экономических правил во всю сферу социального обслуживания. (...) С самого начала мы работали на то, чтобы раньше или позже прийти к крупной экономической катастрофе. (...) Если польское общество не поумнеет (...) то Польша присоединится к списку стран — жертв кризиса». (Михал Зелинский, «Тыгодник повшехний», 22 июля)

■ 928 878 польских семей получают социальную помощь по бедности, 708 649 — по безработице, 415 979 — как семьи без одного родителя или многодетные, 392 261 — по инвалидности, 365 157 — по хроническим заболеваниям. («Впрост», 29 июля)

■ По данным ЦИОМа, 51% поляков ездят за границу. Восемь лет назад их было 50%. В 2000 г. 46% поляков выезжали за границу на отдых. В 1996 г. их было 36%. («Газета wyborча», 7-8 июля)

■ По данным Главного статистического управления (ГСУ), почти 300 тыс. человек в Польше — домашняя прислуга. Еще столько же занимаются тем же, но неофициально. Это главным образом приезжие из стран СНГ. («Впрост», 5 августа)

■ Вступил в силу закон об охране прав жильцов, ограничивающий права домовладельцев в еще большей степени, чем прежде. Договоры о найме жилья должны заключаться не менее чем на три года, арендную плату нельзя повышать в соответствии с инфляцией, выселение неплатежеспособных жильцов стало весьма трудным. («Тыгодник повшехний», 22 июля)

■ Польский союз владельцев недвижимости и Общепольское объединение владельцев недвижимости обжаловали закон об охране прав жильцов в Конституционном суде. Сейм обеспечил интересы жильцов за счет домовладельцев — как муниципальных органов, так и частных лиц. Это положит конец неплохо развивающе-

муся строительству жилья, предназначенного для сдачи в наем. Это также приведет к дальнейшей порче жилых помещений, занятых административно навязанными жильцами. («Политика», 28 июля)

■ Сейм утвердил новый закон о кооперации, по которому члены кооперативов получают право контролировать решения, принимаемые правлениями, а председатели правлений отвечают за свои решения своим имуществом. («Тыгодник повшехний», 5 августа)

■ Занятость в горнодобывающей промышленности в 1995-2000 гг. снизилась на 35,8%; в здравоохранении — на 10,4%; в агропромышленной отрасли — на 8,4%; в сельском и лесном хозяйстве — на 4,8%. В то же самое время возросла занятость в строительстве на 2,1%, в торговле — на 29,8%, в финансовом посредничестве — на 6,4%, в государственной и местной администрации — на 36,3%. («Газета wyborча», 7-8 июля)

■ По данным министерства экономики, экономический рост в первой половине года составил 1,9%. Это означает, что после того, как в I квартале был достигнут рост в 2,3%, в следующие месяцы наступил спад почти в полтора процента ВВП. («Газета wyborча», 28-29 июля)

■ Как вытекает из публикаций ГСУ, в первом полугодии нынешнего года экономика развивалась гораздо медленнее, чем в предыдущем году. Причины этого — снижение спроса, в том числе и инвестиционного. Снижается занятость. Все медленнее растет зарплата. В ближайший период нет предпосылок к повышению спроса и оживлению роста ВВП. («Жечпосполита», 1 августа)

■ В июле улучшились настроения польских потребителей. Оценки состояния экономики продолжают оставаться негативными, но показатели спроса улучшаются. («Впрост», 29 июля)

■ Сейм утвердил изменения бюджета текущего года, повышающие бюджетный дефицит с 20,5 до 29,1 млрд злотых. («Жечпосполита», 28-19 июля)

■ Совет денежно-валютной политики снизил основные кредитно-учетные ставки на 1,5 пункта. Президент Польского национального банка и председатель его совета Лешек Бальцеревич утверждает, что такое решение стало возможным благодаря падению инфляции. («Тыгодник повшехний», 8 июля)

■ Польский национальный банк и Банк Франции заключили соглашение о сотрудничестве. Программа предусматривает также сотрудничество с Банком Италии. В соглашении предусмотрена помощь в адаптации польского центрального банка к требованиям Евросоюза. («Жечпосполита», 13 июля)

■ «Меняются составы Сейма, меняются правительства, исчезают и создаются партии. Один за другим политические и экономические гуру сходят со сцены под свист избирателей. Лишь одному политику нельзя отказать в успехах — Лешеку Бальцеровичу. Ему везет, говорят его противники. И правда, везет! Стоит, однако, вспомнить, что говаривал Кутузов, когда его упрекали в том, что Наполеона он победил, потому что повезло: — Тут везенье, там везенье, видно, было и уменье». (*«Впрост», 29 июля*)

■ Заместитель министра обороны Ромуальд Шеремтьев снят со своего поста после попытки бегства за границу его помощника Збигнева Фарамуса, подозреваемого в коррупции. (*«Жечпосполита», 12 июля*)

■ Министр связи Томаш Шишко снят со своего поста, после того как Высшая контрольная палата установила наличие «коррупционной структуры» в его министерстве. (*«Жечпосполита», 12 июля*)

■ «Если сегодня премьер-министр Ежи Бузек избавляется от политиков, над которыми тяготеют подозрения — даже без предъявления им обвинений прокуратурой, — а председатель СЛДС изгоняет из своей партии политиков, обвиняемых, в частности, в кумовстве, то они это делают из чистого прагматизма. Оглашение нескольких коррупционных скандалов в одно и то же время свидетельствует о том, что их используют в политической игре. Однако то, что такую игру можно вести, что пресса может свободно о ней писать, подтверждает, что мы живем в демократическом государстве. Что-то в Польше действительно переменялось: те, кто борется за власть, стали считаться со свободным рынком политики, свободным рынком СМИ, общественным мнением свободной страны. Именно так расцветает демократия». (*«Впрост», 5 августа*)

■ Хотя в Польше по партийной номенклатуре распределяется 1700 постов, на самом деле партиям подчинены около 200 тыс. должностей. Это в несколько раз больше, чем в США. Общее число всех чиновников правительственной и местной администрации и учреждений-посредников (целевые фонды, внебюджетные управления) достигает 300 тыс. человек. Одних только министров, замминистров и государственных секретарей в Польше в четыре раза больше, чем во Франции, где население почти в полтора раза больше. В то время как в городских советах многомиллионных западных столиц обычно 30–40 членов, в Варшаве их почти семьдесят. (*«Впрост», 5 августа*)

■ Согласно предвыборному опросу общественного мнения, проведенному ЦИОМом 26–29 июля, в Сейм могут войти: коалиция СЛДС и «Унии труда» — 46%

поддержки, «Гражданская платформа» — 13%, ПСЛ [крестьянская партия] — 12%, «Право и справедливость» — 7%. Вне парламента, по этим результатам, остаются коалиция «ИДС — правые» — 7% (минимальный порог для коалиции — 8%) и УС (минимальный порог для партий — 5%). (*«Жечпосполита», 2 августа*)

■ Апелляционный суд признал, что депутат Сейма от ПСЛ Рышард Смолярек, бывший замминистра сельского хозяйства, солгал в люстрационной декларации, утаив трехлетнее сотрудничество с госбезопасностью ПНР. Смолярек лишился депутатского мандата и на протяжении 10 лет не сможет занимать крупные государственные и выборные должности. (*«Газета wyborcza», 26 июля*)

■ 29 июля в возрасте 88 лет скончался Эдвард Герек, бывший первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (правившей в ПНР компартии). Герек был единственным первым секретарем ЦК в коммунистических странах, который не был сформирован советским коммунизмом. Он воспитывался под влиянием французской компартии, когда работал во Франции и Бельгии. Может быть, поэтому он не проводил кровавых расправ с противниками. Он не употребил насилия против забастовщиков 1980 г. [напомним, однако, что «французское воспитание» не помешало ему жестоко расправиться с участниками рабочих демонстраций в 1976 и студенческих — в 1977 г. — *Пер.*] и согласился на подписание августовских соглашений, которые завершили его эпоху, положили начало «Солидарности» и стали началом конца ПНР. (*«Газета wyborcza», 30 июля*)

■ Станислав Подемский рассказывает историю времен ПНР. Назначение советского маршала Константина Рокоссовского польским министром обороны (1949) потрясло общественность в Польше, уже ко многому привыкшую при коммунистическом режиме. Познанский железнодорожник, слишком громко говоривший, что Рокоссовский — русский, был приговорен к двум годам. Его защитником был известный адвокат д-р Мауриций Карнёл, который до войны защищал в суде коммунистов. Под конец своей защитительной речи на процессе познанского железнодорожника Карнёл сошел с адвокатской скамьи, подошел к столу суда и сказал: «А вообще-то, господа судьи, помимо всего, что я тут говорил, разве это так уж стыдно — быть русским?» Однако этот блестящий ход защитника в те времена и перед тем судом, конечно, не принес никаких результатов. (*«Газета wyborcza», 28–29 июля*)

■ Бывшие владельцы или их наследники добиваются возвращения недвижимости, занятой в настоящее время посольствами Швейцарии, Великобритании, Венг-

рии, Туниса, США, а также недвижимости, принадлежащей российскому посольству. (*«Жечпосполита»*, 30 июля)

■ Министр иностранных дел Владислав Бартошевский во время визита на Украину: «Польско-украинские отношения чрезвычайно хороши, но в ряде деталей они могли бы быть лучше». (*«Жечпосполита»*, 9 июля)

■ Премьер-министр Литвы Альгирдас Бразаускас — премьер-министру Польши Ежи Бузеку во время его визита в Литву: «Мы готовы подписать с Польшей соглашения о транскрипции польских имен и фамилий в Литве». (*«Жечпосполита»*, 3 августа)

■ Посольство Японии устроило прием группе поляков, которых в раннем детстве японский Красный Крест сумел вывезти из охваченной революцией Сибири. Японцы спасли тогда 765 польских детей — внуков ссыльных, а также детей польских инженеров, работавших в Сибири. Позднее через Великобританию они были отправлены в Польшу. Сегодня из них в живых остались всего полтора десятка человек. Генрик Садовский вспоминает Японию со слезами на глазах: «Такое благополучие и такая сердечность. Мы были запущенные, босые. Одни вши да лохмотья. Нас встретили толпы людей. Потом детей мыли, стригли, кормили. Поразительная чистота, искренность, улыбки, забота». Антония Лиро помнит, что «все мечтали о Польше. Это был грезлившийся рай. О ней много говорили». Начало жизни на родине, разоренной войной, оказалось трудным. Генрик Садовский: «В спальне была грязная солома на бетонном полу. Оказалось, что нас поселили в бывшей тюрьме. Не было умывальников, мыла. Корзинки, которые мы получили от японцев, у нас украли. Детей били (...) Мы снова завшивели». Антония Лиро: «Мы были вечно голодны. Однажды я сорвала брюкву на поле. Мы с подружками ели ее как лакомство. Дети умирали от туберкулеза». Халина Новицкая не может забыть монахинь с хлыстами: «Тогда-то я закончила мои счета с Богом». (*«Газета wyborча»*, 3 августа)

■ Примас Польши кардинал Юзеф Глемп сказал о массовом уничтожении еврейского населения местечка Едвабне польскими соседями 10 июля 1941 г.: «Из того, что произошло 60 лет назад, нужно извлечь урок: мы, поляки, утратили нашу человечность, хоть это и вытекало из многих причин». (*«Газета wyborча»*, 7-8 июля)

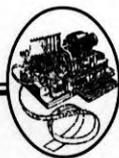
■ Епископ Ломжинской епархии Станислав Стефанек сказал о траурной церемонии, проходившей в Едвабне в 60-ю годовщину злодеяния: «Программа состояла из двух пунктов: во-первых, отнять у

поляков доброе имя; во-вторых, отобрать у них деньги. (...) В Ломже есть группа, почти 500 человек, которым нанесли ущерб последние преобразования форм собственности. Они собирались выйти на улицу и заявить проезжающим [через Ломжу в Едвабне] о своем несчастье (...) но, посоветовавшись, отступили от этого намерения. Тем более что проезжающие не интересовались ни нами, ни нашей нуждой». (*«Наш дзенник»*, 13 июля)

■ Чеслав Белецкий, депутат Сейма: «Через пятьдесят с лишним лет после изгнания из Едвабне семьи Вьжиковских, которые, рискуя жизнью, два года прятали в укрытии под полом хлева семерых едвабненских евреев, местное население вынудило покинуть местечко и Лешека Дзедзица. Его семья тоже помогала евреям во время погрома [10 июля 1941], так что вряд ли они не знали мрачной правды о соседях. (...) Население Едвабне не пережило того катарсиса, который стал уделом польской общественности». (*«Впрост»*, 15 июля)

■ «В 60-ю годовщину едвабненского злодеяния поляки уже способны его осудить, но еще не способны — надписью на памятнике — назвать преступников. Они способны оплакать жертвы, но еще не умеют до конца порвать с побуждениями, которыми руководствовались преступники. В Едвабне приехал президент, но не приехали ни премьер-министр, ни примас. Моральный шантаж, который повелевает скрывать, оправдывать или хотя бы понимать тех, кто совершил злодеяние, — раз они из наших, — еще не утратил своей мертвой хватки». (*Давид Варшавский, «Впрост»*, 25 июля)

■ «Прекрасная траурная церемония в Едвабне транслировалась по I программе Польского телевидения. Отважное выступление президента Квасневского, красноречивое отсутствие [местных] жителей, темные, пустые места, где должны были находиться наши правые политики, шокирующее отсутствие польских [католических] епископов. И местный священник, запершийся у себя дома. (...) А что делает прямо в это время Лех Валенса, печальная карикатура на маршала [Пилсудского]? Поддерживает усилия темной личности, Януша Томашевского, стартовать на выборах. На этом фоне Квасневский выглядит государственным мужем, политиком, способным руководствоваться нравственностью. (...) Отсутствие людей из бывлой «Солидарности», за исключением политиков из «Унии свободы», окончательно подорвало миф этого движения, которое должно было оставаться самым прекрасным нравственным взлетом поляков в минувшем веке. Я испытываю горечь по этим потерянными годам». (*Смеч, «Жечпосполита»*, 21-22 июля)

■ Петр М.А.Цивинский, председатель варшавского Клуба католической интеллигенции, секретарь Международного Освенцимского совета: «Миф, наш миф — лопнул. Едвабне потрясло не только тем, что сотни невинных людей погибли заживо сожженными в овине. Оно потрясло тем, что убийцами были поляки. Это не вмещалось в миф, и, спасая его, надо было попытаться заменить убийц-поляков хулиганьем неизвестного происхождения, а еврейских жертв превратить в сексотов НКВД. Так реагировали те немногие, кто отдал свою жизнь созиданию мифа, крепящего сердца. Однако для многих Едвабне стало переломом. Пробуждением. Очищением. Что это значит? Это значит, что уже нельзя будет писать историю Польши селективным образом, одни поступки вознося на алтари истории, а другие — замалчивая. История поляков — это не только история группы национальных героев, сражающихся на мировой арене с объединенными внешними силами зла. (...) Драма Речи Посполитой — это кровавое убийство в Едвабне. (...) Несмотря на то, что поминальные торжества окончились, несмотря на близкий конец следствия, дискуссия должна продолжаться, ибо выводы — в масштабе более широком, чем чисто фактографические вопросы, — еще далеко не окончательно сформулированы». («Жечпосполита», 28-29 июля)

■ По данным опроса общественного мнения, проведенного «Пентором», 68% поляков в возрасте 15-25 лет считают оглашение фактов соучастия поляков в уничтожении евреев во время II Мировой войны необходимым. Противоположного мнения придерживаются 27%.

■ Едвабненский городской совет принял отставку бургомистра Кшиштофа Чижевского, остававшегося на этом посту 10 лет. 10 июля К.Годлевский, несмотря на возражения совета, участвовал в траурной церемонии в 60-ю годовщину уничтожения едвабненских евреев их польскими соседями. 12 членов совета выступили за отставку бургомистра, шестеро были против. Уйти со своего поста намерен также председатель гминно-городского совета Станислав Михаловский, тоже участвовавший в церемонии вопреки мнению совета. («Жечпосполита», 6 августа)

■ Свящ. Станислав Бартминский из Красичина получил из рук посла Израиля в Польше Шеваха Вейса диплом «за заслуги в охране наследия еврейской культуры в Польше». Вместе со своими прихожанами священник реставрировал еврейское кладбище и организовал «день молитвы и размышления», посвящен-

ный памяти евреев, погибших во время II Мировой войны. («Тыгодник повшехный», 8 июля)

■ Михаэль Шудрих, раввин Варшавы и Лодзи: «Я не замечаю в Польше сильного антисемитизма. За последние 11 лет раз, может быть, шесть ко мне обращались со словами «ну ты, еврей...»». («Впрост», 22 июля)

■ Польский экспорт в страны Евросоюза в 1992-2000 гг. возрос почти в три раза. В настоящее время его годовой объем составляет 22 млрд. долларов. Систематически растет продажа продуктов переработки и снижается продажа полуфабрикатов и сырья. Однако отрицательное сальдо в торговом обороте с ЕС выросло за тот же период в 10 раз». («Впрост», 22 июля)

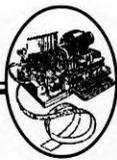
■ В 2000 г. Польша заработала на приезжающих в страну иностранцах около 6,1 млрд. долларов. («Впрост», 22 июля)

■ По данным Интерпола и по докладом Европарламента, через Польшу проходит важнейший европейский «торговый путь», по которому на Запад перебрасывают три четверти женщин и детей, эксплуатируемых западным секс-бизнесом. («Впрост», 5 августа)

■ Проф. Ян Потемпа, биохимик из Института молекулярной биологии при краковском Ягеллонском университете, утверждает, что любой молодой ученый с хорошей головой эмигрирует, а в Польше остаются либо посредственности, либо немногочисленные романтические энтузиасты. С его мнением согласно большинство молодых ученых. Аспирантская стипендия в Польше составляет 600 зл. в месяц; на Западе — 1000-1600 долларов. («Впрост», 29 июля)

■ Ежи Здислав Хольцер, президент отделения общественных наук Польской Академии наук: «При прогнозируемом варианте старения общества в Польше, чтобы сохранить численность населения на неизменном уровне до 2050 г., потребуется въезд в страну около 2,5 млн. иностранцев! (...) Чтобы экономика работала, потребуется приток работников извне, но только определенных специальностей. (...) Сегодня мы хотим экспортировать наших специалистов, так как в ближайшие пять лет у нас будет возрастать излишек лиц в производственном возрасте. Но что потом?» («Газета wyborча», 3 августа)

■ На рынке междугородных телефонных переговоров появилась конкуренция. «Независимый международный оператор» предлагает ставки на 10% ниже, чем Польская телекоммуникация. («Тыгодник повшехный», 8 июля)

■ Европейский суд по правам человека вынес постановление о возмещении ущерба Сильвестру П., 54 лет, проживающему в Забже, за затягивание процесса польскими органами правосудия. Правительство Польши должно уплатить ему 50 тыс. зл. компенсации — это 33-е постановление суда по польским делам, притом с самой высокой суммой компенсации. (*«Жечпосполита»*, 18 июля)

■ День полиции праздновался в Польше в годовщину принятия Сеймом закона о государственной полиции (24 июля 1919). В настоящее время в составе польской полиции около ста тысяч человек, она располагает Высшей полицейской школой в Щитне и полицейскими школами в Катовице, Пиле и Слупске. (*«Наш дзенник»*, 23 июля)

■ По оценке независимого профсоюза полицейских, задолженность полиции уже превысила 166 млн. зл., а действительные долги еще больше, так как профсоюз располагает данными лишь о не выплаченных полицейским деньгах, установленных законом. Отдельные полицейские управления одалживают у местных органов самоуправления деньги на горючее, не платят за электричество и телефон. «Если общество не способно содержать полицию, то оно вынуждено кормить мафию», — комментировал один из членов профсоюза. (*«Жечпосполита»*, 23 июля)

■ К году тюрьмы приговорен Войцех Г. и к восьми месяцам — Гжегож В. Их жертвой был восьмимесячный доберман, избитый, в том числе и ногами, а затем сброшенный с крыши десятиэтажного дома. Приговор носит характер прецедента, так как до сих пор за истязание животных суды приговаривали только к условным срокам. (*«Газета wyborча»*, 12 июля)

■ По мнению 44% поляков, к животным в Польше относятся плохо. 64% — сторонники лишения свободы для тех, кто мучит животных. «Поляков стала больше трогать судьба наших меньших братьев, они начинают отдавать себе отчет в том, что тот, кто истязает животных, вполне способен истязать и человека», — считает Богуслав Мазур. (*«Впрост»*, 22 июля)

■ На помощь жертвам наводнений, охвативших Польшу в июле и августе, правительство предназначило 800 млн. зл., а Европейская комиссия — 55 миллионов. Польская почта освободила от оплаты посылки жертвам наводнения и денежные переводы, поступающие для них на счета Польского Крас-

ного Креста, Польского комитета социальной помощи, «Польского гуманитарного действия», польского «Каритаса» и фонда «Телезрители — жертвам наводнений». Среди многих организаций, объединений и частных лиц, спешащих оказать помощь, мы находим, например, объединение вьетнамцев в Польше «Солидарность и дружба». (*«Газета wyborча»* и *«Жечпосполита»*, 31 июля и 1 августа)

■ Шесть 20-тонных грузовых контейнеров с дарами на сумму около 800 тыс. зл., предназначенными жертвам наводнения, прислало в Жешув украинское правительство. «Мы помним помощь, полученную от поляков год назад, когда мы сами оказались в беде», — сказал возглавлявший автоколонну полковник Александр Скипальский, замминистра по чрезвычайным ситуациям Украины. Кроме того, помощь поступает от Немецкого, Нидерландского, Австрийского, Норвежского обществ Красного Креста и от Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. (*«Газета wyborча»*, 4-5 августа)

■ В Польше свыше 1500 экологических фермерских хозяйств. Они занимают в целом свыше 22 тыс. гектаров, т.е. 0,6 % всех сельскохозяйственных площадей. На протяжении трех лет владельцы экологических хозяйств получают государственную доплату на выращиваемые ими зерновые, овощи и фрукты. Это привело к удвоению их общей площади и утроению числа хозяйств по сравнению с 1999 годом. Однако ни один польский молокозавод не производит молока с экологическим знаком качества. Только три мельницы перерабатывают экологическое зерно. Магазинов и лотков, продающих экологически чистые продукты, во всей стране всего несколько десятков. (*«Жечпосполита»*, 30 июля)

■ Предприятия по сжиганию отходов в Польше создают угрозу людям и природе. В некоторых случаях выброс канцерогенных диоксинов и фуранов превосходит допустимый уровень в 860 раз, а выброс тяжелых металлов — в 600. (*«Жечпосполита»*, 23 июля)

■ «Человек чересчур разросся, да и слишком быстро, чем нарушил равновесие в природе. Теперь природа, чтобы восстановить равновесие, приступила к постепенной ликвидации человека путем его вырождения, СПИДа, субкультур, наркотиков и т.п. Удастся ли это природе?» (*Марек Пивовский*, *«Газета wyborча»*, 27 июля)

НОСТАЛЬГИЯ ИЛИ ПРАГМАТИЗМ?

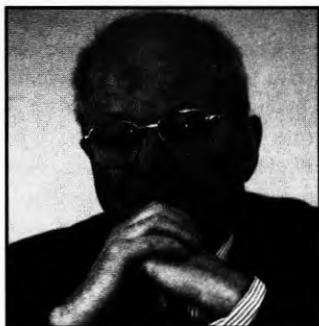
18-20 июня 1999 г. в Закопане прошла конференция «Малые родины» в контексте процессов и явлений, связанных с реформами самоуправления». Среди гостей были представители «малых родин» (лауреаты конкурса Фонда культуры), кинематографисты — авторы фильмов и телепрограмм на эту тему, а также чиновники (три замминистра).

Во время дискуссии, как обычно, каждый говорил о чем-то своем, словно в семейном кругу. Интереснее всего несомненно были кулуарные разговоры и просмотр фильмов из телевизионного цикла «Малые родины», а главным героем встречи стал Михал Богуславский, «крестный» этого документального проекта.

Мы публикуем авторизованные фрагменты четырех выступлений в дискуссии, касающихся чрезвычайно важной полемики о принципах. Не существует единой формулы «малой родины». И это хорошо. Давайте же спорить и искать аргументы в защиту своей точки зрения.

Ежи Регульский

Участник «круглого стола», сенатор первого созыва, председатель комиссии Сейма по территориальному самоуправлению. В 1989-1991 гг. — уполномоченный правительства по делам реформы территориального самоуправления. В 1992-1997 гг. — посол при Совете Европы в Страсбурге. С 1998 г. — председатель Совета по делам реформ государственного устройства.

ЕЖИ РЕГУЛЬСКИЙ

Сегодня в Польше самое главное — построить гражданское общество, то общество, которое будет способно пройти целиком процесс преобразований государства и процесс интеграции с Европой. Это серьезные требования, выполнить которые без глубокого самосознания и мощной организованности общества будет трудно.

Мы уже отметили десятилетие «круглого стола», а в мае будущего года отметим десятую годовщину первых свободных выборов в органы самоуправления, положивших начало одной из главных государственных реформ. Неслучайно во время «круглого стола» за нашим самоуправленческим «столиком» мы подписали с тогдашними властями протокол о разногласиях. Насколько в других вопросах власти склонны были идти на разного рода компромиссы, настолько в этой области они понимали: малейший компромисс означает конец тоталитарного режима.

Какими будут органы самоуправления, гмины, «малые родины» — решают те, кто там живет и действует. При тоталитарной системе люди были органи-

низованы по месту работы. Вся отраслевая система была направлена на то, чтобы привязать человека к месту работы: там он получал талон на машину, ордер на квартиру, путевку в санаторий или дом отдыха. Там находилась партийная организация, там осуществлялся контроль за людьми.

Система была против самоорганизации по месту жительства, где представители разных профессий могли бы объединиться для решения вопросов, связанных с уровнем их жизни, с их «малой родиной».

Преобразование общества, организованного по месту работы, в общество, организованное по месту жительства, — один из базовых элементов реформы, и крайне трудный. Он требует иного мышления, умения сотрудничать с соседями, устанавливать контакты, вступать в диалог.

Проблем на этом пути множество. Взять хотя бы мышление в категориях «мы — они». Мы — общество, они — власть. Или наоборот, если взглянуть с точки зрения членов местного совета или чиновников.

Далее: поиск связующего элемента. Нужно, чтобы местные общины объединялись вокруг ценностей, ясных им и понятных — и... действительно местных. Здесь нет универсального рецепта (...).

Мы говорим о европейской интеграции. Интеграция означает и уподобление тем, с кем мы хотим интегрироваться. Воду с огнем интегрировать невозможно. Сходство должно быть близким. Интеграция не несет в себе, как некоторые опасаются, угрозы национальной самобытности. Португальцы в Евросоюзе не стали немцами, а шведы — датчанами. Каждый народ сохранил свои исторические, культурные черты, свои традиции.

Тем не менее во время системной интеграции, перед лицом глобализации культуры, мы должны беречь самобытность, а здесь тоже не существует универсального пути. Ответом на унифицированную рок-музыку не может служить культивирование краковяка (хотя хорошо, что танцевальные ансамбли существуют).

Вопрос в том, чтобы принять стандарты Запада, но в то же время не замыкаться в каких-то псевдотрадиционных структурах.

Мы начали нашу конференцию просмотром двух фильмов из цикла «Малые родины». Они были исполнены красоты, но и ностальгии по чему-то, что было раньше, что, возможно, мы должны сохранять, но что, с другой стороны, не составляет элемента, формирующего нашу будущую жизнь и деятельность. На протяжении всего этого интеграционного процесса мы должны сосредоточиться на будущем.

Анджей Вильк

Начальник отдела культуры и спорта городского управления в Забже

Когда герой одного из фильмов так просто говорит о своих местах, чудесных, отличающихся красотой пейзажа и богатством природы: «Это мой дом», — я ему завидую. Потому что я родом с земли, перепаханной промышленностью, шахтами. Можно ли полюбить эту землю? Назвать своим «домом»?

Я говорю не о зеленой Силезии, а о нашем скоплении городов, которое часто называют «проклятой землей». Я помню, как проезжал когда-то с коллегой из Тешинской Силезии предместья Хожува. Дело было на рассвете, и нашим глазам предстала удручающая картина. «И как тут людям не захотеть умереть...» — заметил мой спутник.

Меня это страшно задело. Все-таки, несмотря на мрачность этого пейзажа, в нем можно разглядеть и красоту. Нашу силезскую землю иногда еще называют «землей с улыбки Господа Бога». У каждого бывает в жизни такой момент: идешь по не раз пройденной дороге и вдруг, подняв голову чуть выше, видишь то, чего до сих пор не замечал. Так и я однажды увидел среди рабочих домиков Забжа чудесное заснеженное здание ратуши. От этой картины нельзя было отвести глаз, и я понял: в это место хочется возвращаться. А умирать не хочется.

Анджей Гура

Общественный деятель из Забже

Мой коллега говорил о ратуше (памятник архитектуры 1906 г.), и во время его выступления я подумал, что «малые родины» до сих пор оказываются для нас сентиментальным путешествием в прошлое. А этого недостаточно. В объединенной Европе — родине родин — это обречет нас на провинциальность и кустарные изделия.

Живет себе Ясь-музыкант, живет себе человек, вырезающий фигурки Христа. А избы протекают. Наша родина не должна быть такой.

Какой должна быть эта верхнесилезская родина? Коренных жителей здесь 28%. Остальные — люди пришлые. Недопустимо создавать такую ситуацию, чтобы правы всегда были коренные жители. Это чревато конфликтом. А тут государственный чиновник кокетничает и изъясняется на местном диалекте. Устраиваются какие-то пиршества с пивом, словно это наша важнейшая культурная ценность.

Стефан Старчевский

Директор по делам пропаганды Фонда культуры

В мире достаточно слезливости и кича, и естественно, что мы находим их и на «малых родинах».

Чувствительность, сентиментальность — эмоции такого рода устойчиво входят в наши отношений с чем-то родным, собственным. Ничего мы с этим не поделаем.

«Малая родина» — это не административная территория, регион с четко очерченными границами. Это пространство, в котором много чего происходит. Прежде всего — протекает наша биография.

Жизнь человека XX века — жизнь кочевника. Редко случается, чтобы кто-нибудь прожил всю жизнь на одном месте. Люди странствуют.

Однако всегда где-то есть «их» место — точка отсчета, мифический мир «малой родины», первого опыта, первых впечатлений, экзистенциальных драм, пограничных ситуаций, полноты счастья. Мир, обладающий собственным чувственным аспектом.

Часто мы бросаем беспечно: «провинциальность», «провинция». Пришло время отнестись к этому понятию с уважением. Что такое провинция? Мир состоит из провинций.

А что такое центр? Это мы слишком хорошо знаем. Сорок лет мы пестовали в столице «центр» — главным образом бюрократии. Грязный и надменный.

За это десятилетие многое изменилось, произошла децентрализация (выражаясь уродливым чиновничьим языком). Сместились центры активности. Это процесс незавершенный, процесс, пробуждающий надежды. Есть десятки мест, в которых происходит что-то важное, где создаются ценности — без вмешательства, помощи, благоговения центра.

Между этими центрами завязываются связи, сговор (в лучшем смысле этого слова), заговор людей, которые в условиях зачастую неблагоприятных делают вещи исключительные.

Записал и обработал Петр Мицнер

Малгожата Гутовская-Адамчик

НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ «ПАС»

Рассказ о Яцеке Куроне

Вся моя жизнь — это попытка справиться с вызовами.

Иногда мне это удается, чаще, пожалуй, нет.

Я падаю, встаю и начинаю снова.

Яцек Куронь. Звездный час (1991)

ЯЦЕК, СЫН ГЕНРИКА

Во время спектакля для детей во львовском Большом театре на сцену неожиданно ворвался совсем маленький мальчик, и это стало предвестием его будущей долгой и богатой драматическими событиями политической карьеры. Тем мальчиком, который, заглушив громким криком парализующий страх перед злым волшебником, бросился на помощь героям и нарушил ход спектакля, был Яцек Куронь. Отцу, по всей вероятности, это понравилось, ибо единственное, чего он требовал от своего первенца, это смелости. Шел то ли 1938, то ли 1939 год.

Психолог на основании этого инцидента наверняка сделал бы вывод, что личность Яцека Куроня характеризуется высоким уровнем сообразительности и эмоциональности, ибо, как утверждает Дэниэл Гоулман, «эмоциональный ум гораздо быстрее рационального — он начинает действовать, ни на секунду не задумываясь, что он делает».

Однако стихийная реакция и жажда лезть на рожон — не единственные свойства такого ума. По словам того же автора, это также «способность не сосредотачиваться на себе и воздерживаться от эгоистических импульсов, (которая) приносит большую пользу обществу: открывает путь к сочувствию, истинному умению слушать и смотреть на окружающую действительность с точки зрения другого человека. Сочувствие (...) ведет к альтруизму и состраданию, к заботе о других. Умение взглянуть на мир с точки зрения других людей преодолевает предубеждения и стереотипы, то есть порождает терпимость и прокладывает путь к осознанию того факта, что все люди разные. Эти свойства становятся все более необходимыми в нашем все более плюралистическом обществе. Они позволяют жить в атмосфере взаимного уважения и создают возможность для конструктивных публичных дискуссий. Это основные элементы искусства демократии».

«Все, что я делал потом, — это только повторение прежнего» (т.е. вышеприведенного инцидента), — утверждает Яцек Куронь в книге воспоминаний «Вера и вина». И тут он глубоко прав, хотя трудно сравнивать с этим инцидентом его деятельность в польском комсомоле, многолетнюю борьбу с тоталитарным строем или, наконец, работу на посту министра труда в первом некоммунистическом правительстве Польши в 1989 году.

Казалось бы, у парнишки, воспитанного дедом, бывшим членом Боевой организации Польской социалистической партии, и отцом, который в 1920 г. в возрасте 15 лет пошел добровольцем сражаться с большевиками, и не было иного пути, чем этот, указанный отцом и дедом. Однако оба его младших брата выбрали другой путь... Может быть, именно на Яцека больше всего повлияли патриотические песни и рассказы деда и отца, а может быть, в его характере были черты, которые давали ему постоянную мотивировку к действию. Этой мотивировкой была неустанная необходимость борьбы.

«Они — дедушка и отец — говорили: рабочее дело — или просто: дело. И это означало: социализм, но они не употребляли этого слова. И это означало: одолеть эксплуататоров. И это означало также: Польша, Матерь Божия с Ясной Горы [Ченстоховская. — Здесь и далее в квадратных скобках прим. ред.] и могилы, на которых оттачивались клинки... (...) Так что рабочее дело и Польша — это было для меня по сути одно и то же».

Яцек Куронь с юных лет интересовался тем, что происходит вокруг.

А времена были трудные, подталкивали скорее к тому, чтобы спрятаться в четырех стенах, сбежать в частную жизнь... Маленьким мальчиком он был свидетелем кошмара военного времени, истребления евреев. Он постоянно готовился к тому, чтобы когда-нибудь достойно встретиться со своим предназначением: насвистывал, когда ему делали укол, перестал есть сладости, чтобы выработать сильную волю, и больше всего горевал, что война закончится, прежде чем он успеет принять в ней участие. Яцек также пытался выработать в себе сильную волю на случай ареста: умышленно мучил сам себя, чтобы не заснуть во время допроса, ибо было ясно, что когда-нибудь, рано или поздно, сильная воля и умение преодолевать боль ему пригодятся.

«Сколько я себя помню, я думал о себе как о человеке, которому предстоит сидеть в тюрьме, пройти через пытки и погибнуть».

И вот пришло время, когда Яцек, сын Генрика, внук Франтишека, взял в свои руки красное знамя, только мир тогда уже стал другим.

Генрик Куронь видел надежду для Польши в социалистическом строе и занялся «созиданием нового общественного порядка». А Яцек вступал как раз в тот самый бунтарский возраст, который свойственен любому молодому человеку. Собственными глазами он видел истребление евреев, кошмары войны и оккупации и воспринял это как следствие разделения общества на классы. Впрочем, послевоенный период и еврейские погромы в Кельце и Кракове утвердили его в убеждении, что необходимо радикальное преобразование мира. Так он пришел к коммунизму.

«Марксизм, по крайней мере тогда, был чрезвычайно привлекателен для молодых людей (...) с помощью десятка или двух относительно простеньких формул он позволяет объяснить множество весьма непростых общественных явлений», — так писал он много лет спустя.

АППАРАТЧИК

Свою организаторскую деятельность Яцек Куронь начал в Союзе борьбы молодых — молодежной организации Польской рабочей [коммунистической] партии, а в 1949 г. он уже стал активистом при райкоме Союза польской молодежи [СПМ, комсомола при Польской объединенной рабочей партии] в Варшаве.

«Враг представлялся неотъемлемым элементом той картины мира, которая у меня существовала. Разлагающиеся классы, эксплуататоры, кровопийцы не сдаются без борьбы, империализм всюду протягивает свои щупальца. Снисходительность и жалость к врагу — это предательство товарищей, интеллигентская мягкотелость. (...) Когда враг был далеким и незнакомым, я готов был сражаться с ним и пасть в этой борьбе. А когда он вдруг появлялся в виде заплаканного парня или девушки, я был на их стороне».

В 1952 г., получив аттестат зрелости, Куронь стал штатным сотрудником «аппарата» — инструктором харцерского [пионерского] отдела столичного комитета СПМ, а в 1953-м — освобожденным председателем вузовского комитета Варшавского политехнического института.

«...мотивировкой принадлежности к аппарату, более важной, чем властные привилегии, было чувство самостоятельной значительности, которое из этой принадлежности проистекало. Оно было тесно связано с ощущением мессианства аппарата: будучи аппаратчиками, мы верили в то, что мы творцы великих перемен — создания нового, лучшего мира. Лишь все это вместе взятое: этика и мессианство, самостоятельность и власть, а также другие привилегии — становилось решающим для некоторых людей в их сильном желании стать аппаратчиками».

В 1953 г. Яцек Куронь, в то время возглавлявший отдел пропаганды Варшавского горкома СПМ, написал статью, в которой дал критическую оценку молодежному движению, а когда, несмотря на оказанное давление, отказался ее опровергнуть и выступить с самокритикой, его уволили из аппарата. В том же году он поступил в передовой социалистический вуз — Государственную высшую педагогическую школу (ГВПШ). Здесь читали готовые, одни и те же тексты, постоянно вели поиски классового врага и без конца выступали с самокритикой.

Определенным трамплином, позволившим ему оторваться от несколько трагикомической атмосферы ГВПШ, стала для Куроня работа по созданию «вальтеровских отрядов» (от псевдонима генерала Кароля Сверчевского — «Вальтера», командира интербригад в Испании). Вместе с Яцеком Гарвацким они устраивали летние лагеря для детей под эгидой столичного комитета СПМ. Так продолжалось несколько лет, и в результате возникла целая Вальтеровская дружина — «красное харцерство». Многие его участники впоследствии стали активными членами оппозиции. Основы программы были взяты из «Педагогической поэмы» Макаренко. Хотя вальтеровцы считали себя коммунистами, они враждебно относились к помпезности и официальным церемониям, не признавали иерархии, исполняли русские, украинские и еврейские песни, а их дружина, вопреки рекомендациям властей, была антивоенной и проводила совместное обучение. Яцек Куронь прекрасно чувствовал себя в роли воспитателя молодежи.

«А все-таки жаль, что я не стал воспитателем, а занялся химерами. Ведь о чем бы ни шла речь: о независимой Польше, или о защите прав человека и гражданина, или о социализме, — прежде всего речь идет о людях, которых я любил, запомнил, которым помог жить».

Дружина была распущена в 1961 году.

ЯЦЕК И ГАЙКА

В летнем лагере в 1955 г. Яцек Куронь познакомился со своей будущей женой — Гаей. Ее звали Гражина Эльжбета Боруцкая, у нее была чудесная коса и талант к воспитанию малышек, которым она чрезвычайно нравилась. Из-за большой разницы в возрасте (ему — 21 год, ей — 15) Яцек довольно долго старался не открывать Гайке своих чувств. Однако в конце концов любовь оказалась сильнее и продлилась 27 лет.

Яцек Куронь с женой Гаей. 1980 г.

«...это я придумал ей имя Гая — и вместе с ней началась настоящая жизнь. Это она придала жизни смысл, сделала из меня человека стоящего, сделала меня таким, какой я есть».

Смелые слова в устах политика.

«...мы всё делали вместе (...) Я был ее безумием, она — моим рассудком; я анализировал и синтезировал — она давала нравственную оценку».

Гая выбрала нелегкую жизнь. Отсутствие финансовой устойчивости, одиночество, когда Яцек отсиживал свой очередной срок (в целом около девяти лет!), чувство опасности, как тогда, когда подсланные властями боевики напали на нее и сына Мачека в их собственной квартире. Ей приходилось постоянно сталкиваться с преследованиями ее самой, мужа и сына, их собаку отравили, им постоянно угрожали по телефону. У Мачека были проблемы с поступлением в вуз. Их адрес

и номер телефона знала, пожалуй, половина Польши, так как тут находился информационный центр оппозиции. Ни о какой интимности и речи быть не могло. Однако она не сдалась. Не выбрала стабилизацию, частную жизнь и спокойствие.

«...и думаешь, ты будешь любить меня, когда я обрежу твои крылья?»

— А ты меня, с обрезанными крыльями?

Мы сказали себе, что ничего нельзя делать из страха или воздерживаться от поступков, которые мы считаем правильными».

Гайка работала вначале в университете, занималась вопросами психологии на производстве, но научную работу ей пришлось оставить. Вскоре она открыла для себя новое увлечение — работу с молодежью в Консультационном центре по профессиональным и воспитательным вопросам. Даже специально присланные контролеры из недоброжелательно настроенной Высшей контрольной палаты дали ей самую высокую оценку, что позволило Гайке получить статус преподавателя.

Когда Яцек отсиживал очередные сроки, она не только собирала ему продовольственные посылки и ездила на свидания, но и продолжала его работу.

Гайка умерла, не дождавшись свободной Польши, — от болезни легких, не леченной во время интернирования. Яцеку тогдашние власти предложили эмиграцию, чтобы он мог заняться больной. Однако она не согласилась. На похороны Яцек прибыл прямо из тюрьмы, под конвоем.

ЗЭК

«Я был воспитан в культе кандалов:

*Идут, идут, и слышен звон кандалный,
идут, идут, дрожит пред ними власть,
идут, идут, и нет для них преград,
не страшно им ни пуль и ни тюремных врат,*

— пел мне дедушка, когда я был маленьким. Когда на меня надели наручники в первый раз, я испытал гордость и испытываю ее по сей день. Во мне тогда возникает ощущение неразрывности поколений».

Эту неразрывную связь поколений он впервые ощутил в марте 1965 г., когда его арестовали за [написанное вместе с Каролем Модзелевским] «Открытое письмо», в котором описывался конфликт между рабочими и партийным аппаратом. В то время он еще твердо стоял на марксистских позициях, что было еще труднее переварить тогдашнему руководству ПОРП. Во время процесса в Варшаве возник обычай «стояния в коридорах»: в зал суда пускали мало людей, и друзья оставались в коридоре, чтобы своим присутствием поддержать обвиняемого и показать властям, что он не одинок. Позднее это повторялось во время многочисленных политических процессов, невзирая на то, увидит ли сам обвиняемый эту демонстрацию поддержки.

Во второй раз Куронь попал за решетку в марте 1968 г., когда вместе с группой студентов протестовал против снятия спектакля Казимежа Деймека по «Дзядам» Мицкевича. Именно тогда, будучи автором распространявшихся в Варшавском университете антиправительственных листовок, он надолго стал врагом ПНР «номер один».

В 1975 г. Куронь был одним из инициаторов протеста против проекта внесения в конституцию формулировки о руководящей роли партии. Год спустя, после событий [рабочих волнений] в Радоме, он направил открытое письмо первому секретарю итальянской компартии Э.Берлингуэру, в котором описал репрессии, примененные к рабочим Радомы и Урсуса «народной властью». Это дело широким эхом отозвалось в Западной Европе, а в Польше снова попортило немало крови властям.

С мая до сентября 1977 г. Яцек Куронь снова сидел в тюрьме. На сей раз речь шла о протесте против методов работы министерства госбезопасности, которое не останавливалось даже перед убийствами из-за угла.

Потом было интернирование. Его забрали в ночь с 12 на 13 декабря 1981 г., как и большинство активистов «Солидарности». Когда других освободили, его обвинили в «попытке свержения государственного строя». Были еще процесс в 1984 г. и административная коллегия по делам правонарушений в 1985-м. В целом около девяти лет в тюрьмах: Мокотув, Штум, Потулицы, Вронки, Стшебелинек... По сравнению с таким тюремным стажем частые задержания на 48 часов становились просто банальными...

«...тюрьма — это ожидание (...) Ожидание, когда вызовут на допрос, закончат следствие, допустят адвоката. Жду процесса. Жду приговора. Жду письма и свидания. Множество более кратких и более долгих ожиданий. (...) Когда ворота за мной закрываются и меня приводят в камеру, я все еще верю, что сейчас выпустят. (...) Медленно, очень медленно я теряю надежду, что это вот-вот произойдет. Однако по-прежнему ожидаю, с диким нетерпением сердца, ожидаю свободы, означающей: Гая и жизнь».

Заключение Куронь использовал для интеллектуальной работы. Там же он сделал ряд наблюдений социологического и экономического характера.

«Окончательно я расстался с марксизмом, занявшись изучением проблемы взаимосвязи между психологическими и социальными процессами. Ибо вопрос, который я перед собой поставил, это был

вопрос об обусловленности человеческой активности, о границах свободы человека, вопрос о том, может ли человек стать хозяином своей судьбы или же единственное, что он может, — приспособиться к обстоятельствам».

С позиций, как он это назвал, «активного наблюдателя», занятых им в заключении, рассматривал он также отношение польского общества к евреям. Как же так получается: когда кто-либо в Польше говорит, что он еврей, то все в это верят, а обратному утверждению не верит никто? Куронь выдавал себя за еврея. И делал это, по всей вероятности, довольно убедительно, раз это было подхвачено партийной пропагандой, особенно после событий марта 1968-го и организованных сверху антисемитских выступлений. Но его сокамерникам поверить в еврейское происхождение Куроня было трудно, особенно после совместного похода в баню. Один из них выразил это весьма скептически:

— Значитца, евреи бывают разные.

Вспоминая своих товарищей по заключению, Куронь говорил о них с полным пониманием. А ведь там были не только «политические»... Он видел в них прежде всего людей искалеченных.

«С самопожертвованием по отношению к друзьям, иногда даже с большим самопожертвованием, я встречался в заключении много раз. Я убедился, что они все жаждут любви и именно отсутствием любви искалечены. К сожалению, они не умеют любить, отсюда, по всей вероятности, это самопожертвование, потому что обидеть — это они могут, а существовать изо дня в день рядом с другим человеком — нет. И, может, потому-то, что эти мои столь ужасно искалеченные тюремные братья не научились любить мать и отца, братьев и сестер, а потому и женщин тоже, они не сумели полюбить и никакую деятельность, не было у них никаких творческих увлечений».

В своих мучителях Куронь тоже сумел разглядеть людей. Он был вежлив с теми, кто проводил обыски в его квартире, с продажными прокурорами и судьями, с подосланными к нему стукачами, с названивающими по ночам анонимами... Наверное, именно эту черту имел в виду Северин Блюмштейн, один из «вальтеровцев», называя Куроня «современным святым». Но быть святым в тюрьме трудно. Там надо принимать тюремные правила, иначе погибнешь. Тем не менее никто не заставляет тебя ненавидеть сокамерников. Ненавидеть кого бы то ни было. И никто не обязан по моральным соображениям возвращаться за решетку.

После второй отсидки Кароль Модзелевский признался Яцеку, что «его психическая сопротивляемость заключению кончилась. Больше он сидеть не хочет, не может. Поэтому заниматься никакой политической деятельностью он больше не будет, ибо рано или поздно она приводит в камеру... Я понимал, какой смелости потребовало от Кароля такое заявление, и мне было стыдно, что у меня такой смелости нет. Забавно, Кароль принял это решение и вскоре уехал в Собутку, но, когда пришло время «Солидарности», он объявился снова, и мы опять пошли отсиживать».

Однако приходит время, когда срок заканчивается. Ибо арестуют тебя не обязательно, а вот выпустить — обязаны.

«Я думаю, что стоит садиться в тюрьму затем, чтобы из нее выйти. Ибо тогда вдруг, совершенно неожиданно, ощущаешь вкус жизни во всей полноте. Все краски, все запахи, весь спектр света. (...) Собственно, не совсем так. (...) на самом деле всегда была одна большая, единственная тоска — по Гайке. Я ведь знал, что выхожу к ней. (...) А потом были ворота — Гайка и весь мир. (...) Таких звезд, такого запаха весны в мае, такой зелени, таких красок я никогда в жизни не встречал. Хотя, когда на второй или третий день я вышел из дома и увидел толпы людей на улице, на углу Аллеи (Независимости. — Пер.) и Маршалковской — я испугался. В тюрьме всех знаешь, а тут вдруг полно людей и все чужие».

ЗНАМЯ ВЫЦВЕТАЕТ

Тюрьма не выполняла в отношении арестованного Яцека Куроня своей воспитательной роли. Он выходил, чтобы немедленно заново организовать деятельность ради «царства свободы». Однако со временем его взгляды стали более либеральными и хотя в принципе остались левыми, но марксизм он отверг окончательно. Пропаганда нередко попрекала его прошлым, когда он уже как оппозиционер сотрудничал с кругами, близкими к Церкви.

«Мое мировоззрение было интегральным, как все мировоззрения, связанные с тоталитаризмом. При изменении в какой-то части приходилось отвергать его целиком. (...) Чтобы отказаться от всей своей жизни, требуется ужасно много силы и смелости. (...)

Когда мне стали ясны основы теории действия, пришлось отказаться от теории марксизма. Одновременно возникли предпосылки надежды. Я даже помню тот день, в конце ноября или декабря 1970 г., когда я подумал: да, надо отказаться от марксизма. Это вызвало у меня некоторую неопределенную печаль, но возобладал восторг от новых идей. Это произошло точно в тот момент, когда я отверг запросы организма как мотивировку человеческой деятельности. В результате для меня стало бесцельным разделение на бытие и сознание.

Мой отход от марксизма носил чисто интеллектуальный характер. В этом есть забавный парадокс. Марксизм был для меня философией моей собственной практики. И вот именно не на практике, а чисто интеллектуально я отверг то, что было для нас обоих — для меня и для Гаи — способом размышления о нашей жизни, о нашей деятельности и ее целях. Если видишь смысл своей жизни в деятельности ради царства свободы, то необходимо иметь философию, которая служит обоснованием такой надежды, а также группу единомышленников, которые разделяют эти цели. (...) По выходе из тюрьмы в 1967 г. мы переживали внутренний конфликт. Те, кого мы считали группой единомышленников, не были марксистами».

Яцек Куронь сознавал, что на своем пути к свободе он творил зло исходя из доброй воли и веры в систему, ибо, как он отмечал в статье «Зло, которое я творю»: «Пожалуй, больше крови было пролито из любви к человеку, чем из ненависти».

Важно иметь в себе эту любовь и осознавать, какие нравственные ловушки подстерегают при попытках осчастливить людей насильно.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОППОЗИЦИОНЕР

Когда из-за политического нажима на ректора Яцеку не удалось защитить диссертацию в Варшавском университете, супруги Курони поняли (как всегда, тут сработала гениальная интуиция Гайки): единственное, что он может в этих условиях сделать, — это стать профессиональным оппозиционером.

Но в то время оппозиция еще не располагала фондами, позволявшими ее деятелям отдавать все свое время делу, а заботясь о том, будет ли их женам из чего готовить еду на следующий день. А в доме Куроня всегда была масса народу, Гайка жарила горы котлет, чтобы накормить оголодавшую братию. Ее зарплаты в Консультационном центре хватало ненадолго. И Яцеку приходилось брать за самую разную временную работу, чтобы как-то сбалансировать семейный бюджет. Это были статьи в прессе, подписанные, естественно, псевдонимами.

Эве Добровольской, сестре Гайки, которая предоставляла свое имя для некоторых из этих статей, даже предложили сотрудничать с газетой «Трибуна люду» — органом ПОРП! Из-за фельетонов Куроня для педагогической редакции Польского радио заведующая этой редакцией Ирена Хмеленская потеряла работу. Государство умудрилось даже запретить печатать детективы, написанные Куронем ради заработка (впрочем, под девичьей фамилией Гайки). Весь тираж пластинок с записями харцерского ансамбля «Гавенда» был уничтожен только из-за того, что автором песни, с которой начиналась запись, был Куронь!

Варшава, 1984 г. Процесс по делу КОР

В 1976 г. Куронь был одним из инициаторов создания Комитета защиты рабочих (КОР), преобразованного позднее в Комитет общественной самозащиты (КОС-КОР). [Подробнее об этом мы писали в «Новой Польше», 2000, №12].

«С созданием КОС-КОР и Информационного бюро моя квартира окончательно утратила частный характер. В пять утра начинали приезжать люди с просьбами о защите. Иногда последний посетитель уходил за полночь».

В 1978 г. было создано Товарищество научных курсов. Во время одного из занятий, проходивших на квартире Куроней, подсланные властями боевики жестоко избили его участников.

Куронь много ездил по Польше, а так как его квартира находилась под неусыпным наблюдением по меньшей мере нескольких топтунов, то для того, чтобы выйти из нее без «хвоста», требовалась немалая эквилибристика.

«Во время этих уходов от наблюдения и постоянной игры с полицией я открыл для себя, что страх зависит от напряжения, а не от того, чего мы боимся. Ибо и тогда, когда мне грозило 48 часов в простом КПЗ, и тогда, когда ставкой было заключение на несколько лет, и, наконец, когда мне грозила смерть — а я и такое время помню, — во мне происходило одно и то же. Страх как элемент игры. Это хороший страх, с ним можно жить».

Одной из форм деятельности оппозиции были также голодовки протеста, начавшиеся в 1978 г. в костеле Святого Креста в Варшаве (за освобождение арестованных чешских и словацких оппозиционеров, подписавших Хартию-77), и знаменитая голодовка в Подкове-Лесной в начале мая 1980-го, объявленная в связи с арестом по ложному обвинению двух активистов оппозиции.

«Я уже держал разные голодовки, однако эта была неординарной. Она не только подействовала на меня очень сильно, потому что меня глубоко волновало происходящее в мире, но и дала мне такую внутреннюю ясность, которая не со всяким голоданием связана. (...) Однако настоящим потрясением стало окончание голодовки. Пришел весь Урсус, Прушкув [пригороды Варшавы]. После 76-го это была первая столь крупная демонстрация в Польше. Толпа, толпа, вся главная улица запружена людьми. Мы выходили из костела рядами, звонили колокола, а люди несли нас на руках, подбрасывали вверх».

ПУБЛИЦИСТ

С явлением демократической оппозиции в Польше связаны многочисленные начинания в области издательской деятельности. КОР издавал «Информационный бюллетень», в 1977 г. начал выходить независимый ежеквартальный литературный журнал «Запис» [название означает как «запись», так и «цензурный запрет»], примерно в это же время вышли первые номера «Глоса» [«Голоса»], «Критики» и «Роботника» [«Рабочего»]. На страницах независимой прессы Куронь печатал программные статьи. В «Мыслях о программе действий» (1976) он писал, что тоталитаризм можно одолеть с помощью самоорганизации общества.

Вышедшая в 1977 г. брошюра «Идейные принципы» содержала политическое кредо Куроня. Главнейшими ценностями он признал свободу личности и ее творческую деятельность в своем окружении. Полностью осуществиться эти ценности могут лишь при парламентской демократии в суверенном государстве. Здесь же появилась формулировка о самоуправлении граждан, которое представляет собой не только форму ограничения господства государства, но и лучшую школу прямой демократии.

В статье «Крутой поворот» (1980) он предсказал появление независимых профсоюзов. В статье «Что дальше?» убеждал, что новому профсоюзу следует сочетать перспективные планы: стремление к парламентской демократии и суверенному государству — с пониманием того, что геополитическое положение страны требует самоограничения. Куронь настойчиво убеждал профсоюзных руководителей отказаться от любых агрессивных действий, которые неизбежно приведут к кровавому реваншу властей. Именно он был автором знаменитого лозунга: «Не жгите [партийные] комитеты, создавайте собственные!»

В период интернирования он призывал в своих текстах создавать подпольные структуры и проявлять гражданское неповиновение властям. Эти тексты были собраны в сборник «Политика и ответственность».

В ПОИСКАХ АБСОЛЮТА

«Имея в виду источник, из которого я черпал ответы на вопрос о *sacrum*, понятно, что я формировал свою духовность, беря за образец левые взгляды — а это прежде всего призыв к жертвенности, самоотречению, служению, к посвящению всей жизни делу (...) Когда на меня впервые надели наручники, я ощутил волнение. (...) Теперь-то для меня очевидно, что этот призыв к жертвенности, которым исполнена духовность левых, вытекает из ее христианского характера».

Зимой 1971 г., расставшись с марксизмом, Яцек Куронь сблизился с представителями Клуба католической интеллигенции; там он, в частности, познакомился с Тадеушем Мазовецким, с которым позднее создавал первое польское некоммунистическое правительство. Как о самом важном открытии того времени он говорит об осознании того, что «Бог» можно также понимать как «человек». При этом, однако, он по-прежнему оставался приверженцем левого мышления.

«Не верю и вовсе не желаю верить в учение Церкви о том, что природа человека повреждена грехом; я считаю, что если мы вынуждены творить зло, то из-за общественных отношений».

Во время встречи с примасом Польши кардиналом Стефаном Вышинским Куронь чувствовал себя обязанным рассказать о своем путаном отношении к Богу:

«...я сказал, что не умею верить, на что он прервал меня:

— Ну, это придет с возрастом, — улыбнулся, махнул рукой и мы перешли к другим вопросам».

Живым подтверждением существования Бога назвал Куронь священника Яна Зею: это он проповедовал, что если у тебя есть любовь, то есть и Бог, а тому, у кого есть Бог, не нужна религия.

«...после смерти Гайки я понял, что должен уверовать — уже не в любовь как Бога, не в нравственный закон, в который я глубоко и сильно верил, но совершенно реально в то, что встречу Гайку. Я понял, что именно в этом выход: поверю, тогда весь мой распадающийся мир снова встанет на ноги. Я не представлял себе, как можно жить без Гайки, а таким образом она как бы возвращалась. И весь этот почти двухлетний период, который наступил после, был временем очень интенсивной моей работы над тем, чтобы уверовать. Я читал Священное Писание, молился часами, постился».

Несмотря на интенсивную работу, интеллектуальной средой Яцека Куроня по-прежнему оставались «неверующие левые». И хотя он тесно сотрудничал с правыми политиками, особенно во времена «Солидарности», но так и не изменил окончательно своих взглядов, не нашел того, что позволило бы ему уверовать безоговорочно.

Среди рабочих варшавского тракторного завода

«СОЛИДАРНОСТЬ»

В 1980 г., когда начались забастовки, власти сочли, что они вызваны деятельностью «окружения Куроня». 18 июля Яцек вместе с десятком других членов оппозиции был арестован по обвинению в принадлежности к организации, ставящей целью свержение существующего строя. Но верная Гайка перед самым подписанием августовских соглашений между бастующими и правительством добралась до Гданьска, до Валенсы, так что он еще успел выдвинуть в качестве условия освобождения политических заключенных. Куронь и другие заключенные вышли на свободу в начале сентября. С этого момента Куронь включился в деятельность по созданию в Польше независимого профсоюза «Солидарность», стал его советником, и в связи с этим за ним был установлен милицейский надзор.

Ввиду катастрофического развала экономики он призывал «Солидарность» создавать самоуправляющиеся экономические единицы, которые стали бы первой ступенькой к экономической реформе, основанной на самоуправлении. Он добивался создания Комитета национального спасения, состоящего из представителей профсоюзов, Церкви и органов власти, который должен был подготовить фундаментальную реформу экономики и демократические выборы.

После освобождения из тюрьмы по амнистии Куронь снова включился в деятельность, целью которой было создание коалиционного правительства. Когда в 1988 г. был сформирован Гражданский комитет при председателе «Солидарности», Куронь вновь оказался на передовой линии. Властям ПНР он был настолько ненавистен, что они прямо исключали его участие в переговорах «круглого стола». В конце концов он принял участие в переговорах в составе группы по вопросам политических реформ.

На выборах в июне 1989 г. Куронь стал депутатом Сейма, а 12 сентября был назначен министром труда.

Господин министр

Яцеком Куронем детей пугали примерно с марта 1968 года. В партийной пропаганде он и Адам Михник олицетворяли буквально всю оппозицию, а выражение «разные курони и михники» означало любых деятелей подполья.

Став в 1989 г. министром труда и социальной политики, Яцек Куронь получил свое «окошко» на телевидении. По вторникам, после главного выпуска «Новостей», примерно в восемь часов вечера, он объяснял обществу сложности своей политики. Он стремился добиться поддержки необходимых реформ, обеспечив им понимание, просил людей проявить терпение. Благодаря телевидению поляки наконец познакомились с пресловутым Куронем — мужчиной за пятьдесят, лысеющим, с животиком, с характерной хрипотцой в голосе, которая, очевидно, появилась от злоупотребления сигаретами, одетого в голубую джинсовую рубашку, с неразлучным термосом крепкого чая. Эти беседы сделали его чрезвычайно популярным. Простота, с которой Куронь представлял проблемы социальной политики, его обаятельная улыбка и по-настоящему человеческая забота о судьбах всех поляков привлекли к нему сердца одних, а непопулярные решения по пенсиям и пособиям для безработных рассердили других.

Тогда Куронь стал одним из ведущих политиков и по сей день занимает по популярности одно из первых мест: его одобряют 67% населения. По недавно составленному рейтингу еженедельника «Впрост», даже сейчас, находясь несколько в стороне от главного русла событий, он занимает третье место после президента Александра Квасневского и бывшего министра юстиции Леха Качинского.

Стиль работы Яцека Куроня на посту министра труда был далек от принятых норм. Прежде всего он говорил то, что думал, а это в политике не принято. И всегда избегал всяческой помпезности и церемониальности. Он обращался к своей аудитории не как министр, а как знакомый. На заседания правительства он, как правило, не надевал костюм, и многие были на него за это в обиде. Он прямо признавался, что в его министерстве есть место только для одного некомпетентного чиновника — для него самого. Когда требовалось принять какое-то особенно рискованное решение, он спрашивал: «Сколько за это придется сидеть?» Шутка? Отчасти. Но прежде всего готовность нести полную ответственность за свои решения.

Когда он стал министром, к нему потекли письма от простых людей, которых заставляли хвататься за перо жизненные трудности, переживаемое в одиночку отчаяние или просто паранойя. Эти письма, изданные в виде книги, демонстрируют магическую веру их авторов в действенную силу писаного слова.

От фамилии Куроня произошли два слова, вошедшие в польский язык во время государственных и общественных преобразований: «куроневка» — это пособие для безработных, а суп «куроневка» — гороховый суп, который он собственноручно неоднократно раздавал во время встреч с населением, запуская огромный половник в бездонный котел полевой кухни. Суп — блюдо весьма популярное в Польше. Настоящий домашний обед состоит из супа и второго, но если денег не хватает на два блюда, то готовят просто густой суп, который как самостоятельное блюдо в состоянии прекрасно утолить голод. Мацей Куронь рассказывал мне, что у них дома неоднократно отказывались от приготовления

второго и готовили побольше супа, чтобы хватило для всех проголодавшихся гостей, а дедушка Генрик обычно говаривал: «Лучше гостя убить, чем не накормить».

Яцек Куронь придавал большое значение тому, как накормить самых бедных. С этой целью был создан фонд «SOS». Этот фонд поддерживает любые, даже самые мелкие общественные начинания, ибо «умение людей организоваться, чтобы действовать, — это фундамент демократии». Цель фонда — помочь прежде всего детям из самых бедных слоев. Он поддерживает работу местных клубов, где об этих детях заботятся и где они получают возможность поесть, зачастую для них единственную. Акция «Подарим детям лето, подарим солнце» организована с целью отправить как можно больше детей в летние лагеря. Проводятся также мероприятия с целью профессиональной активизации молодежи: курсы предпринимательства и помощь в поисках работы. Благодаря фамилии основателя фонда у него много именитых спонсоров. Наследники поэта Юлиана Тувима передали фонду деньги, которые по авторскому праву полагаются им за издание произведений знаменитого предка. Вислава Шимборская, поэтесса, лауреат Нобелевской премии 1996 г., передала свою премию на уставную деятельность фонда. На эти деньги был образован особый фонд, из которого финансируется ежегодный конкурс «Общественник года».

В фонде только четыре штатных сотрудника, чтобы как можно меньше денег тратить на административные цели. В настоящее время правление фонда возглавляет вторая жена Яцека Куроня Данута.

ПОРТРЕТ БЕЗ РАМЫ

Яцек Куронь чувствует себя в политике, как рыба в воде. Он обожает публичные дискуссии, дебаты, свободно себя чувствует, выступая перед толпой. Ему нравится быть ее лидером. При этом его не покидает чувство юмора и ирония по отношению к самому себе:

«Лишь гораздо позже я понял, что одно и то же происходит со всеми этими революциями: я совершал их для того, чтобы девушки заваривали чай и смотрели на меня с восторгом».

Если кто и может сказать о себе, что участвовал в создании свободной Польши, то это наверняка Яцек Куронь. По его биографии можно изучать нашу историю, как по учебнику. И такая книга — «ПНР для начинающих» — существует. Он написал ее вместе с Яцеком Жаковским. Это захватывающий текст, в котором нет ничего от официальности учебника, — он такой, как сам Яцек. Подобный же характер носит книга «Мой суп» — обо всем, что с ним приключилось на посту министра. А еще «Семилетка, или Кто украл Польшу?» — размышления по поводу первых семи лет свободной Польши.

ИТОГИ

Раньше Яцеку Куроню часто случалось видеть кошмарные сны. Собственно, это всегда был один и тот же сон: «...мне надо бежать, но я не в состоянии оторвать ноги от земли. Когда я увидел этот сон впервые, то в нем от того, сумею ли я добежать, зависела жизнь моей матери. Я знал, что я должен ее спасти, но не мог бежать, ноги прирастали к земле. То же самое было с отцом и друзьями. Я был в ужасе, что не добежу и не спасу чью-то жизнь. Реже опасность грозила мне самому, почти всегда я должен был помочь и не мог. Этот мотив снился мне на протяжении многих лет и повторялся очень часто. Пожалуй, только последние лет пять у меня больше нет таких снов».

Психологу ясно, что этот сон означает проявление заботы и ответственности за других и одновременно сомнение в том, удастся ли справиться с поставленными перед собой задачами.

Оценку этому дали другие. Яцек Куронь получил много наград и отличий. Он доктор honoris causa университета в Атланте, кавалер «Ордена Улыбки», которым награждают дети, кавалер французского ордена Почетного легиона.

В 1998 г. президент Александр Квасневский вручил ему высшую награду Польши — орден Белого Орла.

МАЦЕЙ, СЫНЯЦЕКА

Единственный сын Яцека и Гайки, Мацей не стал посвящать свою жизнь политике. Из родного дома он вынес убеждение, что быть порядочным человеком — это значит бороться с тоталитарной системой. В 1981 г. он оказался, пожалуй, одним из самых юных интернированных. После освобождения Мацей продолжил свою деятельность. Он мечтал работать учителем истории, но не питал иллюзий, что в ПНР хоть кто-то возьмет его на такую работу... Однако он открыл в себе иное призвание. Дома ему часто приходилось готовить для многочисленных гостей. Оказалось, что тут у него настоящий талант, который он дополнительно отшлифовал в американской школе поваров, и сегодня Мацей Куронь — знаменитый повар, владелец ресторана. Он участвует в многочисленных рекламных акциях, а его лицо теперь не менее популярно, чем лицо его знаменитого отца. К тому же Мацей — счастливый отец четверых детей и больше не собирается заниматься политикой.

ЯЦЕК КУРОНЬ (БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

Родился 3 марта 1934 г. во Львове. Псевдонимы: Мацей Гайка, Эльжбета Гражина Бо-руцкая, ЭГБ.

Окончил исторический факультет Варшавского университета в 1957 г. В 1955 г. основал, а в 1955-1961 гг. был комендантом кружка, а затем дружины вальтеровцев; в 1957-1964 гг. работал в Главном штабе Союза польских харцеров, был аспирантом педагогического факультета Варшавского университета. В соавторстве с К.Модзелевским написал в 1965 г. «Открытое письмо к партии», был арестован и приговорен к 3 годам тюрьмы, освобожден в 1967 г. Стал одним из инициаторов протеста студентов Варшавского университета в марте 1968 г., арестован, приговорен к трем с половиной лет тюрьмы, освобожден в 1971 г.

В 1975 г. — один из организаторов акции протеста против поправок к конституции ПНР, подписавший посвященное этому «письмо 59-ти». В сентябре 1976 г. — один из основателей Комитета защиты рабочих (КОР), а в 1977 — КОС-КОР. Один из самых активных членов комитета, автор многочисленных текстов, в которых содержались проекты и разъяснения по поводу форм деятельности и целей демократической оппозиции. Много раз был задержан, в 1977 году провел в заключении три месяца. С 1977 г. работал в редакции независимого ежеквартального журнала «Критика». С 1978 г. — член Товарищества научных курсов, в 1977-1978 гг. преподавал в «летучем университете», в 1978 неоднократно подвергался жестоким нападениям «активистов» Социалистического союза польских студентов.

В июле-августе 1980 г. — один из организаторов системы информации о забастовках, с сентября 1980 — советник Межзаводского учредительного комитета НСПС «Солидарность» в Гданьске, а затем — Всепольской согласительной комиссии и Всепольской комиссии НСПС «Солидарность». Один из авторов стратегии действий «Солидарности».

Интернирован 13 декабря 1981 г., в 1982 г. арестован по обвинению в попытке свержения существующего строя, освобожден в 1984 г. по амнистии. Сотрудничал с подпольными структурами «Солидарности» и с подпольной прессой. В 1988 вошел в состав Гражданского комитета при председателе НСПС «Солидарность», в 1989 г. принимал участие в переговорах «круглого стола».

С 1989 г. — депутат Сейма, член депутатских фракций: «Гражданского парламентского клуба», партии «Демократический союз», партии «Уния свободы». В 1989-1990 и в 1992-1993 гг. — министр труда и социальной политики. В 1991-1995 гг. — заместитель председателя партии «Демократический союз», затем — партии «Уния свободы». Организатор и участник многих общественных акций (например, фонда «SOS»), которые призваны смягчить болезненные последствия экономических преобразований. В 1995 г. выдвигался кандидатом на пост президента Польской республики. Много лет возглавляет комиссию Сейма по делам нацменьшинств.

Награжден орденом Белого Орла (1998), французским орденом Почетного легиона, немецким Крестом заслуги, украинским орденом Ярослава Мудрого.

Подготовил Анджей Фришке

детей на отдых. Смешно, что я как начал тогда, так и занимаюсь и занимаюсь одним и тем же без конца.

Когда меня судили за «Открытое письмо», я говорил, что я коммунист, противник этой антирабочей, антинародной диктатуры. Во время следующего процесса, «мартовского» [1968 г.], который проходил вскоре после первого, на вопрос того же самого прокурора, продолжаю ли я считать себя коммунистом, я ответил: «Не знаю, я не могу ответить на этот вопрос, потому что не могу ответить на вопрос, что значит быть коммунистом в данный момент».

В Польше, в отличие от Советского Союза, была такая ситуация, что между крайней оппозицией и властью существовало соприкосновение позиций и в результате — некоторые контакты. Были общественные места, где мы встречались: я им выскажу все, что о них думаю, поболтаем, выпьем водки. А в то же время они били людей, избивали, убивали...

Я — тот, кто всегда готов вести переговоры, я такой с рождения, потому что мне приходилось посредничать между родителями. С большим или меньшим успехом я занимаюсь этим всю жизнь и добился разного рода успехов в разных делах. Поэтому для меня идея «круглого стола» была совершенно очевидна.

Для меня это был опыт неприятный и тяжкий (речь идет об участии Куроня в правительствах «Солидарности» после 1989-го), я тогда действовал вопреки самому себе. Я поверил, что другого выхода нет и надо быстро строить капитализм. Мне представлялось, что все, что тут раньше было, полностью развалилось. Этого больше нет, и надо быстро строить заново, а как это сделать поскорее? Мне казалось, что рынок — машина и что запустить рыночную машину будет проще всего. Сегодня я знаю, что это была ошибка.

Я и в самом деле пытался смягчить этот переход, но виню себя в том, что мы вообще на это пошли. А если уж пошли, то ничего не поделаешь — кому-то пришлось этим заниматься, и этим кем-то стал я, человек, который ни на мгновение не утратил восприимчивости к нищете.

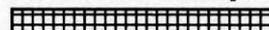

Я был одним из ведущих лидеров общественного движения. Я не могу снять с себя ответственность за то, что с этим движением произошло. Я абсолютно уверен, что мы могли с его помощью совершить серьезные преобразования. Лучшим доказательством этого в

то время были создававшиеся компании наемных работников. Они боролись за свое место. Но это прошло мимо меня, я был занят чем-то другим: безработными, бездомными. А они боролись и потерпели поражение. Надо было ставить на это, а не на сумасшедший американский капитализм.

Я не человек власти и никогда им не был, поэтому я всегда выступаю в джинсах, стараюсь показать, что с властью не имею ничего общего. Все высшие польские ордена я получал в джинсах. У меня высшие немецкие, украинские, французские ордена, литовская медалью за освобождение Вильнюса. Ну и Белый Орел. Не хвалит только звание Героя Советского Союза.

Людей для меня важных — что я осознавал, когда встречал их, — было очень-очень много. Нужно честно себе признаться, что важнее всех был отец. Во-первых, потому что он признал мое право сидеть рядом с ним и слушать все разговоры. Он сказал мне, — а я это воспринял как собственную позицию, обусловившую течение всей моей жизни, — что всегда нужно быть на стороне слабого. Моя жена Дануся порой говорит: «Яцусь, Яцусь, тебе уже не обязательно так прищипывать, пана инженера уже нет в живых».

Среди этого множества людей нужно кого-то выбирать, и, как ни странно, я выберу сразу троих. Яцек Гарвацкий, с которым мы затевали «вальтеровцев», — это человек необычайной терпимости, открытости к другому человеку, к другим взглядам, с которыми он не согласен. Собственно, я старался ему подражать, что давалось мне с большим трудом. Второй в этом списке — Ян Юзеф Липский. Все то же самое. С той лишь разницей, что с ним я уже общался сознательно: я осознавал эту терпимость, особо ее ценил. А он без сомнения был мастером в этой области. И третий — отец Ян Зея. Всей своей жизнью, каждым ее мгновением он давал свидетельство Евангелия, любви к ближнему — ближнему, т.е. каждому и в особенности слабому, гонимому. У «вальтеровцев» действовало право самого маленького. А это ведь и есть право слабого. Я как-то рассказал об этом Зее, а он говорит: «А ты заметил, сынок, что это есть в Евангелии от Иоанна. — Кто из нас важнее? — спрашивают Его, а Он берет ребенка из толпы и говорит: — Кто из вас не уподобится этому ребенку, не войдет в Царство Небесное». И поэтому я всегда говорю, что исповедую Евангелие, т.е. стараюсь в повседневной жизни исполнять его, как умею. Это очень трудно, но на это стоит потратить жизнь.

Подготовил Анджей Тутков

Михал Ягелло

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ПОЛЬШЕ

Выдвигаю следующий тезис: современный мир будет все чаще заставлять людей двояко, а то и трояко определять свою национальную принадлежность. Уже теперь у нас, в Европе, не только идут процессы интеграции континента, но и растет значение региональных различий. Сознание того, что все мы — «откуда-то», что наша родная культура влияла на соседей, а культуры соседей наложили и продолжают накладывать отпечаток на нашу культуру, должно уберечь Европу от сепаратизмов, которые в своем крайнем виде могут переродиться в постоянную вражду, даже в некие новые племенные столкновения.

Культура, как, наверно, и все, что жизненно важно для человека, — вещь парадоксальная: она может объединять людей, а может разделять вплоть до вражды. Культура — главный носитель национальных символов, но есть в ней и следы далекого прошлого *homo sapiens*. Она может замкнуться в осажденной крепости одного народа, а может раскрываться навстречу окружающему, не отрекаясь от своего национального самосознания.

Деление на *своих* и *чужих* повелось с незапамятных времен и по-прежнему может выполнять защитные функции, окутывая личность и группы людей флером родимого. Ошибкой было бы не замечать социальной ценности этой завесы и заменять один стереотип другим, в данном случае — абстрактно понимаемым требованием безусловной открытости ко всему иному. К счастью, между запертой дверью и глухими окнами с одной стороны, и раскатанным забором и снесенными стенами — с другой, есть еще много стадий. Рассудок предписывает соблюдать умеренность как в замкнутости, так и в открытости. Забота о себе и даже гордость своей национальной принадлежностью не исключают уважения к другим и партнерского использования их культурного достояния.

Добрые отношения с соседями и соблюдение прав национальных меньшинств — требование текущего момента, задача и вызов, перед которыми стоит современная Европа. Сегодня одна из важнейших проблем — отношения большинства с меньшинствами, ослабление деструктивной силы стереотипного противопоставления «свой — чужой». Дело в том, чтобы другой имел право быть другим. Чтобы к *другому* не относились как к *чужому* и *врагу*, который угрожает большинству.

Национальным меньшинством считается сообщество граждан страны, которые своим национальным самосознанием отличаются от остальных граждан, доминирующих в данной стране. Часто этому сопутствуют языковые отличия, но это не обязательное условие.

Заметим попутно, что одно дело — национальные меньшинства, а другое — этнические группы. Основа первых — прочное национальное самосознание, вторых — этническое и региональное самосознание в рамках одного народа. Кашуб с Балтийского побережья и гураль из Татр — представители этнических групп польского народа. Диалект, которым пользуются кашубы, почти непонятен татранским горцам, точно так же кашубы с трудом понимают гуральский диалект. Тем не менее, и те и другие — поляки. Однако может случиться так, что какой-нибудь кашуб скажет: «Я немец». А может и так, что гураль придет к выводу: «Я словак». Если это произойдет — что ж, надо уважать личный выбор. То же касается и силезцев: одни считают себя этническими группами польского народа, другие — региональным вариантом немецкого.

С осени 1989 г. польское государство проводит новую политику по отношению к национальным меньшинствам, особенно к меньшинствам, которые признаны коренным или давно осевшим населением. Это белорусы, чехи, литовцы, немцы, словаки, украинцы и часть лемков (которые считают себя то особым народом, то этнической группой украинского народа). Сотни лет на польской земле рядом с поляками живут группы цыган и евреи. Они с нами так давно, что имеют право считаться «туземцами»! То же в известном смысле касается и потомков караимов, армян и татар — сознающих себя поляками, но помнящих о своих особых национальных и религиозных корнях.

Интересная группа — староверы, имеющие старые русские корни как по национальному происхождению, так и по исповедуемой ими старой форме православия. Десятки лет живут в Польше и потомки русских политэмигрантов. Почти полвека вместе с нами греки и македонцы — политические беженцы и их потомки.

Осенью 1989 г. Польша признала общий принцип, который можно сформулировать почти метафорически: я тот, кем себя считаю. И никто не имеет права требовать от меня доказательств, подтверждающих мою национальную принадлежность. Таким образом, мы выступаем за личные права каждого гражданина Польши, но скептически относимся к групповым правам. Уважение к национальному самосознанию имеет истоком основополагающие права человека и гражданина и в своем глубочайшем смысле совпадает с персоналистическим представлением о человеке как неповторимой *личности*. «Я не хозяин вашей совести», — сказал несколько сот лет назад один мудрый польский король из династии Ягеллонов. Мы верны этой максиме.

«Мы, народ Польши...» — так начинается наша конституция, которую я уважаю, хотя предпочел бы формулировку: «Мы, граждане...» При демократическом строе первая и основная характеристика — *гражданин*, а уж потом — национальная принадлежность. Однако в этом случае категорию «народ» следует трактовать как определение не этническое, а *политическое*, охватывающее всех граждан Польской Республики. Ст.35 конституции гарантирует польским гражданам, принадлежащим к национальным и этническим меньшинствам, свободу сохранения и развития их языка, сохранения обычаев и традиций, развития культуры.

Национальные меньшинства в Польше могут свободно объединяться. Закон об общественных объединениях от 7 апреля 1989 г. подтверждает основополагающий принцип свободы создания объединений. С момента вступления в силу этого закона зарегистрировано около 120 объединений.

Органам, отвечающим за государственные и муниципальные школы, вменено в обязанность обеспечить право меньшинств на образование в школах с родным языком обучения, в школах с дополнительным обучением родному языку (классы, межклассные группы) или в двуязычных школах и классах.

В министерстве культуры и национального наследия действует департамент культуры национальных меньшинств, поддерживающий постоянные рабочие контакты с основными культурно-общественными объединениями этих меньшинств. Среди главных задач департамента — оказание финансовой помощи культурным мероприятиям и прессе, издаваемой меньшинствами.

В согласии с действующим законом, общественным организациям могут выделяться только целевые дотации на конкретные дела. Это касается и объединений национальных меньшинств, которые сами должны заботиться о содержании своих штатов и помещений, но пользуются средствами из госбюджета на конкретные проекты, например, на издание журналов или организацию смотров художественной самодеятельности и фестивалей искусств.

Вот несколько примеров, которые могут быть признаны символическими:

— в Варшаве действует содержащийся на бюджетные деньги Государственный еврейский театр, где идут спектакли на идише;

— уже более десяти лет в Хайнувке на востоке Польши проводится большой Международный фестиваль церковной музыки;

— уже несколько лет в Гожуве-Велькопольском собираются цыгане на Международные встречи цыганских ансамблей «Романе дивеса»;

— в последние годы под Варшавой проходит всепольский смотр художественных ансамблей национальных меньшинств под девизом «Общность в культуре»;

— благодаря финансовой поддержке министерства культуры и национального достояния выходит пресса национальных меньшинств на многих языках: белорусском, идише, литовском, немецком, цыганском, словацком, украинском, а также на лемковском. Назовем такие издания, как белорусские «Нива» и «Часопис», литовская «Аушра», украинские «Наше слово» и «Над Бугом и Нарвою», лемковскую «Бесиду», словацкий «Живот», немецкие «Шлезисхес вохенблатт» и «Мазурише шторхен».

пост», еврейский ежеквартальный журнал «Иделэ» и «Слово жидовске», а также цыганский журнал «Пром п-о дром».

Постоянное осмысление отношений большинства с меньшинствами и меньшинств с большинством особенно необходимо в таких странах, как Польша, то есть там, где доминирует одна нация. Численное превосходство может легко переродиться в некий подспудный ассимиляционный нажим. Отношение к национальным и вероисповедным меньшинствам — своего рода зеркало, в котором видит себя нация, численно доминирующая в данной стране. Последние годы были в Польше очень важны не только по очевидной причине смены общественного строя, но и потому, что мы начали всерьез размышлять об обязанностях большинства по отношению к меньшинствам. Бесспорное достижение этих лет — укрепившееся убеждение в том, что Польша, хотя в ней численно преобладают поляки, — не национальное, а многонациональное государство.

Проблема национальных меньшинств в Польше косвенно связана с долгосрочной стратегической политикой Польской Республики по отношению к соседям и взаимосвязям с соотечественниками, живущими вне исторической родины. Наше большое достижение последних лет — новый тип отношений с соседями. Это касается объединенной Германии на западе, Чехии и Словакии на юге, Украины, Белоруссии и Литвы на востоке. Добавим сюда и Россию, с которой мы граничим на севере, через прибалтийскую Калининградскую область. Добавим также Данию, Норвегию, Швецию и Финляндию, с которыми нас соединяет Балтийское море. Не забудем о Латвии и Эстонии.

Никогда еще за всю историю у Польши не было таких мирных границ, таких добрых отношений с ближайшими соседями. Важность исторического момента еще и в том, что на востоке мы граничим с государствами, которые ныне занимают территории, некогда бывшие восточными рубежами шляхетской Речи Посполитой. Много веков подряд Польша стремилась на восток (кстати, от этого страдали ее интересы на севере, западе и юго-западе), поляки всегда господствовали там политически, что влекло за собой глубоко укоренившийся патернализм по отношению к литовцам, белорусам и украинцам. Многовековой разнообразный опыт, огромный цивилизаторский труд многих поколений, всеобщая и устойчивая привязанность нашего народа к «кресам», восточным рубежам былой Речи Посполитой, — все это нелегкое наследие, которым мы должны разумно распорядиться.

Великое переселение народов после II Мировой войны, спровоцированное политической ситуацией, еще больше осложнило и без того непростые отношения между национальностями в Центральной и Восточной Европе. Заметим лишь: довольно символично, что столь важный для поляков город Вильно — теперь столица Литвы и носит литовское название Вильнюс; что овечанный польской легендой Львов — важнейший город Западной Украины, называемый по-украински Львив; что польские города Гданьск, Щецин и Вроцлав по-прежнему будоражат немецкое воображение как Данциг, Штеттин и Бреслау...

Серьезный разговор об обязанностях поляков по отношению к согражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам, — это в то же время разговор о том, каких мы хотим отношений с ближайшими соседями и как живут поляки за пределами Польши. Здесь сплелись три проблемы: поляки — национальные меньшинства; Польша — ее соседи; поляки на родине — поляки за рубежом. Эти три проблемы тонкими нитями связаны между собой, но не зависят одна от другой непосредственно. Я упоминаю о тонкости этих нитей, чтобы читатель понял: я отдаю себе отчет в деликатности материи, которой касаюсь. У меня нет сомнений, что стратегическая цель Польши — устойчивые партнерские отношения со всеми соседями. У меня нет сомнений, что обязательства польского государства по отношению к меньшинствам вытекают уже из того, что речь идет о гражданах Польской Республики. У меня нет сомнений, что польское государство обязано интересоваться судьбой поляков за рубежом: и тех, кто наделен там статусом национальных меньшинств, и тех, кто этого статуса не имеет.

Выше я трижды сказал «да»: да — партнерским отношениям с соседями, да — обязательствам большинства по отношению к национальным меньшинствам, да — серьезному интересу польского государства к польским национальным меньшинствам в мире, особенно у наших соседей. Из этого троекратного «да» следует четвертая констатация: *национальные меньшинства — не политические заложники*. Одно дело — стремление к позитивной симметрии, другое — принцип паритета. Первое

означает любые официальные действия Польской Республики, направленные на то, чтобы наши соседи обеспечивали живущим у них польским национальным меньшинствам возможности защиты их национальной и культурной принадлежности, подобные тем, которыми располагают в Польше «коренные» национальные меньшинства. Второе же заводит в тупик, сводится к инструментальному, крайне политизированному обращению с национальными меньшинствами.

Отношение к национальным меньшинствам — ценность автономная, и нельзя сводить ее к функции взаимоотношений Польши с тем или иным государством и взаимоотношений данного государства с польским национальным меньшинством.

Чтобы честно общаться с национальными меньшинствами, осевшими в Польше, и с поляками, живущими в соседних странах, надо четко определить пределы поддержки как требований меньшинств, так и чаяний соотечественников, с надеждой взирающих на родину-мать. Всякое предложение, адресованное меньшинством большинству, должно рассматриваться одновременно в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения обязанности доминирующей нации поддерживать культурное самосознание других. Во-вторых, в заботе о территориальной целостности и вообще о безопасности страны проживания. Два эти кардинальных принципа определяют границы того пространства, на котором следует строить необходимые для данного государства внутренние отношения между большинством и меньшинствами, а также взаимосвязи между отечеством и соотечественниками в диаспоре. Это влечет за собой политические последствия. Строя межгосударственные отношения, необходимо постоянно учитывать проблемы национальных меньшинств, основывать эти отношения на принципах равноправия и подлинного партнерства: всякое государство должно прилагать к своим национальным меньшинствам в мире те же критерии, что и к инациональным меньшинствам на своей территории.

Однако повторюсь: речь идет не о правилах паритета, а о применении единых критериев к действиям, направленным на охрану национальной принадлежности поляков в рассеянии, особенно там, где они составляют осевшее меньшинство, и на охрану духовных потребностей исторических меньшинств в рамках польского государства.

Национальные меньшинства функционируют как бы в двух качествах: относительно большинства — как лояльные граждане страны проживания, а сами по себе — как представители народа, обычно объединенного (кроме цыган и части лемков) в другое государство. Эта двойственность может стать для обеих сторон ценностью, но может — и очагом конфликтов. Проблема в том, что обе стороны: и большинство, и меньшинство — отягощены грузом прошлого и стереотипами как старого, так и нового образца.

На протяжении бурной истории Центральной и Восточной Европы не было недостатка в вооруженных конфликтах. Происходили столкновения между соседями. Лилась кровь. От всех нас зависит, сумеем ли мы отрешиться от дурного прошлого. Меньшинство должно уважать страну своего проживания. Большинство должно избавиться от чрезмерной подозрительности и смириться со своего рода амбивалентностью требований меньшинств: ибо, с одной стороны, меньшинства требуют обеспечить им все права, которыми пользуется большинство, с другой же — неустанно подчеркивают свою инаковость. Эту двойственность необходимо принять и практически признать.

Коль скоро люди, принадлежащие к национальным меньшинствам, являются гражданами Польской Республики, все их гражданские права неотъемлемы. Коль скоро часть наших сограждан — это островок в польском море, необходимо особое правовое регулирование и специальная финансовая помощь государства, чтобы поддержать их национальное и культурное самосознание. Это не привилегии для меньшинства, а лишь уравнивание шансов, смягчение неудобств, проистекающих из того, что меньшинство — островок в море иного народа и иной культуры.

Мария Конопка-Вихровская

«БЫЛА У НИХ ЛОВКОСТЬ, ТАЛАНТ И ВЕЗЕНЬЕ...»

*Вот волосатые торговцы-армяне
Привозят с востока товар богатый:
У них турецких ковров довольно,
У них парча и шёлк на одежды;
Корица ароматная, любимая нами,
Есть среди их товаров заморских;
Перец, имбирь, финики, сласти,
Мускатный орех и шафран благовонный.*

С.Ф.Клёнович. Роксолания

Первые колонии армян попали под власть польских королей после присоединения Червонной (Галицкой) Руси Казимиром Великим. Армяне, отличавшиеся от местного населения языком, обычаями и верой, но обжившиеся там в течение нескольких поколений, уже и прежде своей предприимчивостью снискали благосклонность местных князей, да и по-соседски со своим товаром заглядывали. Вводя в 1356 г. в городе Львове магдебургское право, король Казимир, сознавая пользу от армян, повелел дописать в соответствующий акт: «По особой нашей милости, желаем сохранить армян, евреев, сарацин, русинов... в их обрядах и правах. Если же меж собою или за какие-либо преступления дело в суде иметь будут, то по их собственной просьбе могут пользоваться магдебургским правом и перед войтом отвечать, если же [это право] отвергли... каждый по своему закону и лишь в присутствии войта да будет судим».

В последующие столетия на польских землях время от времени появлялись и оседали группы армянских эмигрантов, бежавших от исповедников ислама, с которыми они предпочитали торговать, но не служить им. Миграция на юго-восточных границах Польши особенно усилилась после падения в 1375 г. королевства Сицилии, а через сто лет — генуэзской Кафы в Крыму (для армян и та, и другая были уже второй родиной).

Хотя на самом-то деле армян было не слишком много, их невозможно было не заметить: в Каменце-Подольском, Луцке, Баре, Подгайцах, Киеве, Замостье, Язловце, Городенке, позднее в Бродах, Бжежанах, Станиславове, Снятыни, Злочеве, Званце, а еще позднее, в XVIII веке, — в Кутах, Могилеве, Рашкове. Особенно охотно перед армянами открывали ворота города со своим собственным законодательством. Постепенно они расселялись и в глубине польских земель, но это уже не были сплоченные самоуправляемые колонии. Армян можно было встретить на ярмарках по всей Речи Посполитой. «Ибо народ сей, своей пользы ради, охотней всего в Королевстве Польском пребывает», — читается в изданной в 1632 г. «Полонии» Шимона Старовольского.

АРМЯНЕ СНОВА В ПОЛЬШЕ

Казалось, польско-армянские связи — вопрос истории, но в начале 90-х армяне вновь появились у нас в стране. Они искали убежища, эмигрировав из голодной Армении и раздираемого гражданской войной Нагорного Карабаха.

Несмотря на трудные условия, в которых им пришлось здесь жить, они нашли силы подумать об образовании своих детей. Возникло несколько воскресных школ, где их учат армянскому языку и истории, знакомят с национальными традициями. В Подкове-Лесной наряду со школой несколько лет существовали детский хор и музыкальный ансамбль, выходил информационный бюллетень на армянском языке. Армяне даже издали сборник народных песен — в оригинале и переводе.

Развивается и религиозная жизнь, которую координирует пастырь армянского обряда в Польше о. Юзеф Ковальчик.

Я участвовал во многих их праздниках и пиришествах — они всегда радушно принимают поляков. Армяне играли на барабанчиках, дудке, зурне. Пели, плясали. Готовили вкуснейшие шашлыки, голубцы в виноградных листьях.

Среди хозяев на этих празднествах и гуляньях были члены общества, объединяющего потомков армян, осевших еще в старой Речи Посполитой. Эти люди, как правило, не знают языка предков, зато они собирали и публиковали в своей библиотечке самые разные материалы по истории армянской культуры. И вот история предоставила им возможность соединить сантименты с участием в судьбе скитальцев, какими когда-то были и их прадеды.

Дорога из Армении снова ведет в Польшу.

П.М.

Особые армянские «обряд и право» были признаны королями не только во Львове. В 1519 г. Сигизмунд Старый утвердил «Армянский устав», основой которого стал приближенный к реальности и дополненный «Датастангирк», традиционное армянское законоуложение, кодифицированное в XII веке Мехикаром Гошем. После изменений, внесенных, в частности, законниками Яна III Собеского, устав имел законную силу до 1780-1781 гг., когда из-за отсутствия клиентов армянские суды были упразднены. Общины, создававшиеся на основе устава, получали самоуправление в силу отдельных привилегий и потому нередко различались в деталях. «Здесь у армян, как и в других городах Руси, есть высокие сановники, старейшины родов, которые на верность королю и начальнику города от имени всех торжественно присягают и за проступки людям своим сами назначают кару», — писал Шимон Старовольский про общину в Каменце-Подольском.

В общине был староста, заседатели и советники — уменьшенное отражение городских властей. Но самоуправление армянской колонии не всегда означало полноту муниципальных прав. Этими правами «отвеку» пользовались армяне в Замостье или Люблине, но, к примеру, во Львове, хотя армяне были там относительно многочисленны, они получили эти права лишь в начале XVII века. Постепенно армяне все чаще появлялись в составе органов городского управления, а со временем и бургомистр-армянин перестал удивлять, и не только в Замостье, особо благорасположенном к оликоволитым мужам.

В Варшаве армяне еще и в XVII веке, пока они оставались «схизматиками», не могли обрести гражданские права, и, хотя им — как это случалось с другими нациями — не запрещали жить в черте города, они не владели недвижимостью и явно были группой обособленной. Как писал знаток старой Варшавы Адам Керстен, армяне арендовали под свои лавки помещения в каменных зданиях на Рыночной площади, главным образом с Городской стороны, ныне Декерта, и с Восточной, ныне Барсса. В одном из домов Городской стороны, принадлежавшем семье Барычеков, жили, в частности, армяне Бедроз и Дербиш.

Варшавский скорняцкий цех почти сто лет боролся с «чинившими помехи» армянами, ибо «гг. армяне, шотландцы, лавочники, лоточники, шапочники, не состоя в ремесле скорнячком, товары разные, цеху скорняцкому подлежащие, продают (...), у таковых же всякий товар, особенно соболей, лисьи хвосты, горностаев, беличьи шкурки и прочее, конфисковать дозволено».

Когда победители-шведы потребовали у варшавских мещан 240 тысяч злотых выкупа, а звонкой монеты не достало, армяне своим «армянским товаром» включились в сбор средств.

И, наоборот, когда шведский гарнизон Замка капитулировал перед Яном Казимиром, ополченцы, разгоряченные боем и недовольные прекращением штурма, ударили по базару львовских армян в Лешне, который «вмиг так трянули, что взяли тысяч на пятьсот». «Гг. гетманам с хоругвями и гвардией К[оролевского] В[еличест]ва с трудом удалось овладеть ситуацией.

Хотя время войн с иноверческими Турцией, Россией и Швецией способствовало возрождению в Речи Посполитой религиозной истовости, агрессию солдатни вызвало, пожалуй, не то, что армяне держались иной веры.

Христиане, чья родословная на много сотен лет старше, чем у поляков и русинов, в споре о природе Христа армяне выбрали монофизитство. Апостольский нунций Джулио Руджери в 1565 г. докладывал по начальству: «Служа обедню, они употребляют пресный хлеб, согласно нашему обряду, отличаясь тем от греков и русинов, таинство Евхаристии совершают, давая мирянам хлеб, смоченный вином, из чаши же пьют только сами священники... Они следуют заблуждениям Диоскора и Утихия, которые отрицали двуприродность Христа, однако признают Его человеческую природу и страдания, говоря, что из них возникает простая ипостась, как из смешения уксуса и меда возникает третья субстанция, называемая укус с медом. Они вместе с греками отрицают, что Дух Святой исходит от Отца и Сына, утверждая, что исходит Он лишь от Отца, не желают соглашаться на безбрачие священников и имеют еще ряд заблуждений».

Религиозную обособленность польских армян укрепляла и собственная (с самого начала) церковная организация с епископством, а затем и архиепископством во Львове. Армянского архиепископа, именуемого владыкой, избирали шестеро каноников, и, как проведаль нунций Руджери, «стать им может один из этих каноников или любой мирянин, лишь бы не женатый и благонравный. Он получает титул

митрополита, хотя не имеет никакого помощника, с судебной властью по гражданским делам во всех русских землях, во Львове, Каменце и других городах. Сразу после своего избрания... он должен совершить путешествие в Армению, чтобы получить утверждение от Патриарха армянского». Патриарх пребывал в Эчмиадзине близ горы Арарат.

Еще при жизни Казимира Великого во Львове появилась необычная постройка — как потом говорили, «кусочек азиатского Востока, перенесенный под львовское небо». На строительство армянского кафедрального собора отсыпали золота два небедных купца из Кафы: Яков, сын Шахиншаха, и Панос, сын Авраама. Проектировал его генуэзец Дорки, зодчий, тоже вроде бы прибывший из Кафы. Собор напоминал церкви армянских колоний в Крыму, где влияния исторической родины смешивались с греческими и византийскими. Собор этот, первоначально имевший в плане неравносторонний крест, вызывал восхищение арками разных форм и богатством росписей, покрывавших весь его интерьер. Хотя позднее собор не раз перестраивался после пожаров, он не утратил своего таинственного восточного очарования. Согласно одной из львовских монографий, в 1723 г. перестройкой руководила армянка Августинович, «почти все дни сама приглядывая за ремесленниками». В межвоенные годы реставрацию собора поручили молодому варшавскому художнику Яну Генрику Розену, который так увлекся этой задачей, что не только восстановил все росписи, но и сам золотил пилястры и делал эскизы к витражам. У святых были ярко выраженные армянские черты лица. В святом Фоме Аквинском узнавали архиепископа Теодоровича, в святом Петре — замечательного эллиниста профессора Зелинского, в святом евангелисте Луке — архиепископа Твардовского. В соответствии с бытующей среди художников нескромной модой, святому Иоанну Непомуку Розен придал сходство с собой. Это был тот самый Ян Генрик Розен, который позднее проектировал витражи и писал святого Христофора в костеле Подковы-Лесной.

Хотя уже в середине XVI века варминский епископ Мартин Кромер писал, что армяне «не отказываются от принадлежности к римской Церкви и от признания Папы высшим предстоятелем вселенской христианской Церкви», заключение унии с католиками, начатое львовским архиепископом Миколаем Торосовичем скорее по частным, чем по религиозным причинам, было небезболезненным и затянулось на несколько десятилетий. Процесс был доведен до конца с помощью ордена театинов и, по сведениям Ульриха фон Вердума, путешественника из Фризии (XVII век), благодаря супруге двух сменивших друг друга на престоле королей из династии Вазов — Марии Людвиге Гонзга.

На выборном сейме в октябре 1632 г. мы встречаем армян, жалующихся, что «епископ их, вступив в унию, отнял у них церкви». Они просят «оставить им хотя бы одну церковь на время междуцарствия». А поскольку специальная депутация рассматривала споры между униатами и ушедшими из униатов, возникшие вследствие Брестской унии, коронный полевой гетман Кшиштоф Радзивилл послал армян «договариваться с греками [то есть православными и бывшими униатами], (но) греки тут же стали гневаться, что он их уравнил с армянами. Князь оправдывался тем, что ошибся, полагая, будто они одной веры, ибо живут на Руси». Армянские представители ничего на том сейме не добились, а продолжение этой истории последовало через несколько месяцев в Кракове, на Вавеле. Армяне настигли свежее избранного короля Владислава IV «на верхнем этаже», когда он спешил в покои своей сестры, и напомнили о своей жалобе. «Вы видите, и они жалуются на затеи иезуитов», — сказал король сопровождавшему его великому канцлеру литовскому Альбрехту Станиславу Радзивиллу, который эту сцену и записал. Минуту раньше монарх безуспешно пытался убедить канцлера, дабы тот поставил печать на привилегии, предоставляющей схизматикам храмы, а Радзивилл клялся, что «позорного пятна на свою совесть не примет».

Когда униатские тенденции в конце концов возобладали, сохранение монофизитского обряда благоприятствовало тому, что духовенство культивировало классический армянский язык, однако историки согласны в том, что уния содействовала естественной полонизации армян.

Их очень трудно было сосчитать. Вышеупомянутый Ульрих Вердум в середине XVII века писал, что «когда-то их было множество, сегодня — три-четыре тысячи семей на всю Польшу». В работах историков мы находим для этого периода разные оценки: 3, 3,5, 6 и даже 15 тысяч. На закате шляхетской Речи Посполитой армянскому архиепископу во Львове подчинялось восемнадцать приходов, сорок священников и 3279 человек паствы.

«По их горячности, по темным лицам с выпуклыми дерзкими глазами легко можно было отличить их от всех остальных людей», — уверял своих читателей Ульрих Вердум. При этом армяне показались ему «надменными» и «барственными», хоть и мещанского сословия.

Очень интересны характеристики отдельных наций, так часто попадающиеся в море бумаг, оставшихся после шляхетской Речи Посполитой (впрочем, не всегда они пригодны для публикации). Армяны там тоже найдем. Анонимный автор XVII века (можно подозревать, что поляк, хоть и пишет полатыни) пытался сравнить три главных «народов», населяющих Львов, по удивительному критерию пола и возраста. Так, юноши-поляки — будто бы «способные, учтивые, разумные, с румяными лицами», русины — «неотесанные», армяне же «весьма осторожные и отважные». Хуже со взрослыми «мужами»: у поляков они, правда, «достойные», а вот у русинов — уже «спесивые, непостоянные, фальшивые, враждебно настроенные к другим нациям»; армяне немногим лучше — «хитрые, имеют пристрастие к роскоши». Старики-поляки — «добродушные и кроткие», русины — «злобные, с бледными лицами», армяне же — вполне симпатичны: «словоохотливые, гостеприимные, смуглолицые». Девичьи-польки — «чрезвычайно благочестивые», русинки — «болтливые», зато армянки — «прельстительные озорные». Замужние польки «сторонятся общества, слишком снисходительны к сыновьям», русинки — «смелые», а армянки — «простушки». Хуже всех оказались старухи: польки — «упрямые и сварливые», русинки — «пьянчуги», армянки — вообще «ведьмы».

Не только своей экзотической красотой, а и нарядами армяне прибавляли живописности городам Руси. Великий канцлер Литвы Альбрехт Станислав Радзивилл говорит в своих записках, что, когда в сентябре 1634 г., после оглашения универсалов о народном ополчении, король Владислав IV отправился во Львов, «армяне на конях, по-турецки убранных перьями, участвовали в триумфальном шествии, хотя в 1621 году, когда король Сигизмунд III прибыл в город по случаю войны с турками, армяне выступили еще более пышно, гривы их коней были украшены перьями цапель». Армянские мужи, вооруженные пиками, в «персидских и фракийских» одеждах, восседая на бахматах, убранных на восточный лад, приветствовали и Стефана Чарнецкого, когда тот вступил во Львов после разгрома Ракоци.

Обыденный язык армян, искаженный тюркскими наречиями, отличался от литургического, ему сослужила дурную службу легкость, с которой армяне овладевали языками народов, с коими сталкивались. «Они пользуются своим собственным языком, но одновременно польским или русским», — писал в XVI веке Мартин Кромер. Во времена Владислава Ягелло армяне даже арендовали во Львове переводческую канцелярию.

Этот город, где Восток соприкасался с Западом, был «многоязыкой вавилонской башней, куда за товаром и со своим товаром съезжались и перс, и грек, и итальянец, и турок, и немец, и татарин», — писал в монографии о Львове Станислав Василевский. Каждая сделка должна была совершаться через присяжного толмача.

Впрочем, сами армяне были «крупнейшими и хитроумнейшими купцами», что по-разному подтверждают независимые свидетельства. Задолго до того, как военные трофеи приукрасили сарматов и их поместья на турецкий лад, армяне уже успешно «ориентализировали» художественные и кулинарные вкусы шляхетской братии. В перерывах между войнами с басурманом армяне скрупулезно следили за тем, чтобы это особое тяготение к восточной роскоши, не слишком понятное иноземцам и слышущее безвкусицей, не претерпело перемен.

Ассортимент армянских товаров, напрямую достигавших даже Гданьска и Вроцлава, был поистине богат. Наряду с заморскими пряностями и мальвазией с солнечного юга, сафьяном и курдабаном, в армянской лавке шляхтянка могла высмотреть камку — узорчатый турецкий шелк, а нередко и «лунские» сукна из далекого Лондона. Когда магнат желал обить новой тканью стены своих покоев, он звал армянина. Даже самые скромные дворянские дома были украшены настенными и напольными персидскими коврами; особенным успехом пользовались шелковые ковры с золотистым фоном, привозимые польскими армянами из Хорасана и Стамбула. Из Речи Посполитой ковры эти попадали на запад, где их весьма ценили и называли «польскими». Были у армян и расшитые колчаны, и калканы — шиты с металлической серединой, плетеные из прутьев, обернутых шелком.

«На оружии и конях они сколачивали состояния», — утверждал знаток старопольских обычаев Владислав Лозинский.

Так, армянин Кшиштоф Ян Бернатович «в один торг продает Богуславу Служке, подканцлеру Великого Княжества Литовского, коней, доспехов и седел, то есть сбруи турецкой, на 32 тысячи злотых», заработав при этом по три гроша на каждый грош. В письмах и записках той эпохи мы то и дело натываемся на записи вроде: «Уплатил за двух турецких коней, приведенных армянами» (из дневника Ст.А.Радзивилла, октябрь 1635).

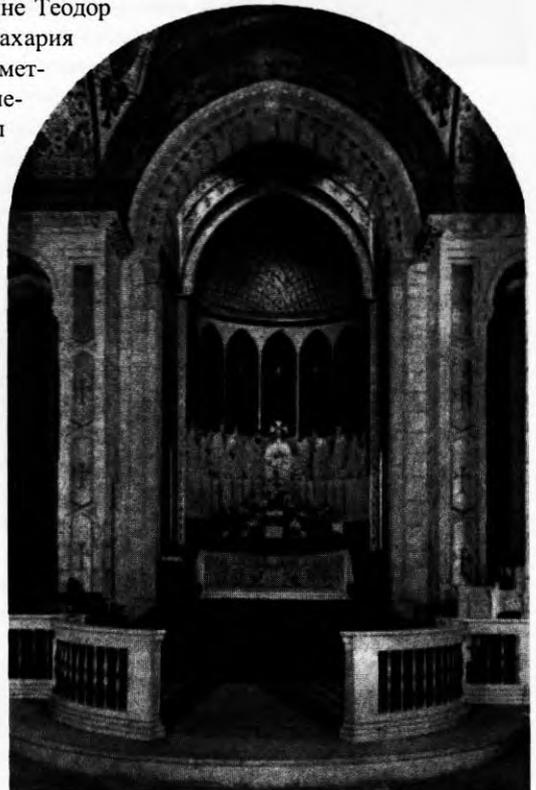
Не за всеми модными товарами армянским купцам приходилось отправляться в дальние края. Некоторые они приобретали по-соседски на своей же улице, у армянских ремесленников. Еще в средневековье на ярмарках ценились башмаки, сшитые львовскими сапожниками-армянами. Вскоре местные армяне необычайно преуспели и в ювелирном искусстве. Один из тамошних Алембеков даже угодил придворным золотых дел мастером в Англию, другой изготовлял украшения для саксонского двора. Армянские ювелиры нашли себе постоянное место и при дворе Яна III Собеского — короля, на котором «всегда было драгоценностей на двести тысяч талеров». Славились армянские шорники, вышивальщики, эмальеры, оружейники и кузнецы. Искусной работой и высокой ценой отличались польские сабли, особенно парадные, изготовленные львовскими армянами. А уж мастера, делавшие пояса, были непревзойденными.

Шелковые пояса, этот элемент сарматского костюма, вошедший в обиход с XVI века, а в XVIII-м ставший обязательным, польские армяне поначалу везли из персидских лавок, принадлежавших армянам в Турции. В середине XVII века Доминик Мисерович, только что прибывший из Турции, открыл в Станиславове, под крылом у Енджея Потоцкого, первую польскую «персиярню». Вскоре появились и другие — в Бродах, Слуцке, Несвеже, Бучаче, Кобылке и Липкове. Нередко случалось, что ловкий армянский купец обманывал щеголя-шляхтича, который вынужден был дорого платить за пояса, которые до того «турки и персы в чалмах немало нашивали, а потом наши армяне дочиста стирали, гладили и за новые продавали», что злорадно констатировал Енджей Китович, автор бесценного описания нравов эпохи Августа III.

«Профессиональное» знание языков и Востока, а также купеческая сметка армян оставили след и в истории польской дипломатии: армяне были незаменимы при переговорах с турками, татарами или калмыками. Когда Ян III Собеский пытался склонить Персию к вооруженному диверсионному походу против Турции, в Исфахан были посланы армяне Теодор Миронович и Константин де Сири-Згурский. Братья Кшиштоф и Захария Пиотровичи во время переговоров так пришили по душе хану Мехмет-Гирею, что он, причем небезуспешно, поддержал их ходатайства о переводе в дворянское сословие. Мы не знаем, какую награду получил за свою службу другой армянский дипломат — Захария Ахвердевич.

Мещанские дипломатические миссии были довольно дорогостоящи, и на сеймах по этому поводу раздавалось брюзжание, депутаты требовали назначать послами владетельных шляхтичей, независимо от знания языков, с уговором, что они сами оплатят выпавшую им честь. Киевский епископ Анджей Хризостом Залуский, в свое время тоже дипломат, считал даже, что служба толмача в посольстве исключительно важна, и был категорически против того, чтобы поручать миссии чужестранцам. В 1679 г. в своем проекте реформы дипломатии он и армян причислил к чужестранцам, которые могут действовать вопреки польским государственным интересам, и не рекомендовал направлять их к туркам и татарам. Однако нам неизвестны случаи, когда бы армянские дипломаты действительно злоупотребили доверием.

Кто знает, шпионские, дипломатические или только торговые цели имела миссия Сефера Муратовича, посланного в 1601 году в Персию, официально — с целью закупки ковров и оружия для Сигизмунда III. Муратович оставил ценное для историков описание этой поездки, характеристику отношений при дворе шаха Аббаса I Великого и сановников, с которыми он беседовал. «Придворная»

карьера Сефера была поистине блестящей, принимая во внимание факт, что в Польшу он прибыл только в 1597 году. Сначала он вел во Львове дела какой-то купеческой артели, торговавшей с турками, потом переехал в Варшаву, где у него уже было «свое дело»: он стал поставщиком ковров к королевскому двору. После персидской миссии, которая, со всей очевидностью, оказалась удачной, Муратович стал обладателем титула *servitor ac negotiator* и в этом качестве не подпадал под юрисдикцию обычных судов. Он получил также исключительное право поставлять в королевский замок восточные деликатесы.

Услугами армянских «негоциаторов» пользовалась не только сама Пресветлая Речь Посполитая, но и попавшие в беду частные клиенты. Как сообщает Владислав Лозинский в своей известной книге «Право и слева», армяне чуть ли не профессионально занимались выкупом плененных из татарского ясыря. Кстати, у них часто случались немалые затруднения с возвратом внесенных денег. Так, в 1621 г. двадцать три львовских армянина жаловались на Стефана Потоцкого: когда он был в турецком плену, они «за него поручились, и он при том поручительстве из тюрьмы вышел, а каждый из них *pro sua rata parte* уплатил процент, который, оттого что пан Потоцкий сумму не отдал, вырос и по сей день растет». Однако армяне продолжали идти на риск.

Известна была на Руси история о том, как в 1648 г. в казацко-татарский плен попал великий коронный гетман Миколай Потоцкий. К назначенному за него выкупу было добавлено поручительство за его товарища по несчастью, который был отпущен, чтобы собрать деньги, но умер, прежде чем сумел это сделать, а его семья не пожелала вызволять поручителя из беды. Сын Миколая Михал добровольно сдался в заложники туркам, чтобы больной отец мог вернуться домой и собрать необходимую сумму. Но все осложнилось еще больше: Миколай умер, прежде чем собрал деньги на выкуп за сына и на первое поручительство. Тогда несчастного Михала спасли армяне, которым он честно, хотя и не скоро, вернул долг.

Если уж мы заглянули в книгу Лозинского, приведем отсюда еще одну «детективную» историю, в которой армяне играют почти главные роли, — она обнаружена в судебных актах. Стучилось так, что староста Трембовли Ежи Балабан захотел избавиться от Якуба Понятовского, должником которого он был, и по каким-то причинам в этом гнусном деле ему решил помочь армянин Алмазий Торошевич, бургграф трембовлинского замка. Родственник Алмазия Лазарь Торошевич был рекомендован

на место старшего слуги, «фактора», при Якубе Понятовском и, найдя себе на месте сообщников, убил своего кормильца. Во всяком случае, так показали родственники Понятовского, по требованию которых Балабан и Алмазий предстали перед люблинским трибуналом. Для Балабана эта история кончилась лишением чести, которого он, скорее всего, избежал, а для Алмазия — смертной казнью, и ему-то от нее наверняка уйти не удалось. Лазарю, полагаю, это тоже с рук не сошло. В Речи Посполитой рискованно было идти на разбойное дело, не имея дворянского герба.

Армяне знали о торговле все и зарабатывали на ней столько, что могли ссужать деньги королям, но на свои средства они брали в аренду или покупали землю, о которой знали мало, выбирая занятием для себя и своего потомства шляхетское «гречкосейство».

К примеру, армянин Ян Лукасевич в 1595 г. арендовал на три года у коронного кравчего Петра Опалинского землю, за которую обязан был платить по 5200 золотых в год, а **кроме** того, на каждый праздник Успения Матери Божией отправлять в Лежайск «две бочки мускателя, **две бочки** меда-патоки, две бочки отменной соленой рыбы, а на св. Иоанна Крестителя двести баранов и **шестнадцать** волов». Познанскому воеводе Станиславу Гурке тоже было выгодно сдать в **аренду сроком** на четыре года земли с прудами и лесами армянину Кшиштофу Аведиковичу. Только за **последний**, 1583 год он получил 7150 золотых рент.

Дворянские звания продавались. Армянину стать шляхтичем было **едва ли не** легче, чем польскому мещанину. В неоченимом источнике, каковым являются записки Ст.А.Радзивилла, мы обнаруживаем сведения о том, что, когда в июле 1654 г. спешно пытались найти деньги на «подарки» татарам, склонным к союзу против Москвы, «армянин Хадзевич» отдал за свой **переход** в шляхетство 50 тысяч, «а Бартыселевич — ему подобно». Между прочим мы знаем, что этот **купец** Хадзевич был королевским секретарем.

Ульрих фон Вердум, путешествовавший по Руси в 1670-1672 гг., утверждал, что «среди армян нет почти ни одного, кто понимал бы старый письменный армянский язык, за исключением нескольких, живущих в Язловце... которые, говорят, сто лет назад из Армении сюда прибыли». Правда, они еще «держались в стороне от поляков и других народов и религий» и «нелегко шли на брак с чужаками», но вскоре и это переменилось. Переход в дворянское сословие и полонизацию армян ускоряли браки со шляхтянками. «Инъекции армянской крови не портили польскую породу и никогда не шли ей во вред, а скорее на пользу», — утверждал Станислав Василевский, и он же сетовал, что на львовских улицах больше не слышно «созидательного, благословенного для города лопотанья».

Кресчунин стал Кшечуновичем, Румхаскен — Рамашканом, Асвадур — Богдановичем, Чевадзи — Торосевичем. Их потомки становились послами, духовными лицами, профессорами, художниками, некоторые даже попали в учебники истории Польши: среди них и Юзеф Эпифаний Минасович — поэт и редактор «Монитора», и Гжегож Пирамович, просветитель, иезуит, секретарь Комиссии народного образования, созданной под конец XVIII века.

Удивительна была эпистолярная орнаментика, во второй половине XVII века выражаемая уже польскими словами. Ян Станислав Быстронь приводит ее специфический образчик: «От низкого и недостойного Акулеса да придет с великою жаждой [послание сие] к брату нашему Копрохулему, Мезедезию Михалу, пану Бабонабегу, паничу нашему, Анастасию, сыну нашему — султану, свету очей наших, и ко всем вам обоюдно»...

«Была у них ловкость, талант и везенье», — вздыхал Станислав Василевский, тоскуя в опустевших армянских улочках по живописным былым временам.

PODKOWIAŃSKI MAGAZYN KULTURALNY

Великолепный образ армянина мы находим в мрачном историческом романе XIX века «Ольбрахтовы рыцари» (опубликованном в 1887 г. в «Газете львовской»; последнее издание — 1960 г.). Его автор Сигизмунд Качковский (1825-1896) — писатель, который некогда конкурировал с Сенкевичем, а теперь, пожалуй, несправедливо, забыт.

Если верить Качковскому, во времена правления четвертого Ягеллона самым богатым купцом во Львове был Эпаминондас Арзбек Хиао, прозванный Киясом. Человек необычайной мудрости, он знал пять языков, географию Европы и все виды товаров, «души не чаял в пергаментях и книгах», а «кто знакомился с ним, тот сразу доверялся ему». Его прадед пешком пришел из Язловца и сперва торговал козлятиной, а уже вскоре под честное слово этой семьи «давали товар в Кафе, Царьграде, Венеции и Гданьске». У них были корабли, конторы, склады и лавки дорогих тканей. Им принадлежал самый большой и вместительный каменный дом в городе, рядом с епископским дворцом, с шестью окнами, выходящими на рыночную площадь (хотя дозволялось иметь только три), с крышей, окруженной зубчатой стеной. В покоях на втором этаже бывали короли, епископы и папские послы.

Гостеприимством и щедростью Кияса охотно пользовался Ян Ольбрахт.

На благодарность высокопоставленных гостей армянин рассчитывал только в одном отношении. У сына его, Тиграна, были «шляхетские амбиции». Кияс купил ему деревню под Львовом и рыцарского коня, послал за границу, дабы тот освоил неведомое мещанам ремесло. Помог снарядить в поход стоконную молдавскую хоругвь, чье боевое убранство было окрашено в геральдические цвета города, когда Тигран, принятый в герб сандомирским кастеляном Миколаем Каменским, был посвящен в рыцари.

Но всех главных героев этого романа ждет печальный конец: прежде чем Тигран добыл военную славу, он из-за бездумной бравады погиб, посаженный на кол на валах Сучавы. Армянский архиепископ не пожелал хоронить его в своих криптах — как римско-католического рыцаря, не пожелал и католический архиепископ львовский — как армянина. Кияс обрел упокоение души в дантовском «Аду». Он погиб под копытами искавшей воров конной стражи, когда ночью на кладбище Пресвятой Девы Марии вызывал дух Тиграна.

Текст иллюстрирован фотографиями памятников искусства из армянского кафедрального собора во Львове.

Наталья Горбаневская

СОЛИДАРНОСТЬ: НЕМНОГО ИСТОРИИ

Выступление на симпозиуме «За солидарность семи народов Европы», Люблин, 14 мая 2000

Солидарность народов или любых человеческих множеств всегда начинается с солидарности людей, отдельных личностей, желающих и имеющих возможность побудить к этой солидарности своих близких. Такими людьми были два главных редактора, с которыми мне довелось работать в эмиграции, — Владимир Максимов («Континент») и Ирина Иловайская-Альберти («Русская мысль»). Без них и мне не удалось бы внести свой вклад в распространение того чувства солидарности, которое, надеюсь, возникало у русских по отношению ко всем нашим собратьям по судьбе, ко всем узникам «всемирной зоны» коммунизма. Но тут надо признаться, что все мы страдали небеспристрастностью, испытывая особые чувства к полякам и проявляя по отношению к ним особую солидарность. О деятельности двух моих главных редакторов, о своей работе вместе с ними я и хочу рассказать.

В первые же месяцы моей эмиграции я начала работать в «Континенте», а сотрудничать с «Русской мыслью» стала не сразу, даже не сразу после прихода Ирины Алексеевны Иловайской на пост главного редактора. Поэтому — вначале о «Континенте».

Хотя возникновение «Континента» я не наблюдала своими глазами, но путеводную мысль, которая руководила его созданием, Владимир Максимов изложил мне еще в Москве, незадолго до своего отъезда в Париж. Он сказал: «Мне предлагают делать на Западе журнал. Но я не хочу, чтобы это был еще один журнал русской эмиграции. Я соглашусь только при условии, что там будет объединена вся восточноевропейская оппозиция». Известно, что, прибыв на Запад, Максимов побывал у Солженицына, советовался с ним о журнале и совет Солженицына был очень простой: «Пойдите в «Культуру» — они вам помогут». Что Максимов и сделал — и не только сотрудничество, но и дружба с «Культурой» сохранялась до последних дней его жизни. Так вышло, что с самого начала Восточную Европу в организации журнала, а не только на его страницах представляли в первую очередь поляки.

Но на страницах — конечно, не только они. Приведу пример. В первых пяти номерах «Континента» — лишь в тех пяти номерах, которые я успела прочесть в Москве до своей эмиграции, напечатаны стихи будущего нобелевского лауреата Ярослава Сейферта, беседы с Милованом Джиласом и главой латышских социал-демократов в изгнании Бруно Калныньшем, воспоминания кардинала Миндсенти и его соотечественника, бывшего гулаговского зэка Франца Варкони-Лебера, анонимная статья из Варшавы «Как я понимаю «Письмо вождям»» — теперь мы знаем, что ее автором был Виктор Ворошильский, статьи и эссе Густава Херлинга-Грудзинского, Лешека Колаковского, Леопольда Лабендзя, Юлиуша Мерошевского, болгарина Димитара Бочева, литовца Альгирдаса Ландсбергиса, украинцев Валентина Мороза (текст, полученный из советского лагеря) и Ивана Кошеливца, украинского греко-католического кардинала Иосифа Слипого, тоже бывшего советского зэка, чехов Иржи Гохмана, Людека Пахмана и Йозефа Смирковского, югославов Гайко Борича и Михайло Михайлова, эстонки Аделаиды Ламберг, документы о хорватских оппозиционерах в югославских тюрьмах и, наконец, заявление «Мера ответственности» к годовщине советского нападения на Польшу 17 сентября 1939 года, которое подписали Иосиф Бродский, Андрей Волконский, Александр Галич, Наум Коржавин, Владимир Максимов, Виктор Некрасов и Андрей Синявский и к которому несколькими отдельными строками присоединился из Москвы Андрей Дмитриевич Сахаров. Я хотела бы завершить этот длинный, может быть, утомительный, но, надеюсь, красноречивый перечень заключительными строками заявления семи крупнейших эмигрантских деятелей культуры:

«Мы глубоко убеждены, что в общей борьбе против тоталитарного насилия и разрушительной лжи между нами сложится совершенно новый тип взаимоотношений, который навсегда исключит какую-либо возможность повторения ошибок и преступлений прошлого. И это для нас не слова, а кредо и принцип».

Тогда еще не было найдено слово, чтобы определить этот «новый тип взаимоотношений», — несколько лет спустя оно прозвучало на весь мир из Польши. Это слово — солидарность, и не только как название профсоюзного объединения, но как «кредо и принцип».

Владимир Максимов как главный редактор «Континента», писатель и человек остался верен этому принципу до конца дней. Напомню, что его последняя, практически предсмертная поездка за границу была в Польшу и те несколько дней, которые он здесь провел, он был счастлив.

Я специально остановилась на тех номерах «Континента», которые успела прочесть еще до своей эмиграции. Нередко можно слышать, что появление польских и вообще восточноевропейских материалов на страницах «Континента» — чуть ли не моя личная заслуга. Надеюсь, что вышесказанное вполне опровергает это несправедливое мнение: заслуга полностью остается за Максимовым. Именно благодаря его «кредо и принципу» все, что в дальнейшем я ему предлагала, все, что переводила с польского и других славянских языков, всегда могло рассчитывать на публикацию на страницах «Континента».

Хочу привести одно замечательное высказывание Владимира Максимова. В 1978 г. он позвонил мне по телефону, чтобы сообщить, что кардинал Кароль Войтыла избран Папой, и восторженно — а восторженность совсем не была ему свойственна — прибавил: «Теперь мы не сироты: у нас есть Папа!» Между тем Владимир Емельянович был человеком глубоко, ревностно православным, даже, сказала бы я, не слишком экуменическим. Но в избрании Иоанна Павла II он, несомненно, ощутил важный поворот в судьбах всего нашего мира — мира «тоталитарного насилия и разрушительной лжи».

Такой же важный поворот ощутили мы все в августе 80-го. Мы уже внимательно следили за деятельностью польской оппозиции, публиковали ее документы, в частности целиком первый номер «Информационного бюллетеня» КОРа. Создание «Солидарности», а затем — может быть, особенно — деятельность «Солидарности» в подполье после объявления военного положения дали новый стимул нашему прямому и постоянному сотрудничеству. Я не буду продолжать рассказ о «Континенте»: ясно, что мы печатали массу польских статей и документов. Перейду к «Русской мысли», которая, в отличие от ежеквартального журнала, имела возможность из недели в неделю отражать происходившее в Польше.

Впрочем, мое сотрудничество с «Русской мыслью» началось не без помощи «Континента», в данном случае редакции его немецкого издания, где работал поляк, получавший в 1980-1981 гг. документы «Солидарности», еще легальной. Время от времени я делала их обзор или тематическую статью, и Ирина Алексеевна, недавно заступившая на пост главного редактора газеты, всегда это приветствовала и просила меня продолжать. Но полноценное сотрудничество началось после 13 декабря 1981 года.

Здесь мне уже помогали парижские поляки — те, что в момент объявления военного положения оказались в Париже и создали парижский Комитет солидарности с «Солидарностью». Без них, особенно без архивариуса комитета Яцека Кравчика (ныне архивариуса «Культуры») никогда не состоялось бы то, что Густав Херлинг-Грудзинский назвал «лучшим в мире польским сервисом». Из недели в неделю я делала обзор событий по подпольным документам, занимавший в газете такое место, что недоброжелатели начали говорить, что это не «Русская мысль», а «Польская мысль». Не все были довольны этим и внутри редакции. Но Ирина Алексеевна твердо стояла на необходимости этих материалов. Для нее было ясно, что в этот момент Польша — передний край борьбы с тем самым «тоталитарным насилием и разрушительной ложью».

Избранные материалы первых полутора лет военного положения составили книгу «Несломленная Польша», вышедшую в издательстве «Русской мысли». К сожалению, из-за краха типографии не вышел и безвозвратно пропал отданный в печать второй выпуск книги.

С особым вниманием Ирина Алексеевна относилась к обзорам паломничеств Иоанна Павла II в Польшу. И не потому только, что она сама была католичкой. Тут я, пожалуй, выскажу одну рискованную мысль: мне кажется — правда, я никогда ее не спрашивала, и, может быть, это лишь мой домысел, — что только с избранием кардинала Войтылы Папой она со всей полнотой ощутила свое католичество, полученное путем брака с католиком-итальянцем. И в то же время остро ощутила свою принадлежность к обеим Церквям — католической и православной. Уже после ее смерти мы узнали, что в 1980 г. она дала обет трудиться на благо единения Церквей, которое она понимала, разумеется, не как переход православных под скипетр Рима, но как полное общение. Слова Иоанна Павла II о «Церквях-сестрах», о «двух легких», которыми дышит Церковь, были ей необычайно близки, как и слова одного из православных иерархов XIX века о том, что перегородки между Церквями не доходят до неба.

В то же время ей было ясно, что паломничества Папы в Польшу, помимо религиозного, имеют и общественное, а следовательно, и политическое значение. Тоталитаризм подрывался не военной силой, не той атомной бомбой, с которой поляки когда-то мечтали дойти «до Львова» («Една бомба атомова, и дойдзemy аж до Львова»), — он подрывался снизу: общество переставало быть игрушкой в руках тоталитарного режима, самоорганизовывалось, становилось гражданским обществом. Плоды этого всем нам известны, за полукрахом коммунизма в Польше наступил его полный крах, падение Берлинской стены, «бархатная революция» в Чехословакии и так далее, вплоть до краха и распада самой «империи зла».

Я счастлива, что благодаря двум моим главным редакторам смогла внести свой малый вклад в это крушение.

Гжегож Пшебинда

КАМЕНЩИКИ И МОГИЛЬЩИКИ ИМПЕРИИ

Чаадаев, Пушкин, Мандельштам...

Известный русский философ П.Я. Чаадаев в 1836 г. сформулировал весьма убедительный тезис о том, что на протяжении столетий главная проблема России — «факт географический» как весьма «существенный элемент нашего политического величия и истинная причина нашего умственного бессилия»... Ранее, в «Философических письмах», он призывал русских учиться у христианской Европы, ибо в противном случае им грозит растворение в азиатской степи. Однако, когда в 1830 г. вспыхнуло польское восстание, Чаадаев повел себя как пристало настоящему защитнику империи. В написанном по-французски тексте «Несколько слов о польском вопросе» он назвал восстание «безумным предприятием» и попытался объяснить Европе, в чем на самом деле заключается польский вопрос.

Начал он с утверждения, что государство, ставшее впоследствии «обширной русской империей», было утверждено еще в царствование Ярослава Мудрого (XI век) и включало пространство между Финским заливом на севере и Черным морем на юге, Волгой на востоке и левым берегом Немана на западе. Так чего же поляки домогаются от русских, спрашивал Чаадаев в 1831 г., если еще в XI веке пограничная линия между ними выглядела так же, как и «в наши дни»? «Россия» еще в те времена опиралась на польские города: Августов, Седльце, Люблин, Ярослав, а вдоль Сана доходила до подножья Карпат. Во-вторых, говорит российский философ, углубляясь в историю Речи Посполитой Обоих Народов, польское государство «состояло из нескольких народностей, из них русские в областях, носивших название Белоруссии и Малороссии, составляли главную часть». Из дальнейших рассуждений Чаадаева явно следует, что «русскими» он считал не только белорусов и украинцев, но даже литовцев. Он ведь писал, что «русское население» объединилось с поляками лишь «на условии пользователя всеми национальными привилегиями и свободой». Речь Посполитая лишь в самом начале выполняла свои обязательства в отношении «русских», однако вскоре стала подвергать их как политическим, так и религиозным преследованиям — в результате

этого «русские области отделились от республики и соединились с семьей славянских народов, которая приняла имя Всероссийской империи».

Отсюда Чаадаев делает следующий вывод: «Это отделение, начавшееся с 1651 года и закончившееся к концу XVIII века, было неизбежным следствием ошибок притеснительного правительства, нетерпимости римского духовенства и вполне естественной тяги этой части русского народа свергнуть иго иноземцев и вернуться в лоно собственной народности».

Таким образом, в глазах Чаадаева и восстание Богдана Хмельницкого, завершившееся включением левобережной Украины и Киева в состав России в 1654 г., и три раздела Польши в 1772-1795 гг., в результате которых Российская империя расширилась за счет правобережной Украины, Белоруссии и Литвы, были лишь очередными этапами возвращения в лоно отчизны «белорусских и малороссийских русских». Да и славянская Польша, как хотелось думать Чаадаеву, только выиграла от связи с Россией, ибо те земли, которые попали под господство Австрии и Пруссии, были очень скоро онемечены.

Итак, между Польшей и Россией нет места никакому иному народу. Такое мнение Чаадаева полностью совпадало с духом его эпохи, как и тезис о том, что поляки-славяне должны неизменно находиться в государственном союзе с Россией. В 1831 г. Чаадаев писал в письме Пушкину, что не устает изумляться его стихотворением, осуждающим «врагов России». Пушкин как раз в то время опубликовал брошюру «На взятие Варшавы», в которой поместил два стихотворения антипольской направленности: «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину». Ноябрьское восстание он считал «семейной враждой» и осудил Европу за вмешательство в «домашний старый спор» «славян между собою».

Наступил 1914 год. Польские легионы Юзефа Пилсудского при поддержке Австрии начали бороться за независимость Польши, а из России немедленно отозвался ее очередной прит — родившийся в Варшаве Осип Мандельштам. В стихотворении «Polacy!» он написал, что не видит никако-

го смысла «в безумном подвиге [польских] стрелков». Разве может австрийский ворон заклевать славянских орлов? Разве Висла может повернуть вспять? Зачем Польше опираться на костыль Габсбургов? Зачем славянской комете блуждать в чужих пространствах, гореть чужим огнем и светом?

Трубадуры Империи

Эва Томпсон, автор книги «Трубадуры Империи. Русская литература и колониализм» (Краков, «Universitas», 2000, пер. с англ. на польский Анны Сершульской), из трех упомянутых мною выше представителей русской культуры новейшего времени занимается только Пушкиным. Впрочем, в ее внушительном труде говорится о нескольких десятках творцов русской культуры, которые почти двести лет упрочивали имперское сознание великороссов. Она, вероятно, согласна с утверждением Гегеля о том, что «сова Минервы вылетает только ночью», ибо не признаёт за литературой непосредственной силы воздействия. Ведь сначала была создана Российская империя (с конца XV до конца XVI века ее территория возросла с 430 тысяч до 5,1 млн. кв. км; в 1914-м она составляла уже 23,8 млн. кв. км), и только потом литература начала прославлять и укреплять ее рубежи.

Поэтому тут говорится о Н.М.Карамзине, авторе восьмитомной «Истории Государства Российского» (1816-1829), «первом русском интеллигенте, который возложил весь свой незаурядный талант на алтарь государства, став выразителем территориальных устремлений России и дав образец защиты российской жажды захвата». Российская «националистическая фантазия ведет начало (...) от Николая Карамзина, который в своей «Истории» утверждал, что Москва расширяла свои владения благодаря своему нравственному влиянию, а не благодаря тому, что умело пользовалась мечом». Э.Томпсон совершенно права, утверждая, что этот миф о мирной экспансии России по сей день живет в русской культуре. Покойный санкт-петербургский митрополит Иоанн говорил, например, что русский народ, построив величайшее в мире государство, протянувшееся от Атлантики до Тихого океана, не унизил ни одного, даже самого малого, встреченного на своем пути народа, но всех принял как братьев, прежде завоевывая сердца, а не крепости.

Пожалуй, вся образованная Европа знакома с романом М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени», с его многослойной повествовательной структурой, психологической глубиной, описанием любовных драм и военных приключений русских на Кавказе. Однако Э.Томпсон напоминает

— и тут она совершенно права, — что у романа Лермонтова есть и свой колонизаторский аспект. Главные русские персонажи, то есть прежде всего «лишний человек» Печорин и Максим Максимыч, не проявляют никаких чувств по поводу геноцида народов Кавказа, который осуществляла Россия с 1817 года. Э.Томпсон пишет: «В памяти русских и иностранцев Кавказ 1820-30-х годов XIX века предстает увиденным глазами Пушкина и Лермонтова, а не глазами чеченцев, лезгинов, балхашей или ногайцев. Насколько отличается эта картина истории от того, что осталось в памяти и мифах покоренных народов, можно оценить по числу восстаний кавказских народов, происходивших со времен Лермонтова».

Особой глубиной отличается тот фрагмент размышлений Э.Томпсон, который посвящен критическому анализу романа Льва Толстого «Война и мир». Толстой создавал свою эпопею во времена царствования Александра II, а это была, по его мнению, эпоха великого национального раздора в России, открытой враждебности между народом и тяготевшим к Европе обществом. Поэтому писатель решил обратиться к урокам наполеоновской эпохи, ко времени царствования Александра I, к «старым добрым временам», когда помещики и крестьяне в России еще составляли единый «народ», дружно сражавшийся с французским нашествием. Между тем, как не без основания отмечает Э.Томпсон, с точки зрения отношения Российской империи к соседним народам эпоха Александра I не очень-то отличалась от царствования Александра II. Когда создавался роман «Война и мир», Россия принимала в свое владение грузинское княжество Сванетию, начинала кампанию в Средней Азии и вскоре покорила Туркестан и значительную часть Узбекистана. И даже во время сражений с Наполеоном Россия вела другие войны — на Кавказе и в Средней Азии, традиционно выступая в роли агрессора. Надо еще добавить, что в 1808-1809 гг. Александр I вел победоносную войну со Швецией, после которой присоединил к своей империи Финляндию.

Ничего этого Толстой не описал — в его повествовании существует лишь эта единственная война, народно-освободительная война против Наполеона и «европейской лавины»; писатель даже завышает численность солдат в наполеоновской армии: он пишет о 800 тысячах, в то время как их было 400 (что тоже немало). Есть еще одно наблюдение внимательной Э.Томпсон: «Процесс привнесения мифа в историю прослеживается и в польско-русских отношениях. Толстой отражает эту тему со значительной степенью идеологической

приглушенности. В романе есть несколько эпизодов, касающихся тех поляков, которые оставались на российской службе во время наполеоновской кампании. Это были в основном крупные магнаты из Литвы, Белоруссии и Украины, которым покровительство России служило гарантией стабильности их собственного общественного статуса. Огромное большинство грамотного и полуграмотного польского населения было решительно на стороне Наполеона. В памяти польского народа отчетливо запечатлелось массовое присутствие поляков в наполеоновской армии — около 80 тысяч, то есть одна пятая вторгшихся армий». Толстой ни словом не упоминает о том, что, наступая на Москву, наполеоновская армия получила мощную поддержку как в Варшавском княжестве, так и в Литве, ибо упомянутая «одна пятая вторгшихся армий» мечтала, главным образом, об освобождении Польши и Литвы от России. Тем временем в «имперском повествовании» Толстого между Россией и Западной Европой снова не находится места никакой другой стране:— «история Центральной и Восточной Европы у Толстого приобрела тот образ, который отвечал российской политической мифологии». При этом он был «одним из авторов идеи жертвенности, которая играет весьма важную роль в политической мифологии русских».

Большое впечатление на читателей произведет описание националистической пропаганды в советской России в 1939-1941 гг., то есть в тот период, когда СССР вторгся в Польшу и Финляндию. Как мы знаем, тон задавал нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, который назвал Польшу «уродливым детским Версальского договора». Ему тогда вторили писатели: Николай Асеев, Федор Гладков, Илья Сельвинский, Маргарита Алигер, Самуил Маршак, Валентин Катаев, Евгений Долматовский, Максим Рыльский, Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Василий Лебедев-Кумач. Э.Томпсон пишет: «...хотя колонизаторские устремления Советской России и были продолжением прежнего стремления России завладеть землями, расположенными на запад от этнической России, они сочетались с коммунистической идеологией таким образом, что вызвали национальную вражду в значительно большей степени, чем это происходило в царской империи».

Положительной оценки заслуживает глава «Имперские устремления в позднесоветский период», особенно та часть, которая посвящена анализу «сибирской прозы» Валентина Распутина: «В своей книге, — пишет Э.Томпсон, — вопреки тому, что говорят некоторые рецензенты, Распутин

вовсе не защищает Сибирь от хищнического отношения российского и советского времени, но скорее защищает российское присутствие в Сибири». Подобным же образом и в «Детях Арбата» Анатолия Рыбакова Сибирь — лишь «продолжение российского пейзажа и нравов», причем писатель забывает, что и эта территория была завоевана (при Иване Грозном). Распутин, Рыбаков, Виктор Астафьев не интересуют ни судьба, ни культура коренных народов Сибири: якутов, эвенков, тунгусов, хантов и манси...

Методика и слабости Э.Томпсон

Поучительная книга Э.Томпсон первоначально была обращена к англоязычной аудитории, поэтому автор все время сравнивает колонизаторский опыт России с историей великих европейских империй. В ней много ссылок на англоязычную литературу по этой теме, отсюда — критика «ориентализма», то есть снисходительного отношения европейцев к культурам покоренных народов, отсюда же и благосклонное отношение Э.Томпсон к «феминизму», то есть тезис, что российский империализм носил прежде всего грубо-мужской характер. Однако если мы согласимся с таким взглядом, надо будет признать, что в России даже некоторые женщины действовали подобно грубым *machos*. Ведь XVIII век, период, когда Российская империя переживала свой первый расцвет, был временем царствования сменявших друг друга цариц: Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Однако можно согласиться с тезисом Э.Томпсон о том, что главными могильщиками империи становятся в нынешней России женщины-писательницы, прежде всего Людмила Петрушевская. Героини ее произведений на собственной шкуре познают ту неприятную истину, что колониальные завоевания России никак не связаны с развитием цивилизации на ее собственной территории. Ибо величина российского имперского пространства вовсе не влияет на величину жилплощади в Москве.

Э.Томпсон убеждена — и тут ей следует поверить, ибо, будучи профессором славистики университета Райс в США, она опирается на собственный опыт, — что европейская и американская славистика высказываются чаще всего в великорусском духе. И популярные в Америке книги по истории России, написанные Николаем Рязановским и Георгием Вернадским, представляют исключительно точку зрения Москвы. А ведь после развала СССР пора бы уже предоставить право голоса всем малым народам прежней империи; если же они сами еще не умеют защищать свои

права, то необходимо говорить о них и в определенном смысле за них. Как было бы прекрасно, если бы по поводу подобной книги среди интеллигенции прошла дискуссия в самой России. Но у меня есть опасения, что после перевода этой книги на русский язык она сразу вызовет нелицеприятные комментарии. Во-первых, в ней слишком много поверхностных и достаточно язвительных суждений о русской культуре в целом. Во-вторых, автор слишком быстро переходит от литературоведения к политической сфере. И, в-третьих, давая свою интерпретацию, автор иногда сваливает в одну кучу, без разграничения, и каменщиков империи, и ее великих могильщиков.

Что касается первого аспекта, то нельзя согласиться с мнением Э.Томпсон о русской литературе XVIII века: «Элегии Сумарокова, эпические поэмы Хераскова и оды Державина — все эти произведения искусства были бы давно забыты, если бы их не вынесло наверх волной успеха, которая выносит все имперские свершения»; «...версификаторы и стихотворцы XVIII века, которых добросовестно перечисляют все учебники по истории русской литературы, несмотря на то, что их топорный язык и интеллектуальная подражательность превращают их в жалкую армию». Можно ли так отзываться о Гавриле Державине, которого Мицкевич сравнивал с Адамом Нарушевичем, которым восхищалась Анна Ахматова? Да и поэтические корни Иосифа Бродского — там, в российском XVIII веке, именно в лирике Державина. А можно ли всерьез принимать другой тезис Э.Томпсон — о том, что покоренные Россией народы сохраняли презрительное отношение к своему завоевателю, потому что его философия была весьма слабой?

Справедливо выступая в защиту покоренных народов, автор совершенно напрасно формулирует по сути своей нереальные политические постулаты. В определенный момент она ссылается на высказанный в 1998 г. утопический тезис Збигнева Бжезинского о том, что «федерация должна стать конфедерацией, состоящей из основных русских территорий, то есть Европейской России, центрального региона, то есть Сибири, и Дальнего Востока». Ну кто же в сегодняшней России будет всерьез обсуждать такую историософию?

«Дело Солженицына»

Продемонстрированное Эвой Томпсон в ее книге отношение к Александру Солженицыну свидетельствует о том, что она стремится скорее остаться верной своему исследовательскому методу, чем вступить в рациональную полемику с од-

ним из могильщиков советской империи. Ее главное обвинение Солженицыну — то, что писатель считал статус русских в советской империи ничуть не лучше положения покоренных народов. Тем самым он, считает Э.Томпсон, пытался освободить «нацию колонизаторов от чувства несправедливости, которая совершалась в отношении периферии». В «Трубатурах» мы читаем: «Как по иронии, возможность Солженицына приобрести на Западе широкую благожелательную аудиторию была обусловлена пропагандистской и военной мощью самой империи. И до него многие пытались привлечь внимание Запада к советским лагерям, но за этим не стоял авторитет империи, и им не удалось произвести впечатление. Подобная привилегированность осталась совершенно незамеченной Солженицыным и его истолкователями, а ведь это лишь один из скрытых случаев привилегированности метрополии и пренебрежения периферией».

Если исходить из «постколониального метода исследований» Э.Томпсон, то все правильно, но подобное суждение, к сожалению, вносит путаницу в предмет спора. Солженицын — не только великий разрушитель советской империи, но и один из тех мыслителей современной России, который демифологизировал сказку об империи Романовых. Он занялся этим вопросом после того, как в «Архипелаге ГУЛАГ» открыл миру глаза на суть коммунизма. Зато как много он сделал в этой области! В статье «Русский вопрос в конце XX века» (1994) он рассматривает с критической точки зрения триста лет царствования дома Романовых — и обвиняет каждого императора в том, что неразумное расширение Российской империи осуществлялось за счет того, что они в высшей степени пренебрегали внутренними реформами. Кого-то может раздражать тот факт, что Солженицын осуждает войны, которые вела Россия на Кавказе, в Средней Азии, против Финляндии, как невыгодные прежде всего самой России. Но разве такой «национальный эгоизм» не отличается спасительным характером и для ее соседей? С Солженицыным можно и даже нужно полемизировать по вопросу об Украине и Белоруссии, которые ему хочется видеть в славянском союзе с Россией, но это не причина ставить его в одну упряжку с колонизаторами. Он же еще может пригодиться будущим деколонизаторам, если, конечно, они не вздумают вытеснить «азиатскую Россию» в подмосковные леса.

А пока что стоит прочесть эту крайне любопытную и поучительную книгу Эвы Томпсон.

Мартин Светлицкий

Перевод
Святослава Свяцкого

НАДЕТЬ ТЕМНЫЕ ОЧКИ И ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА...

Лешек Шаруга

«НА НИЧЬЕЙ СТОРОНЕ»

Поэту не пристало вставать под чьи бы то ни было знамена, он призван создать собственный мир, остров, континент воображения. К созданию именно такого мира стремится Мартин Светлицкий (р. 1961) – поэт, которого критика относит к дебютировавшему в конце 80-х гг. «поколению «бруЛиона» (по названию изда-вавшегося в самиздате поколенческого литературного журнала), и который после бунтовщического периода бури и натиска все более склонен выбирать собственные пути. В «Четвертой версии» он признается:

*Надеть темные очки
и закрыть глаза. На ничьей
стороне.*

Программа, отвергающая какие бы то ни было программы? Приятие

Осада

Мы не покинем этого кафе!
В знак верности прижмемся губами
К размазанной по краю чашки
губной помаде.

Раз родина не явилась сюда с нами
– придется назвать родиной это место,
а то, что снаружи нас осаждает, тоже
родина, но поздновато нас она пожалела.

Войди, гвоздь

Птицы сказали рассвет.
В полдень я перешел мост.
Не глядя сказал река.
Если умершие неволят стихами,
строчка будет приневоленная.
Вслепую мечется средь этого глухонемой.

(91)

ГЕНРИК КВЯТЕК

У Генрика Квятека был приятель с иконы.
Только с ним и водил он дружбу.
Возвращался домой – заваривал чай,
и тогда святой сходил к нему с иконы.
И они беседовали. Генрик Квятек рассказывал
обо всем, что случилось за день, а святой
молчал и святыми глазами глядел на Генрика.
Был у Генрика Квятека такой приятель с иконы.
А чего, с кем ему еще водится? Не с ксендзом же,
что раз в году зайвится с колядкой?
С кем, ну с кем? Не с почтальоном же,
что раз в месяц принесет пенсию?

У Генрика...
У Генрика Квятека был приятель с иконы.
Пришел он как-то домой – заварил чай.
Этот малый сошел с иконы и подсел к столу,
а почтальон не пришел и пенсии не принес.
И на следующий день не было пенсии.
Генрик Квятек все вертелся у двери.
Так и прошла неделя – нет как нет почтальона.
Вот и говорит Генрик Квятек этому малому с иконы:
– Ни разу я у тебя еще ничего не просил,
хотя знаю, возможности у тебя большие.
А вот теперь хочу попросить ссуду.
Генрик Квятек...

Долго молчал малый с иконы и все смотрел своими
святыми глазами на Генрика – ну а Генрик опять
про ссуду. Тогда поднял вверх палец гость,
глянул на Генрика и сказал:

– ЛЮБОВЬ...

Телекамера отъехала из квартиры
и появился дом – черный-черный,
а над ним черное небо и – на черном небе
ОГРОМНОЕ И НЕСТЕРПИМО БЛЕДНОЕ СЕРДЦЕ.

(95)

всего, но с дистанции, с расстояния?
Вот уже и темных очков не хватает,
приходится закрыть глаза – эта двойная
ширма плотно отделяет от общности
опыта, размышлений, фантазий, от
расхожих жестов. Последние стихи
Светлицкого – попытка разглядеть
свою сущность, обрести ее и сосредото-
читься. Поэт видит себя в не-святом
семействе, о существовании которого
объявляет «Urbi et orbi»:

*Помутневшие, но безумно цветные.
Агрессивно отчетливые.*

*Три живых факела
ярких и различных
с любого расстояния.*

Герой этих строк находит свое
место в странствиях по шпалам «вне
расписания», в одиночестве, с сердцем
среднего рода, меж сном и явью. У
него свои счеты с отчизной, но уже
другого характера, чем некогда – он
создает собственную родину, а по-
прежнему не оставляет его:

*Если отчизна не пришла сюда с нами
– это место придется
назвать отчизной,
а то, что снаружи нас окружает, –
также наша отчизна, лишь
теперь мы ей нужны.
(«груз»)*

Кажется, что Светлицкий, в пред-
шествующих сборниках продемон-
стрировав свое мастерство, «сведя
счеты» с историческими обстоятель-
ствами своего бытия, оказался в пере-
ходной зоне, в некоем «между», как
бы внутри паузы. Поэт убеждается,
что это пока лишь «касание», не
прикосновение. Предчувствие того,
что находится под поверхностью, пока
еще поверхностно. Формулу – являю-
щуюся нам как «бормотание» и «хаос»
случайных касаний клавиатуры
пишущей машинки или компьютера –
необходимо еще расшифровать, а это
можно сделать лишь преодолев
барьер стыда, внутреннего
сопротивления:

*Вырезан десяток строк.
Внутренняя цензура.*

Быть может, проникновение в область того, что «вырезано», и составляет перспективу поэзии Светлицкого: этот «десяток строк», эта недоговоренность, пауза есть область опыта еще не отрефлектированного. Поэт явно опасается «выйти из формы»: его, в целом афористичные, хорошо выстроенные, образно целостные стихи как бы замерли на пороге риска. Автору «Схизмы» рано или поздно придется его переступить, если он и в самом деле не хочет принимать чью-либо сторону, если стремится создать мир от начала до конца собственный. Однако пока что его поэзия, энергетически нагруженная и формально гибкая, колеблется между традицией и прыжком в неизвестное.

После анархических странствий юности наступает пора оседлой жизни: «конец пути, лагерь / разбитый окончательно, дом, закон». Но вот появляется ребенок – надежда на новые странствия, новые разрушения, новый хаос:

*Итак, все же здоровье
и все же порядок,
итак, все же мусорник слишком мал,
казалось бы.
Но внимание! Идет
на неуверенных ножках годовалый
разрушитель мальчик! Идет!
Радостно топчет! Ломает
и разбивает разумно. Молитвенно
и сосредоточенно рвет бумагу.
(«смертность мертвых вещей»)*

Во всем этом по-прежнему неясным остается смысл бытия, как в «простом позитивном», где возникает утомленное размышление:

*Ради чего я здесь умираю
на передовой /.../*

*Открыться. Говорить. Позитивная
программа.
Простая и позитивная. Общаться.*

Диалог, таким образом, оказывается шансом – не стопроцентным, но единственно возможным способом самовыражения, открытости на какое-

Рио, ПОНЕДЕЛЬНИК*

Зябкий дождик
снаружи, внутри,
мокрая пепельница – между нами –
и кофе на последние займы взятые
деньги.

Ты – белая, я – черный от усталости в пятницу,
субботу и воскресенье. Все не ладится.
Случайный клиент главного не дожидается,
допьет свой кофе, уйдет. Предоставит нас самим себе,
одиноким, беспомощным.

Ты разоблачила труп,
что он не труп. Ну а дальше? Мы не ляжем
в постель. Зачем так запутывать
окончание? Зябкий
дождик, допей кофе,

провожу тебя до угла.

* Рио – популярное кафе в центре Кракова

Под вулканом

Снимешь черные очки –
этот мир ужаснет еще больше.
Он настоящий. Истинные краски
вползают на истинное место.
Змея скользит повсюду.
Вот и нас коснулась.

Нет ничего про нас в Конституции.

Пойдет снег и все накроет.
Но пока еще виден город
– черная кость, прорезанная кое-где фарами
автомобилей, я забрался повыше
и наблюдаю. Вечер. Позакрывали уже
аттракционы и карусели.

Нет ничего про нас в Конституции.

Снимешь черные очки –
этот мир ужаснет еще больше.
Шла с нами собака и смердела. Все документы
истлели. Все, что я любил,
истлело. А я жив и здоров.

Под вулканом
родился
РЕБЕНОК!

то «ты» в ожидании ответа, в ожидании
голоса, который определит топогра-
фию этого «там», в котором довелось
жить:

*Случилась авария, я спасся,
теперь живу в где-то там.*

Здесь, разумеется, интерпре-
тируя Светлицкого, необходимо было
бы воспроизвести весь литературный
контекст «спасения», потому что нет
никаких сомнений, что в одной этой
строке мы видим попытку вступить в
диалог с Милошем и Ружевичем. Это
не единственный сигнал, свидетель-
ствующий о том, что недавний бун-
товщик вписывается в ход литера-
туры.

Адам Поморский

СЛОВА ПОЭТА В СЕРДЕЧНОЙ РАМКЕ

В истории русско-польских культурных отношений ничего подобного еще не было, и не только в прошедшем столетии, но и за три века новой русской литературы. Несмотря на обильный урожай переводов, нередко художественно весомых и плодотворных для развития самой русской поэзии XIX-XX вв., никогда раньше польская поэзия не удавалась в России такой фундаментальной и одновременно личной антологии, как «Польские поэты XX века» в переводах Натальи Астафьевой и Владимира Британишского (СПб, «Алетейя», 2000). Два тома, свыше тысячи страниц, стихи почти ста поэтов, в том числе включающие по несколько десятков стихотворений подборки Стаффа, Иллакович, Павликовской-Ясножевской, Ивашкевича, Вата, Пшибося, Свирцинской, Милоша, Ожуга, Вирпши, Каменской, Ружевица, Хартвиг, Мендзыжецкого, Шимборской, Херберта, Ворошильского, Тадеуша Новака, Уршули Кбзел, Харасымовича, Посвятовской, Я.М.Рымкевича, Криницкого, Липской, Корнхаузера. Ранее неподцензурные, а значит, неизвестные русским имена Обертынской, Вежинского, поэтов «новой волны». Ранее неподцензурные и дополняющие картину стихи поэтов, как будто хорошо знакомых русскому читателю, — Тувима, Галчинского, антисоветские произведения Броневского военного времени. Фицовский о еврейской Катастрофе, Иллакович и Витольд Домбровский о Катыни. Дело жизни, хоть все-таки и не полное собрание переводческих трудов двух русских поэтов.

Полуофициальная привычка XX века издавна внушила читателям уверенность, что антология поэзии в переводах должна делаться коллективно, ибо один переводчик якобы не в состоянии справиться со стилистическим разнообразием множества поэтов оригинала. Стереотип как стереотип: чем больше талант и профессионализм переводчиков, тем меньше трудностей ставит им это разнообразие — в конце концов надо быть своего рода виртуозом в музыкальном смысле слова, а недостаток таланта и мастерства не менее разрушителен и в большой группе переводчиков. Вдобавок соединение неумения переводчиков и разнородности их стилей делает из такого коллективного попури шедевр какофонии. Результат коллективных усилий не обязательно удачен, и, как правило, составители такой антологии руководятся не вкусом переводчиков, а сформированным при участии цензуры хрестоматийным штампом.

Противоположный полюс занимают личные антологии, за последние полвека ставшие несколько банальными из-за не раз издававшихся (отдельно и в различных сериях) авторских сборников отдельных переводчиков, однако всегда ориентирующиеся на аналогичные издания XIX — начала XX века. Оставаясь в рамках XX-го, отметим в обеих странах как стилистические полуневдахи — Бальмонта и Каспровича, так и непревзойденные образцы — «Кельтские, германские, романские народные песни» Эдварда Порембовича в Польше и «Французские лирики XIX и XX века» Бенедикта Лившица в России.

То, что вошедшие в двухтомник переводы, результат почти сорока лет труда двух исключительно заслуженных переводчиков, испытанных друзей польской поэзии (и польских поэтов), складываются в цельную и оригинальную антологию современной польской лирики, есть лестное свидетельство как профессионализма и таланта обоих авторов, так и живой их связи с этой поэзией и о вытекающей отсюда безоговорочной независимости в выборе стихов для перевода — не считаясь с польскими иерархиями, светскими тусовками и политическими разделениями. Подбор имен и стихов, пропорции общего состава нередко могут поразить поляка; однако в

антологии в целом, в русских переводах, они оправданы иначе, нежели литературной табелью о рангах.

В своем собственном творчестве Астафьева и Британишский — поэты очень разные. Ее на вид непосредственную лирику, где под слоем эмоционального переживания лежит скальная порода безжалостного этического суда, и его рефлектирующую поэзию, где ирония соединена с требовательным состраданием гуманиста, роднит трагический взгляд на мир, который у обоих связан с польской ветвью их собственной генеалогии. И ее переживание, и его рефлексия соотносятся с миром, расположенным в надличностной перспективе истории, т.е. процесса трагического по определению. Даже в непосредственном опыте здесь нет и речи о гипертрофии собственного «я».

Может быть, поэтому Астафьева характерно модифицирует в переводе первое предложение «Удивления» Шимборской: «Czemu w zanadto jednej osobie», — вводя в русский текст оборот «в одной особе» вместо «в одном лице»: в этом родовом индивиде пропадает интеллектуальное рококо и школьническое подмигивание польской поэтессы, а стихотворение приобретает почти онтологическую тяжесть противопоставления истории и природы:

*Зачем я в слишком одной особе?
и не иной? и чье подобье?
Что делаю здесь? Не зверь, не змея?
Не в чешуе? И лицо, а не листья?
И почему лишь однажды лично
По стольких эрах здесь без меня?
Как раз теперь? Почему так поздно?
Здесь на земле? Под малой звездой?
За всех инфузорий и все мезозои?
За всех медуз? До костей и мозга?*

Эхо постапкеистической поэтики «русского космизма», близкого и самой Астафьевой в ее более ранних стихах, отзывается тут не столько дикцией Шимборской («*Za jatochłony i nieboskłony?»*), сколько узнаваемым голосом Арсения Тарковского, в своей поэзии продолжавшего «натур-историософию» Мандельштама: «Я человек, я посередине мира, / За мною мириады инфузорий, / Передо мною мириады звезд. (...) Я Нестор, летописец мезозоя...»

И заведомо эта конфронтация индивидуальности и истории, перерастающая меру частного, содействовала тому, что оба поэта так интенсивно занимались переводами: лирическое «я» обретает в них надличностный ранг, а индивидуальная картина — историческую материю в поэтическом многоголосье.

Картина Польши, скроенная по мерке личности и родословной обоих поэтов, в этой антологии трагична. Трагизмом создается здесь величием польской истории, культуры и литературы — да что там, даже психологии, а все, что ему не подобает, вытесняется на поля или вовсе за раму картины, и не столько по эстетическим, сколько по этическим причинам. Таким образом, это трагическая Польша, но, к примеру, лишённая гротескного черного юмора, вообще жуткого гротеска, т.е. балладного наследия сарматства, низового барокко, так всегда поражающего русских при близком контакте с польской культурой. Трагизм тут берет верх над иронией, вторым важнейшим для Польши компонентом романтической традиции; трагизм исключает экспрессионистическую яркость пародии, литературной игры, абсурда, каламбура, парадокса. С существенными исключениями — когда поэтический инстинкт переводчика преодолевает навязанную себе этически жесткую верность оригиналу и одевает, например, банальную риторику не лучшей поэзии Стаффа времен войны в замечательные доспехи, выкованные в школе русской эпиграм-

мы. По сравнению с русским переводом польский оригинал звучат как не слишком удачный, тяжеловатый перевод:

*Teolog rzezi i pożogi,
Ziemie i ludy rąbie, gromi,
Świat w szpony szkodnik wziął dwunogi,
Mistrz militarnej anatomii.*

*Калечит страны и народы
Теолог бойни и пограма,
Двуногий выродок природы,
Палач с диплом анатома.*

Антология по существу представляет польскую поэзию XX века лишь с момента обретения Польшей независимости в 1918 году. Единственное исключение — как раз Стафф, творчество которого антологисты не обрезали искусственно этой датой, представив также кое-что из его первых 25 лет. То, что переводчики обошли стороной модернистскую поэзию «Молодой Польши», очевидным образом вытекает из их вкусов, вообще же их польские увлечения отражали современные нужды и позиции русских поэтов, а современность не охватывала отзвучавшей эпохи «Молодой Польши». Принимая этот факт как данность, стоит задуматься об итогах, вытекающих из такого выбора достижений и потерь.

Достижения измеримы: во-первых, антологию не отягощают ветошь и заурядность, унаследованные еще из запасов XIX века и не находящие места в живой современности. Во-вторых, антология не впутывается в архивные обязанности — и выигрывает в своем личном характере, не строится по критерию хрестоматийной представительности и не ассоциируется с более ранними официальными изданиями, где современную польскую поэзию, за отсутствием «непроходных» дебютантов второй половины века, случалось представлять Каспровичу. В-третьих, исчезает трудная задача создания в сегодняшнем переводе эквивалента языково индивидуализированных экспрессивных стилей «Молодой Польши».

Потери можно исчислять двояко. Во-первых, пропадает источник все еще живой и строптивой литературной фразеологии, идущей от «Свадьбы» Выспянского и «Словечек» Боя-Желенского. Во-вторых, как раз тут изглаживается присутствующая в польской поэзии гротескная и сатирическая экспрессия — Леманского, Мицинского, Островской, а в конце концов, и Лесьмяна. В антологии он представлен в пяти новых и очень интересных переводах Астафьевой, которая и этому поэту придает оттенок трагической серьезности. (Кстати, «Девушку» мелкие сдвиги в переводе превратили в суд над всем символизмом: «Стена упала — гул пошел, сотрясший дальние пределы. / Но за стеною — лишь ничто! Там ни живой души, ни Девы! (...) Открылась бездна пустоты, и в бездне тишь была до жути. / Зачем над бездной шутишь ты, коль бездна над тобой не шутит?» В польском тексте «не шутит, не насмехается» пустота, вакуум, а не «бездна», замыкающая символистские «дальние пределы». Одно сдвинутое слово, а насколько сдвинулась перспектива!)

Редукция крикливости или возвышенности до тишины — в этой книге программа этическая, а не эстетическая. Недаром один из ленинградских ровесников Британишского писал в бурный период их общей молодости: «...и за словом, на два тона взятым выше, / — смрад обмана». Не имея ни желания, ни возможности сопровождать в последние десятилетия польских поэтов в их возвращении к католичеству (во вступительной статье Британишский упоминает об этом явлении, обрисованном в интервале между цезурами политических кризисов), переводчики сопутствуют им в лирическом приглушении, т.е. в аспекте неконфессиональном и неидеологическом.

Перед весьма выразительной в антологии картины истории польской поэзии XX века — картиной политических потрясений, расколов и переворотов, картиной свободы, — в этом приглушении голоса выражается полное пиететное отношение обоих антологистов к Польше и глубокое ее понимание.

Таким образом, принципом отбора становится снижение тона: до неповышенного голоса — как в основополагающих для антологии обширных подборках стихов поэтов, названных в начале нашей статьи. И далее, строжайшим образом, — до неэкспрессионистической дикции. (В этом отношении противоположностью трудам Астафьевой и Британишского можно посчитать сделанное двумя другими замечательными современными переводчиками польской поэзии в России, Асаром Эппелем и Анатолием Гелескулом: оба они в своих переводах по духу экспрессионисты). Этим, кстати, объясняется отсутствие здесь таких, например, авторов, как Пейпер или Либерт, и урезывание подборок поэтов, которых все-таки недостаточно всего лишь анонсировать, даже и отличными переводами, — таких, как Лесьмян, Вежинский (подборка стихов этого чистейшего лирика, сравнительно обширная, ограничена слабейшим в его творчестве руслом риторических деклараций), Бялошевский, Фицовский, даже неплохо известный в России Галчинский. Опубликованный недавно Гелескулом перевод ранней поэмы К.И. Галчинского «Конец света» восстанавливает поколебленные пропорции, показывая исходный для этого поэта «оберитутский» контекст рубежа 20-30-х годов XX века. Результат послецензурного переучета в самой антологии — это перевод не печатавшихся в советских изданиях «Заметок неудавшихся парижских реколлекций», послевоенной поэмы о потере католической веры.

Кстати говоря, в восприятии русского читателя канон современной польской поэзии либо просто не существует, либо сводится к именам и явлениям прошлого, предшествующей эпохи. Вспыхнувшая некогда популярность Тувима и Галчинского, весьма подстриженных в русских переводах, вытекала из близости именно этой части их творчества к поэтической восприимчивости послесталинских времен в России: неопасный гротеск, популяризированный лирической слезой и эмоциональной экзальтацией. Броневского переводили отчасти по обязанности как «революционного» поэта (кстати, с сомнительной добросовестностью: например, Алексей Сурков выдавал свой перевод одного из самых известных довоенных коммунистических стихотворений Броневского за перевод из безымянной пролетарской поэзии). То, что отходило от клише «шестидесятничества», в переводе часто скатывалось в неблагоприятную риторику — даже Лесьмян, выросший прямо из русского символизма, в русских переводах (за исключением разве только переводов Гелескула) оказался певцом банальностей. У Павликовской русские не распознали ни утерянного в их собственной традиции турпистического* биологизма типа того, что был у

* «Турпистический» и далее «турпизм» — чисто польские литературные термины. По просьбе переводчика автор статьи дает их объяснение:

Турпизм — это понятие, которое как ругательство ввел в начале 60-х Пшибось в полемике с тогдашним Гроховяком и подобными ему поэтами. Турписты (от лат. *turpis* — безобразный, отвратительный, уродливый) — это современные поэты, которых Пшибось обзывал эпитонами Бодлера и которые в своем антиэстетизме питали квазибарочное пристрастие к ужасам, искалеченности, пыткам, уродству, дешевке и т.п. Самые видные из них — Бурса, Гроховяк, Бялошевский, Ружевиц. Из этого возникло целое течение, ощутимо равнявшееся на Лесьмяна, Павликовскую, Либерта и др., но в иной функции — в функции защиты суверенности человека на соматическом уровне (напр., «Соматические стихи» и другие стихотворения Вата, но его не обязательно сопоставлять с барокко). В русской поэзии этот мотив известен со времен Пушкина («Утопленник») и Лермонтова («Морская царевна»), он расцвел у Некрасова («О погоде») и Случевского, хотя его можно найти даже у Фета, не говоря о Полежаеве или Аполлоне Григорьеве, Сологубе или Анненском. А в XX веке — у Нарбута («Самоубийца», «Пред-пасхальное» и др.) и молодого Зенкевича («Посаженный на кол» и др.), остальные акмеисты тоже не проходили мимо этого, а позднее — конструктивисты (Сельвинский — хотя бы вступление к «Пушторгу» и «Лирическая баллада»; Багрицкий — собственно говоря, в своих лучших вещах; и другие) и оберитуты, а также футуристы — но отнюдь не всегда! — и многие наши современники (вспомните «Полевой госпиталь» Тарковского). В России функция этого мотива, мне кажется, выглядит более гностической, связанной с отмежеванием от мира материи и смерти. Тема любопытная и заслуживающая особого рассмотрения.

Владимира Нарбута и его одесских подражателей, ни антиматериального, антисоматического черного юмора обериутов (молодой Заболоцкий!).

Между тем этическая исходная точка Астафьевой и Британишского не согласуется с таким биологизмом — и, следовательно, одним махом пропадает и польский турпизм, будь то Павликовской, Вата или Гроховяка (здесь представленного подборкой поздних стихов, устремленных к классицизму) либо отсутствующих в антологии Либерта и Бурсы (изданного раньше в России другим переводчиком), пропадает лирическая стратегия защиты суверенности личности на уровне соматики тела — уничтожаемого, больного, пораненного, подвергаемого пыткам и т.п.

На фоне приглушенных скамандритов, футуристов (Чижевский, Стерн, Ват), Галчинского сосредоточенные и действительно негромкие слова приобретают силу: «И здесь: одиноко гибнущие, / Уже забытые миром, / Язык наш стал для них чуждым, / Как речь далеких планет» (правда, в «Кампо ди Фьори» Милош написал наоборот: «их» язык стал «нам» чужд!). «Тропинка» Каменской может прозвучать для русского уха нотой более пронзительной, чем вся эсхатологическая поэзия:

*Дай руку, — умоляла умирающая.
Ах, что за люди, что за люди!
Никто руки не даст.
Мостик такой узкий.
А я с ребенком на руках.
Возьмите хоть бы сундучок с подводы!
Близкие стали вокруг
И отводили глаза,
Стыдясь смерти...*

И, наконец, сведение к полной тишине — Пшибось, Яхимович (оба в переводах Британишского восприняты, вероятно, через фильтр У.К. Уильямса, поэта, особенно близкого ему, переводящему также американскую поэзию), «новая волна», в которой на первый план внезапно выходят поэтессы: Боцян, Юзефацкая, Липская. Вот Юлия Хартвиг:

*Быть в летящей птице
В морском чудовище которое везет проглоченного
А позже с должным почтением выплевывает
(...)
Воскрешать то что мы задушили собственной тяжестью
Из гнили вытягивать к небу стремительный стебель цветка
Распасться в прах Не прощаться*

Бронислав Май и его стихотворение, которому по-русски внезапно отвечает шепот миллионов убиенных:

*Кто оставит свидетельство этого времени?
Кто запишет? Ведь из нас никто:
слишком долго мы жили здесь, слишком глубоко вдохнули
эту эпоху, чересчур ей верны, чтоб сказать о ней
правду...*

Трагизм польской поэзии устами переводчиков говорит невозвышенным, нормальным, почти интимным тоном — говорит сама серьезность трагедии, а не ее, так сказать, экстравагантность; нет нажима на нужду и страдания. Как в собственном стихотворении Астафьевой: «По карточкам давали крохи, / но сохраню я до конца / крупность трагической эпохи / и резкость черт ее лица». Поэтому под пером этой поэтессы рождаются такие шедевры, как большая подборка переводов из Анны Свирщинской. В 1994 г. я сам в провинциальном Тамбове был свидетелем эмоционального потрясения, вызванного чтением переводов из сборника Свирщинской «Я строила баррикаду» перед студенческой аудиторией. Рыдание, которое в глубине России прервало чтение стихов о Варшавском восстании 1944 г., — это, как заверила меня переводчица, каждый раз повторяющаяся реакция российских слушателей.

Переводчикам можно позавидовать не только в отношении их читателей, но и в отношении самой материи русского стиха, в которой они работают. Часто, очень часто повторяется — даже когда речь идет о лучших польских поэтах — одно и то же: русский перевод окрыляет, облагораживает польское стихотворение. Конфронтация с русскими переводами бывает трудным для польских стихов испытанием. Не потому, что то или иное стихотворение слабо само по себе, а потому что польский поэт при отсутствии разработанных лирических инструментов с риторической натушностью конструирует высказывание, по-русски легко формирующееся само собой.

Силу механизма русского стиха составляет не только искусство версификации, т.е. звуковая инструментовка, интонационная нагрузка голоса, четкость каденции и антикаденции в ритме зачастую нерегулярном, нервно синкопированном, не всегда разделяемом на такты рифмой в метре пэонической силлаботоники, акцентного стиха или верлибра. Его сила вытекает еще и из русского стилистического слуха, из сохранившегося по сей день ощущения классических «трех стилей» (низкого, среднего и высокого) и умения играть на их гармонии или контрасте. Прибавим здесь — на низких регистрах — живой отголосок народности, и не только жанровой и плебейско-разгульной, но и замыкающей поэтическую фугу этической кодой жалобы и сострадания. И, наконец, то, что менее уловимо, — более глубокая эмоциональная тональность русской поэзии.

Примеры тому в антологии Астафьевой и Британишского найти нетрудно. Вот опять Стафф, еще довольно близкий к модернизму «Молодой Польши» в экзальтированной дикции межвоенного двадцатилетия (из сборника «Игольное ушко», 1927):

*Dziś, kiedy pada wszystko jak gór wstrząśniętych grzbiety,
Niech będzie pochwalony, uczczony śpiew poety.*

*Od dawna zwiastowano, że bardziej niżli chleba
Poezji trzeba w czasach, gdy wcale jej nie trzeba.*

*O, smutne wy wesolki, wesole wy smutniki!
Czyż nie widzicie wszędy, że smęt panuje dziki?*

*...O, wy nie wiecie chyba, że nawet i kamienie
Są przeto nieszczęśliwe, że dolą ich milczenie?...*

Русское стихотворение, возникшее на канве польского текста, перерастает его выразительностью и, подчеркнем, современностью, но в то же время точностью слов и парадокса. Стафф всегда был поэтом раздвоенным, в лирике склонным то к банальной риторике, то к эпиграмматическому парадоксу — достигаемой цели его замечательных поздних стихов. В стихотворении, помещенном в антологии, он писал: «Согласую в себе этот мир несогласный. / Ты для этого лиру

мне дал, Аполлон». Британишский в своем переводе того Стаффа, который похуже, превращает в того, что получше, чтобы в русском восприятии он ассоциировался не с риторической болтовней Бальмонта, а с интеллектуальной эпиграмматикой А.Э.Хоусмена, лучше известного в России, чем в Польше:

*Как дрогнувшие горы, трещат устои света —
Но именно сегодня восславим песнь поэта.*

*Недаром о поэтах известно с давних лет:
Тогда нужны поэты, когда нужды в них нет.*

*Певцы веселой грусти и грустного веселья!
Не видите вы, что ли, земля — как подземелье!*

*Не знаете вы разве, что камни под ногами
И те клянут свой жребий — молчать, молчать веками?*

Русский перевод может превосходить оригинал не только интеллектуальным парадоксом, но и лирической точностью. Еще тридцать лет назад на это обращал внимание рецензент переводов Астафьевой из современной польской поэтессы, лирической по преимуществу:

*Halina Poświatowska to jest podobno człowiek
i podobno ma umrzeć jak wielu przed nią ludzi
Halina Poświatowska właśnie teraz się trudzi
nad własnym umieraniem*

*...potem gaśnie za sobą wlokąc warkocz różowy
ciemniejący na wietrze nocy groźnej i chłodnej
Halina Poświatowska — to trochę garderoby
i te ręce — i usta co nie są już głodne*

Это широко известное стихотворение по-русски — в противопоставлении низкого и высокого стилей, а не в среднем стиле, который звучит в польском оригинале, — обретает иной аспект: аспект индивидуального существования, смертью отворенного к эсхатологической перспективе космоса и истории рода человеческого. Переводчица наносит пунктиром все пронзительные детали, в оригинале недоуточненные, не нагруженные поэтической семантикой:

*Галина Посвятовская — судя по всему человек
и судя по всему должна умереть как люди умершие ранее
Галина Посвятовская как раз и трудится в данный момент
над собственным умиранием.*

*...и гаснет — лишь слабый розовый след продолжает стлаться
теряясь потом на ветру в ночи морозной и вьюжной
Галина Посвятовская — это несколько стареньких платьев
это руки — и губы которым уже ничего не нужно*

Риторичность польского среднего стиля поражает, когда сопоставляешь оригинал с переводом, оперирующим высоким стилем, — как в переводах Британишского из Пшибося, где библейские отголоски появляются в виде инстинктивного соответствия «креационизму» польского поэта, убежденного атеиста (в его подборку, к сожалению, не вошел знаменитый цикл стихов, где в динамике сотворения реконструируются французские готические соборы). С тем же самым феноменом мы встречаемся и во «Внутренних крыльях» Павликовской-Ясножевской, которые в переводе Астафьевой воистину распростерлись для полета:

*Ты сквозишь изнутри временами
То в глазах, как лазурное пламя,
То в летящих волос позолоте.*

*О стрекозка, душа, о Психея,
Чьи прозрачные крылья в себе я
Ощущаю, тоскуя о взлете.*

*Слышу я, как, летунья шальная,
В теле гусеницы изнывая,
Бьешься в стены груди моей узкой.*

*Ищешь выхода, вылететь силась
Из меня, что за лист зацепилась
В жированье, в заботе капустной...*

За исключением последнего стиха, где оригинал выигрывает своей идиоматичностью, русский перевод — это окрыленный высоким стилем, идеальный лирический вариант натужно и без надлежащей словесной точности стилизованной польской прозы:

*Często patrzysz mi z oczu, promienna,
Do modrego podobna płomienia,
I wskrós włosów przeświecasz mi złotem,*

*Ważko moja wewnętrzna, o Psyche,
Której skrzydła poskładane, ciche
Czuję w sobie i tęsknię za lotem.*

*Nieraz słyszę, prężna latawico,
Jak mnie gnuśną zowiesz gąsienicą
W piersi mojej uderzając ściany,*

*Gdy, przedwczesna i zła, szukasz wyjścia
Ze mnie, mocno przywartej do liścia,
W centrum żeru i trosk kapuścianych...*

Можно было бы сказать, что это далеко не лучшее стихотворение Павликовской, одного из величайших польских поэтов XX века, и что этот феномен повторяется не во всех переводах, однако здесь обнаруживается механизм даже не столько перевода, сколько приспособления поль-

ской поэзии к русской традиции. Механизм, усиленный отголоском этой традиции — в данном случае «Поэмы без героя» Ахматовой (а за ним — и отголосками Цветаевой и Кузмина):

*Ты ли, путаница-Психея,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной...
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще...*

Эти отголоски традиции звучат в переводах, вероятно, бессознательно, неумышленно. Не думаю, что Британишский намеренно дописывал недостающее звено «Зимних сонетов» Вячеслава Иванова переводом из Стаффа («Когда кругом декабрьский ветер ярится...»), а у Астафьевой барочный отзвук того же русского символиста отозвался в другом сонете Стаффа:

*О, пиршество природы! О, закат!
О, меланхолия лесной поляны,
Где, прощуришав листвою златотканой,
Прошел Дианы златокудрый брат.*

В переводе Астафьевой лирическое стихотворение Стаффа «На горизонте брезжит...» говорит голосом поздних стихов Пастернака, а в другом его стихотворении в любопытном контексте появляется парафраз пушкинских «Стансов»:

*Взглядом спокойным гляжу я вперед без боязни,
Мир, не сдаюсь я, хоть знаю: сразишь меня ты,
Знаю, что в битве паду, потому что сражаюсь
Слабым оружием: сознанием своей правоты.*

Даже Озга-Михальский способен прозвучать в этом русском переводе как... — ну, скажем, Ксения Некрасова. Однако чем ближе к современности, тем реже слышен отголосок, чаще же — оригинальный тон, даже прямо необычный для русского уха. Свободолюбивая речь — это, конечно, не экзотика, она ассоциируется с еще не до конца забытым положительным русским стереотипом поляков. В антологии она звучит весьма ощутимо — от начала независимости до «новой волны» и позднейших поэтов. Когда-то я был очевидцем того, какое впечатление производят на русских стихи молодого Криницкого («Фашисты меняют рубашки») и Баранчака («Заполнить разборчивым почерком») в переводах Британишского. Однако то, что может составлять новшество, сосредоточено в двух сферах интимности — лирического интеллекта и любовной лирики. Расстановка акцентов в этом отношении тоже может удивить поляков.

«Лирический интеллект» (а не резонерство!) — это не только Ивашкевич, Милош, Херберт (Милоша и Херберта в России невозможно себе представить без переводов Британишского, как нет Свиричинской и Посвятовской без переводов Астафьевой). Это еще, например, Яхимович и Литвинюк, в русском переводе обретающий интригующее выражение. И выбор стихов, и дикция перевода неораторских стихотворений, предназначенных для тихого чтения, навязывает лирике интеллектуальную дисциплину: этот польско-русский пробный камень позволяет совершать от-

крытия. Недоумение русских читателей может возбудить интеллектуальный подход к проблематике стихотворений из цикла «Господин Когито» Херберта, у Вата («Что говорит ночь? Ничего...» — о тюремной ночи на Лубянке), Ружевица (замечательная «Борьба с ангелом»; к сожалению, из-за нехватки места Британишский не включил в антологию поэму «Et in Arcadia ego» и вообще ни одной из поэм Ружевица, целиком неподцензурных в СССР); интеллектуализм — о ужас! — женской поэзии: Хартвиг, Шимборской, Уршули Кóзел (прекрасная «Глосса: из поездки»). Любопытно, однако, что жрец и шут* в этой лирике интеллекта склонны меняться местами. Вирпша иногда звучит, словно Холин, недавно скончавшийся поэт некогда «неофициального» течения, гротескной оппозиции поэтическому истеблишменту в России, как советскому, так и либеральному. В свою очередь политический бунт Ворошильского и «новой волны» в русском переводе интеллектуализируется: от иронического шутовства он смещается к жреческой медитации. Потому-то в иерархии поколения «новой волны» такой высокий ранг получают уже не только Криницкий, но поэтессы: Боцян, Юзефацкая, Липская. (Кстати, две первые — открытие и для меня.)

Любовной и эротической лирике антологисты предоставили меньше места, что тоже объясняется приглушением экспрессии (к примеру, Воячек здесь уже не певец секса). Но и тут конфронтация с русским переводом бывает нелегкой для польского текста, который вдруг обретает вес, очистившись от манерности и тривиальности. «Рассвет» Пшибося в своей концептуальной натужности сегодня побрякивает претенциозностью «Молодой Польши»:

Pulsuje źródło twojej głowy – szczęśliwej.

*Z linii piersi splywam do gęstwiny tulących się linii,
do łona,
które miękki puch, jak wieczór wśród oazy, ściemnia
i rozwarte biodra – biodrom pragnącym wyściela
na opuszony sen ud.*

*Płynnymi dłońmi rozsnuwam twoją nagość
na moim obnażonym ciele.*

*I nim
świt
odstłoni twe nogi —*

*Od kolan ciało jak delta odpływa
do stóp uwieńczonych Ziemią.*

Перевод Британишского могущественной силой языка и первобытного восторга превращается в «Песнь песней»:

*Пulsирующей родник твоей головы — счастливой.
От линии груди — к долине друг к другу льнущих линий,
к лону,
где мягкий пух, как в оазисе вечер, густеет
и раскрытые бедра — бедрам жаждающим стелет
для пушистого сна.*

* «Жрец и шут» — заглавие эссе Лешека Колаковского, хорошо известного в Польше. — Пер.

*Ладонями, полными твоей наготою,
я умащаю обнаженное тело мое.*

*И чуть рассвет,
зарозовеет,
откроет твои ноги —*

*Тело отплывает от коленей
к ступням, увенчанным Землей.*

А теперь из младших в антологии поэтов.

Уршуля М. Бенка:

*Когда мы глядим друг на друга в любовном объятье,
болезнь нашу видит
Бог грязи наших тел. — Болезнью, тлением
струится из Его зрачков горячка крови,
а в вышине шумит свергнутый лес,
вихрь хлещет ночь,
ночь, отраженную в трясине —
Хоть ночь приходит как вульгарная любовь...*

Мартин Светлицкий:

*Я просыпаюсь, держа свою руку
на гениталиях, без всякой грешной цели,
спокойно и невинно, прислушиваясь к воображаемому дождю, в котором
я различаю голос журчащий,
приносящий мое имя,
заглушаемый джунглями, через мгновение снова
отчетливый, настырный — и потому я верю,
что уже я проснулся, а если не сплю я,
то, что я слышу, сбудется сегодня...*

Яцек Подсядло:

*Я хотел бы, чтобы она вернулась. Я ей сказал бы:
«Я не обижал никакие народы. Не призывал к войне.
Не строил тюремные здания, не притеснял слабых.
Не стрелял в зверей и в людей, не пренебрегал Любовью.
(...)
Что я сделал такого, что ты ушла?»*

Какие же это прекрасные русские любовные стихи! Здесь из польской поэзии исходит уже не чаяние свободы, а культура чувств и их изъяснения в сфере, в которой у русских накопилось больше запретов. При этом польский текст обретает русский поэтический ореол, который его неумовимо облагораживает.

Давление польского духа и польского языка иногда, впрочем, искажает русский текст, и в такой обширной антологии нетрудно найти примеры лексических или стилистических промахов. «Sarenka horacjańska» — это не «Горациева серна», а скорее «косуля»; а сопоставление «мстящего [в оригинале «мстительного». — *Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика*] меча» с купеческими «процентами» вызывает улыбку стилистической какофонией: «Когда бы мстящий меч, меч ненависти ржавый, / Добычи жаждущий, процентов и цены...» (зато другие строфы того же сонета Стаффа звучат лучше, чем в оригинале).

Случается и сглаживание игры слов, хотя как раз в игре слов переводчики часто превосходят оригинал. Останемся при Стаффе: «I ze zmierzchem na ziemię kładzie się zwątpienie» [«И с сумерками на землю ложится сомнение»] — это парадокс, которого не передает сухое сообщение: «Час наступает смутный сумерек и сомнений». То же и в следующих стихах этого стихотворения: «Woły kroczą sierpliwie, ciężkie jak ich praca» [«Шагают волы терпеливые, тяжкие, как их труд»] — «Тяжко волы ступают после трудов тяжелых»; «Tylko drzewa, choć zachód od dołu je skłaca...» [«Только деревья, хотя закат снизу их укорачивает...»] — «Только еще деревья в темных вечерних долах...»

Жаль мне и в весьма точном переводе «Ветряка» Лесьмяна типичной для этого поэта каламбурной фразы: «Z kim tak trafnie rozmawiasz na migi i śmigi?» [«С кем так ловко разговариваешь жестами и крыльями?»] — причем слово śmigi только и означает крылья ветряной мельницы] (Представьте себе эту глухонемую мельницу, разговаривающую «na migi» — жестами машущих над горизонтом крыльев!) Нет той прелести в русском тексте: «С кем так ярко говоришь каждым взмахом, жестом?»

В «Гималаях» Шимборской тщательную буквальность приобрела польская идиома — аналог «яблочка» из русских частушек: «Jest czerwone jabłuszko przekrojone na krzyż» [«Есть красное яблочко, разрезанное крест-накрест»] — «И яблоко румяньенкое есть разрезанное на четвертинки». Объяснение в комментарии, что пан Твардовский — это «персонаж польских легенд», отнюдь не объясняет его места на луне, куда оно «пана» зашвырнул дьявол: «Tu — ni księżyc, ni ziemia (...) o Yeti Półtwardowski» [«Здесь не луна и не земля (...) о Йети полу-Твардовский»].

«Особа» в переводе из Шимборской — это, разумеется, звуковая калька, полонизм, на котором воздвигнута поэтическая конструкция, дающая ему право на существование в стихе. Парадоксальным образом этот вторично мотивированный варваризм порожден стремлением к переводческой точности. Навязанное себе требование быть как можно более верными оригиналу иногда прямо подталкивает к употреблению полонизмов. Они появляются, когда переводчики начинают мыслить по-польски, перестраивая слух на язык оригинала. Может быть, самый яркий пример — это «Элегия еврейских местечек» Антония Слонимского (двоюродного брата русского прозаика Михаила Слонимского) в переводе Британишского. Полонизмы переводчика в русском восприятии здесь, должно быть, приобретают характер украинизмов, что с учетом традиции означает простонародность, весьма рискованную в еврейском «местечковом» контексте. «Krewni moi żydowscy, poetyczni chłopczy, co nie odnajdą dwu złotych księżyców Chagalla» — это все-таки не «гордость еврейской родни, поэтические хлопцы», как в переводе, а просто «поэтические (поэтические) мальчики, моя еврейская родня». А в стихе: «Кровь по евреям замыли и след их чумазый» — последний эпитет явно из лексикона «сержантского состава». Этот перевод, как то исключительно не удавшийся, нуждается в коренной переработке, но это, пожалуй, единственный такого рода пример в антологии.

Знаменательно, что напряжение между классической нейтральностью стиля Слонимского и жанровыми элементами перевода (даже на уровне версификации: переводчик заменяет польский 13-сложник, аналог александрийского стиха, пятистопным дактилем с трохеической клаузулой — это интонационный намек на польскую систему метрических нажимов) совершенно исчезает в других переводах Британишского из того же поэта. Там, где силу стихотворению дает пара-

докс сентенции, экспрессия антитезы, верный перевод Британишского звучит сильным голосом современного, очень современного русского поэта:

*В твоей отчизне привыкли спину
Гнуть перед властью,
На побежденных — с презрением кинуть
Взгляд перед казнью.*

*В твоей отчизне Бог к иноверцам
Жестче и тверже.
Моя — объяла весь мир всем сердцем,
Крест распростерши.*

*В твоей отчизне знатных портреты,
Чиновных ранги.
В моей отчизне слова поэта
В сердечной рамке.*

«W mojej ojczyźnie słowa poety organiczne w serce» — такова эта прекрасная отчизна поэтов-переводчиков — русская речь. На протяжении скольких и сколь трудных десятилетий она оставалась нам верна. В черной дыре брежневских лет и целого десятилетия 80-х, когда польская литература была почти запретной, польская поэзия была обязана своим достойным местом в памяти русских читателей упрямому, самоотверженному, неутомимому труду Астафьевой и Британишского, Эппеля, Гелескула, их коллег и друзей. И мы помним об этом, читая на чужом языке хорошо известные всем полякам стихи — песню Яна Петшака, которая некогда была чем-то вроде неофициального гимна «Солидарности»:

*Чтобы Польша, чтобы Польша,
Чтобы Польша была Польшей...*

Авторизованный перевод Натальи Горбаневской

Адам Поморский — переводчик, эссеист, знаток мировой литературы. По специальности социолог. Автор философского исследования о русской литературе XX века „Духовный пролетарий“. Переводчик Есенина, Мандельштама, Ахматовой, Рильке, Гете, Тракля и многих других. Является секретарем польского ПЕН-Клуба.

ВОЗВЕСТИТЬ В КОЛОКОЛА О НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

С Ежи Фельчинским, наследником династии литейных дел мастеров, исчисляющих начало своей деятельности с 1808 года, литейщиком в пятом поколении, а также известным драматическим актером, многолетним посланником польской культуры в Австралии, беседует Ольга Дешко.

Колокол наделяют языком в литейной мастерской, а душой — в церкви во время церемонии освящения. Чтобы он мог, повиснув между небом и землей, благовестить во славу Божию. Колокол рождается месяцами, а служит людям веками.

Звон колоколов стал частью польского исторического и религиозного пейзажа. Самый большой и самый известный в Польше колокол — «Зигмунт», отлитый немецким мастером Гансом Бехамом в Нюрнберге. Его благовест разнесся на всю округу в 1520 году. Как гласит предание, первый польский колокол появился уже в 1004 году. Но в документах впервые была сделана запись об отливке первого польского колокола в старейшей литейной мастерской в Калуше, созданной в 1808 г. родоначальником династии Фельчинских — Михалом Фельчинским

— В ночь с 12 на 13 ноября 1999 г. появился на свет новый колокол. Это событие вызвало у вас особую радость, потому что он был отлит в связи с необычным событием...

— Сбылась моя давнишняя мечта — отлить колокол к встрече нового тысячелетия христианства. Я был первым, кто узнал о рождении нового колокола. Долгий процесс отливки колокола мы называем родами. В ночь на 13 ноября мне позвонил мой племянник Збигнев Фельчинский, замечательный польский литейщик, и со-

общил о рождении колокола. Конечно же, я сердечно поздравил его с этим событием и был первым, кому довелось услышать «голос» нового колокола. Несмотря на то, что его звон я слушал по сотовому телефону, я совершенно уверен, что появился на свет колокол с неповторимой красотой звучания. Это очень большой колокол — весом 2500 кг, диаметром почти в пять метров. Мы посвятили его новому тысячелетию христианства. Наружная часть поверхности украшена барельефом с изображением Папы Иоанна Павла II и надписью «Благословляю весь на-

род, его прошлые и будущие поколения», с внутренней стороны выполнено изображение прима-са католической Церкви в Польше Юзефа Глемпа. А 25 декабря 1999 г., в день Рождества Христова, в варшавском кафедральном соборе состоялась торжественная церемония освящения колокола третьего тысячелетия.

— *Сколько времени требуется, чтобы отлить такой большой колокол? Расскажите, пожалуйста, о процессе отливки.*

— Весь процесс длится не менее шести месяцев и требует кропотливого труда. Отливка колокола напоминает средневековые мистерии: литейщики двигаются на кончиках пальцев, как во время ритуального танца. Досыпая плавень в печь, они передвигаются строго по кругу, чтобы случайно не задеть друг друга. Ночную порой, строго следуя традиции, Збигнев заполняет расплавленной бронзой форму будущего колокола. Город в это время засыпает, смолкает гул, и тогда чувствительное ухо мастера может уловить чистоту звука рождающегося колокола. И

точно так же, как когда-то поступал его отец, Збигнев прикрывает новорожденный колокол своей курткой, защищая его от пыли и сора, хотя для этих целей загодя заготовил специальную пленку.

Процесс выплавки колокола не изменился с древних времен. Пылает гигантская печь, температура в ней достигает 1200 градусов. Самый важный момент — заполнение формы расплавленным металлом. В нее вливают медь и олово, которые после плавки превратятся в звонкую бронзу. Целые сутки, а то и больше неокрепший колокол «вызревает» в земле, вырабатывая необходимую структуру металла. Добытый из земли, покрытый глиняной скорлупой, он еще долго будет излучать тепло. А когда наконец остынет, то превратится в писаного красавца, чарующего всех своим малиновым звоном.

— *Колокол — все равно что своего рода музыкальный инструмент. Для вас, литейщика,*

носителя 190-летней традиции рода Фельчинских, благовест колоколов — самая совершенная гармония. Как же удастся добиться «малинового звона» колоколов?

— В технологии выплавки колоколов мало что изменилось. Чтобы получить «серебристый» тембр звучания, к меди и олову необходимо добавить серебро. Я очень люблю минорную настройку комплекта колоколов, поющих в трех- или четырехголосной гармонии. Они могут спеть нам мелодии духовных гимнов: ликующего «Аллилуйя», победного «Глория» и благодарственного «Te Deum».

— *В своих многочисленных интервью вы образно повествуете о том, как сам Наполеон слышал благовест колоколов Фельчинских. Вы и ваш племянник Збигнев — прямые наследниками знатного рода литейщиков Фельчинских. У вас бережно хранятся семейные реликвии. Как зародилась эта традиция?*

— Мой прапрадед Михал родился в 1788 г., т.е. на 10 лет раньше Адама Мицкевича. Когда Наполеон шел воевать с Россией, наши колокола уже звонили на территории Варшавского великого княжества. Михал Фельчинский, родоначальник нашей династии, будучи 20-летним юношей, поддавшись очарованию колокольного благозвучия и поехал постигать секреты литейного мастерства в Тюрингию. А затем в маленьком городке Калуше он открыл свой завод и взялся сам отливать колокола. Это был первый и единственный на территории Польши колокольный завод. Сейчас Калуш находится на территории Украины. После смерти Михала его дело продолжил сын Михал-младший.

А затем уже его сын Франтишек передал в наследство фабрику своим четверым сыновьям: Яну, Михалу, Казтану и Людвигу. В 1920 г. Людвик открыл филиал завода в Перемышле. В межвоенное двадцатилетие наш завод отлил 8 тыс. колоколов. Заказы ежегодно росли, а семейное предприятие процветало. Я явственно помню, как мой отец повез меня, подростка, на большом

«форде» в литейный цех, где тогда отливали огромный колокол, намного больший, чем легендарный «Зигмунт». В 1939 г. в нашей мастерской родились четыре колокола, украшенные барельефами по эскизам знаменитого польского скульптора Ксаверия Дуниковского, изображающими важнейшие события польской истории. Вывезенные на Всемирную выставку в Нью-Йорк, они так никогда и не вернулись в Польшу. Наше преуспевающее предприятие внезапно остановилось в сентябре 1939 г., потому что началась война...

В наш литейный цех ворвались красноармейцы. Они отняли у нас 15 тонн уже отлитых колоколов — сегодня их стоимость составила бы около 150 тыс. долларов. Как вы понимаете, нам тогда никто не заплатил, но «в вознаграждение» нам уготовали ссылку в Сибирь. Когда НКВД ломилось в нашу дверь, мы, предупрежденные соседом, бежали в Перемышль. Чтобы попасть на территорию Генеральной губернии, нужно было выстоять в двухкилометровой живой очереди.

Моя мама решилась подкупить пограничника, и за несколько золотых 20-долларовых монет нам удалось перейти на другую сторону. После окончания войны коммунистическое правительство Польши закрыло наш филиал в Перемышле, где тогда работали мой отец и брат.

Но мы возродились в Силезии, в Татишове. Я продал свой автомобиль, и мы купили старый сарай, переоборудовали его в литейную мастерскую, где и работаем до сегодняшнего дня. Конечно, нам не вернуть прежнего уровня и размаха, какой был в Калуше в 1939 году.

— *Что же заставило вас возродить семейную традицию в столь неблагоприятное время?*

— Литейное дело у меня в крови. Мой отец старался привить мне любовь не только к колоколам и литейному мастерству, но

прежде всего к польской культуре. Отец в свободное время охотно музицировал, хорошо играл на скрипке, прекрасно пел не только польские песни, но и романсы Александра Вертинского. Мои братья и я тоже играли на музыкальных инструментах и обучались пению. Музыка была тогда частью образования молодых людей. Жили мы в полном достатке, в огромной вилле в полторы тысячи квадратных метров, да к тому же еще владели доходными домами. Конечно, это было состояние, накопленное трудом четырех поколений. Увы, война унесла все безвозвратно. Но только не мастерство Фельчинских! Сегодня мастерской в Татишове руководит мой племянник Збигнев.

Он, несомненно, один из самых выдающихся мастеров литейного дела в Польше и даже в Европе. Татишовские колокола — это настоящие произведения искусства, которые творят руки большого мастера. Богда Фельчинская, жена Збигнева, выпускница Академии изобразительных искусств, покрывает колокола барельефами, орнаментом и полихромией. Прекрасная традиция династии Фельчинских продолжает жить!

— *А как выглядит текущая продукция вашего предприятия?*

— В Татишове мы отливаем одиночные колокола, такие, как этот юбилейный, а также комплекты, настроенные на мажорные и минорные лады, звучащие квартами, квинтами или же терциями. У нас можно также заказать корабельные колокола, литургические гонги. Мы можем отлить оригинальный колокол или же сделать авторскую копию старинного. В сверхсовременные колокола мы монтируем электронные приводы.

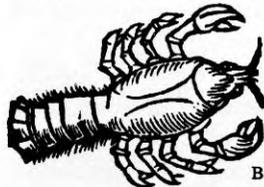
В 1999 г., в канун третьего тысячелетия христианства, треть наших колоколов мы посвятили папе Иоанну Павлу II. Но наши заказчики не всегда связаны с Церковью. Среди них были, например, потомки знаменитых польских шляхетских родов Баториев, Мостицких, живущие в эмиграции.

— *По ком звонят колокола Фельчинских?*

— В наши колокола благовестят не только в Польше, но и за границей. Самые старинные находятся в церквях Варшавы — св. Креста, где покоится сердце Шопена, и св. Анны. Звонят они в Америке, Австралии и Африке. В Татишове мы отлили самый тяжелый польский колокол, весом в 9,5 тонн. Заказчик увез его в Америку. Мы также передали наш колокол в киевскую католическую церковь св. Александра. Сейчас готовимся выполнить заказ для Москвы. Я хочу отметить, что изделия фирмы «Колокола Фельчинских» были награждены медалями на международных выставках в Париже, Брюсселе, а в 1939 г. на Всемирной выставке в Нью-Йорке получили золотую медаль. Это были настоящие шедевры, соединяющие красоту формы с благозвучием.

— *Вы генеральный представитель фирмы «Колокола Фельчинских» в Варшаве, но еще и известный драматический актер. Скоро вы отпразднуете свой юбилей — полвека творческой работы на сцене...*

— В 1952 г. я получил диплом варшавской Театральной академии из рук самого Александра Зельверовича — знаменитого польского актера и педагога. Выступал на подмостках драматических театров Варшавы и Люблина. Но в 70-е годы я выдержал экзамен на звание подмастерья литейщика. Как когда-то скромно говорил о себе Константин Ильдефонс Галчинский: «Я подмастерье у Яна Кохановского», — так и я могу сказать, что я подмастерье у моего племянника Збигнева Фельчинского.

— *Вот уже 15 лет вы представляете польскую культуру в Австралии. Почему именно там?*

— Это произошло случайно. Мы собрались с семьей погостить там у наших родственников. В 1981 г. не так-то просто было выехать, да и дорога дальняя и очень дорогая. Поэтому предполагали задержаться там подольше, несколько месяцев. Мы вылетели туда в июле и планировали к Рождеству вернуться в Варшаву. Но история распорядилась иначе: 13 декабря было объявлено военное положение, после чего мы десять лет не приезжали на родину. На чужбине пришлось начинать все сначала. Ведь я актер и поэтому решил там, в Австралии, заняться артистической деятельностью. Я поставил спектакль «Свадьба» Станислава Выспянского, где сыграл главную роль. Затем в Аделаиде создал свой собственный «Театр одного актера» и объехал со спектаклями всю Австралию. Гастролировал также в США, в Новой Зеландии, многократно выступал в Европе, участвовал в различных театральных фестивалях. Когда возвращение на родину стало возможным, то я стал все чаще приезжать в Варшаву и Татишов. Я никогда не хотел считать себя эмигрантом.

— *Какие планы у замечательной фирмы «Колокола Фельчинских» и у актера Ежи Фельчинского?*

— Я мечтаю дожить до 2008 г., чтобы организовать грандиозный юбилей по случаю 200-летия старейшей в Польше династии литейных дел мастеров Фельчинских.

На иллюстрациях декоративные элементы литейных форм XVIII в.

Кшиштоф Бурнетко

«ГАЗЕТА ПОЛЬСКА»,
ИЛИ ОСТРОЕ ПЕРО РЕДАКТОРА ВЕЖБИЦКОГО

GAZETA POLSKA

В 1979 г. в самиздатском журнале «Запис» появился памфлет, описывающий стереотипы поведения представителей интеллигентских кругов в социалистической Польше. В «Трактате о гнидах» (ибо такое вызывающее заглавие носил этот текст) приводились примеры оппортунизма интеллигенции, считавшейся в то время столпом патриотических ценностей и ведущей силой борьбы против режима. Более того: по мнению автора, причина оппортунизма коренилась в боязни потерять посты и привилегии, которую оппортунисты скрывали за декларациями о необходимости идти на компромисс с властями во имя сохранения национальной культуры и т.п. При этом автор откровенно признавался: «Я вывел эту теорию из моей собственной карьеры гниды».

«Трактат» вызвал бурю в кругах оппозиции. С ним, в частности, вступил в полемику Адам Михник, который, высоко оценивая его разоблачительную силу, предостерегал от того, чтобы разжигать презрение к людям, которые не находят в себе сил на открытый протест против коммунизма. Он указывал также на опасность подхода «ангелов оппозиции», требующих «героизма не только от себя, но и от других», полностью отвергающих тактику компромиссов и воспринимающих окружающий мир «с манихейской простотой».

Автором «Трактата» был Петр Вежбицкий, в то время 44-летний филолог и публицист, регулярно печатавшийся в неподцензурной печати и в легальном, но

критически относившемся к властям католическом «Ты-годнике Повшехном». Хотя с оппозиционным движением Вежбицкий был связан еще с 1968 г., впервые открыто выступив как участник протеста против вторжения в Чехословакию, он всегда стремился сохранить независимость. Именно поэтому он, в частности, не вступил в 1980 г. в «Солидарность», объясняя это тем, что самое главное для него как журналиста — это возможность свободно выражать свои взгляды.

В 1985 г. Вежбицкий стал центром новой дискуссии. В подпольном издательстве «Глос» он опубликовал книгу «Мысли старомодного поляка», где утверждал, что в результате террора, который вели коммунисты против правых кругов, польское оппозиционное движение монополизировали левые. Следствием организационного и интеллектуального превосходства левых стало забвение лозунгов национального возрождения и независимости, а также отсутствие идейной дискуссии в оппозиционной среде. Вежбицкий критиковал также сторонников левого крыла в руководстве «Солидарности»: по его мнению, поражение этого массового движения было результатом отсутствия реалистического подхода и преувеличенной приверженности к демократической процедуре принятия решений, что помешало Леху Валенсе (по мнению автора «Мыслей», одаренному выдающимся политическим чутьем, можно сказать, «политику милостью Божьей») успешно вести политическую игру с коммунистами. Вежбицкий также вновь обратился с упреками к интеллигенции — на этот раз говоря, что, вместо того чтобы анализировать происходящее, она ограничи-

вается тем, что размахивает национальной символикой и празднует патриотические годовщины, тогда как центральная задача в Польше — преобразовать государственную экономику в частнособственническую. А значит, интеллигенция должна переубеждать зараженное социалистическими утопиями общество, популяризируя и пропагандируя преимущества капитализма и свободного рынка.

Петр Вежбицкий

После июньского перелома 1989 г. Вежбицкий оказался в редакции «Тыгодника Солидарность» — органа вновь легализованного профсоюза. И очень скоро напечатал там очередную «бомбу»: в статье «Семья, свита, двор» он представил лагерь «Солидарности» в виде трех конфликтующих фракций: «семья», то есть подчиненный прежним оппозиционным левым кругам парламентский «Гражданский клуб», «свита» — группа, сосредоточенная вокруг правительства Тадеуша Мазовецкого, и «двор», связанный с Лехом Валенсой и руководством профсоюза. Этот раскол внутри «Солидарности» Вежбицкий оценил как полезный для развития политической жизни в Польше. Однако в самом тексте, написанном в духе разоблачения политических тайн, скрываемых от общественного мнения, автор в то же время подверг резкой критике «семью» (вплоть до упрека в конъюнктурности) и «свите» (первое некоммунистическое правительство Вежбицкий критиковал также в многочисленных газетных статьях и комментариях: главным его упреком было то, что эта группа не разорвала компромиссного соглашения с коммунистами, достигнутого в результате «круглого стола»). В качестве положительных героев представляли только Лех Валенса (по мнению Вежбицкого, идеальный кандидат на пост президента) и его окружение. Этот памфлет знаменовал собой начало «войны в верхах», то есть конфликта Валенсы и Мазовецкого и окончательного раскола движения «Солидарность».

Однако после того, как Валенса был избран президентом, Вежбицкий сменил фронт и начал резко критиковать своего недавнего политического гуру за слишком медленную ликвидацию остатков коммунистического режима. Его трибуной стала газета «Новый свят» (в течение короткого времени Вежбицкий был ее главным редактором).

Наконец в марте 1993 г. Вежбицкий основал «Газету Польскую». Выходившая вначале раз в месяц, «Газета» быстро превратилась в еженедельник. Однако редколлегия метила выше: целью было создать ежедневную газету, форум правых сил в Польше. Издатель обратился к читателям с предложением приобрести акции «Газеты». Это было время резких нападок правых на правительство Ханны Сухоцкой и президента Валенсу, а также споров вокруг закона о люстрации (и, следовательно, обнародования архивов бывшей коммунистической госбезопасности с целью разоблачить ее бывших агентов среди политических деятелей). Здесь «Газета» с самого начала заняла четкую позицию: в июне под заголовком «Список сексотов» она опубликовала на первой странице «список Мацеревича», т. е. фамилии 66 политиков, которых бывший министр внутренних дел обвинил в сотрудничестве со спецслужбами ПНР. Хотя копии этого списка ходили по стране уже больше года, до того момента ни одна центральная газета так и не решилась его опубликовать — в связи как

с сомнениями в подлинности гебистских документов, так и с моральной двусмысленностью самих обвинений. Действительно, среди названных в списке оказались многие заслуженные деятели антикоммунистической оппозиции (например, многолетний узник сталинских времен и крупнейший авторитет в правых кругах, маршал Сейма Веслав Хшановский). Кроме того, «Газета» печатала статьи с аналогичными обвинениями, выдвинутыми и против других видных лиц (например, известного писателя Анджея Щипёрского, ветерана правой оппозиции депутата Сейма Стефана Несёловского и, наконец, самого Валенсы). Некоторые из них подали на Вежбицкого в суд, а прокуратура провела в помещении редакции обыск в связи с подозреваемым разглашением государственной тайны.

Редакция отвергла аргументы о возможности наличия фальшивок в гебистских архивах и о расплывчатости понятия «секретный сотрудник». Но при этом она все же признала, что некоторые из причисленных к сексотам «имеют огромные заслуги перед Польшей» и, быть может, уже давно порвали все связи со спецслужбами, но в то же время продолжала настаивать, что главное — это обнажить их прошлое перед народом. С этой позиции «Газета» не сошла и по сегодняшний день (хотя за это время Люстрационный суд признал сексотом одного из ближайших сотрудников Вежбицкого).

Одна из специальностей «Газеты» — это публикация различной важности следственных документов и выдержек из них, затрагивающих или раскрывающих различные темные дела с участием видных политических деятелей (в основном бывших коммунистов). Среди прочего она занималась встречами польских коммунистов (во главе с Лешком Миллером) с лицами из круга Янаева перед путчем 1991 г., «московским займом», полученным польскими коммунистами от КПСС через посредство КГБ, а также подозрениями о тесных связях лидеров «Союза демократических левых сил» (СЛДС) Юзефа Олексы и Александра Квасневского с агентом КГБ, а затем российских спецслужб в Польше Владимиром Алгановым. Журналисты «Газеты» описывали также случаи приватизации с участием лиц из прежней номенклатуры и рассказывали о еще не осужденных преступлениях режима.

«Газета» не чурается и злободневной публицистики. Более того: о событиях в стране она пишет резко, без недомолвок (но иногда без тонкостей), что в польской печати встречается все еще нечасто. Противников она называет по именам и критикует без обиняков. Впрочем, злые языки утверждают, что политические позиции «Газеты» настолько отчетливы, что просвечивают даже в рецензиях на фильмы. Это лишь часть правды: «Газета», а в особенности (что неудивительно) ее главный редактор уже неоднократно демонстрировали свою независимость суждений (лаконичные «Заметки на полях» Вежбицкого можно причислить к жемчужи-

нам публицистики). Они не колеблясь критикуют своих собственных политических сторонников (в частности, за терпимость по отношению к антисемитским и «экстремистским» тенденциям). Они не боятся также (что тоже редкость среди польских СМИ) иногда признать правоту противника — например, «Газеты Выборчей» Адама Михника — и умеют признавать собственные ошибки. Сам Вежицкий недавно расценил свой прежний подход к польско-еврейским отношениям как излишне эмоциональный и безответственный. Он перестал также выдвигать на первый план некоторых правых политиков, известных своими антисемитскими и антинаатовскими высказываниями, хотя и понимал, что это грозит ему потерей значительной группы читателей, разделяющих подобные воззрения, а также нападками крайне правых. И действительно, влиятельные консервативные СМИ, примыкающие к католическим кругам, немедленно нацепили ему ярлык... «сторонника социализма»!

Международный отдел «Газеты» уделяет особое внимание, во-первых, анализу геополитического положения Польши между Россией и НАТО и, во-вторых, внутренним делам стран бывшего «социалистического лагеря». Поэтому газета часто возвращается к тематике польской «восточной политики» и предоставляет трибуну виднейшим польским политикам и экспертам (например, постоянную колонку ведет бывший советник премьер-министра Ежи Бузека по иностранным делам). Сам Вежицкий не колеблясь расценил не только как глупость, но почти как государственную измену предложенный национал-католической газетой «Наш Дзеник» план союза Польши с Россией (по типу российско-белорусского), опирающийся на идею «великого славянского государства». В то же время Вежицкий убеждал своих читателей:

«Россия — это не только страна Ленина, Сталина и К°. Россия — это также страна великой литературы, прекрасной музыки и великолепной интеллигенции. Польша остро нуждается в мудрой, надолго рассчитанной, взвешенной политике по отношению к России, в политике, опирающейся не на эмоции и пустые жесты, а на продуманную шкалу польских приоритетов, в политике решительной в принципиальных вопросах, непоколебимой в стремлении придерживаться проатлантического курса, не оставляющей ни малейших сомнений относительно нашего участия в НАТО, пресекающей любые проявления агрессии российской разведки против нас, непреклонной в требованиях покарать всех еще живущих участников массового убийства в Катыни — но в то же время направленной на укрепление нормальных, добрососедских отношений между Польшей и Россией, которые со временем могли бы переродиться в дружеское сотрудничество. Такую польскую политику по отношению к России не смогут заменить заявления молодых людей, протестующих против войны в Чечне. Ее не сможет заменить безответственное

ребячество типа публичного растаптывания российского флага (единственным результатом чего может стать только растаптывание польского флага в России) или разоблачительные памфлеты о президенте России. Польша не изменит своего географического положения и не посадит в Кремле собственного кандидата в президенты. Польша должна жить рядом с той Россией, которая реально существует. Нет и никогда не будет в Польше прощения большевистским людоедам, с которыми в новейшей истории Европы смогли сравниться в деле уничтожения только гитлеровские изверги. (...) Но польскую политику по отношению к России не смогут также заменить ни книги Солженицына, ни сатирические поэмы Януша Шпотанского. Некоторые особенно горячие головы среди наших «борцов за независимость» просто перепутали эпоху. Они не нарадуются, что могут подергать за хвост русского медведя, словно бы не замечая, что сегодня это уже можно делать безнаказанно. Дергать за хвост нужно было тогда — во времена Ярузельского, Герека, Гомулки. А сегодня нужно держать медведя на должном расстоянии, без нужды не дразнить, немножко приручить, приучить к соблюдению правил игры».

Проблема, однако, в том, что рядом «Газета» печатает и такие премудрости: «Русский народ напоминает больного хулигана. (...) Погладь русского — он тебя ударит, ударь — погладит».

Нельзя не признать, что «Газета Польска» добилась двойного успеха. Во-первых, рыночного: ее тираж, достигающий 90 тыс. экземпляров, ставит ее на заметное место среди общественно-политических периодических изданий. Впрочем, здесь и у нее рыльце в пушку: хоть она критикует вчерашних коммунистов за то, что те нередко используют политику как инструмент бизнеса (и наоборот), но сама не сумела справиться с искушением использовать связи в правом правительстве, чтобы заполучить богатых рекламодателей. Второй успех — политический: «Газету» читают и обсуждают в самых разных кругах, в том числе и среди ее идейных противников. А когда в 1995 г. она поддержала предвыборную кампанию кандидата в президенты Яна Ольшевского, лидера одной из правых партий, тот, вопреки прогнозам скептиков, сумел получить вполне ощутимую долю голосов. И на предстоящих парламентских выборах у «Газеты» есть свой безусловный фаворит: партия «Право и справедливость», основанная недавним министром юстиции Лехом Качинским и его братом Ярославом, в свое время советником Леха Валенсы, а затем его заклятым врагом. В связи с общим упадком других периодических изданий правого направления газета Петра Вежицкого после весьма вероятной победы на выборах и прихода к власти бывших коммунистов может приобрести дополнительный вес в качестве серьезной трибуны оппозиции.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Одним из важнейших тезисов, выдвинутых в польской культуре после 1989 г., было утверждение Марии Янион о «закате романтической парадигмы», которая была движущей силой литературы на протяжении почти двух последних столетий. К этому тезису обращается Тереса Валяс в статье «Закат романтической парадигмы — а что дальше?», помещенной в краковском журнале «Декада литерацка» (2001, №506). Вот как описывает Валяс изменение дискурса о культуре:

«Среди вопросов, которые в течение последних десяти лет оказывались предметом широких дискуссий, сравнительно наименьшим успехом пользовалась национальная культура: ее нынешнее состояние, ее будущее, угрожающие ей опасности. Не без значения остается тот факт, что само понятие национальной культуры, когда оно применяется не к историческим явлениям, а к живой современности, принадлежит к тем, которые либерально-демократический дискурс (а именно он сегодня считается нормой корректности) помещает скорее в поле «речевой сдержанности», если употребить определение Брюса Аккермана, нежели в поле красноречия и пределы настольного словаря. Не потому, что это понятие затрагивает какие-то особенно трудно согласуемые нравственные проблемы, но по той очевидной причине, что оно может, хотя бы косвенно, активизировать в позитивном смысловом ореоле (ведь мы думаем о национальной культуре как о благе) другое понятие, а именно понятие национализма, входящее в негативные категории, несмотря на все попытки переформулировать его содержание в чисто описательном духе. Национальная культура как бы естественно напоминает также о таких ценностях, как национальная принадлежность, иерархия и центр, которые сегодня требуют нового узаконивания; она приводит в движение тревожный механизм отождествления и отбора, действие которого всегда заключает в себе угрозу недооценки и отвержения. Таким образом, страх притронуться к семантической взрывчатке и нежелание пользоваться языком, который ныне считается архаическим, держат участников дискуссий вдали от национальной культуры (я говорю здесь главным образом о публицистах и авторах идейных программ, ибо в дискурсе исследовательском, теоретическом и описательном, т.е. как правило хладнокровном, проблема нации, национальной культуры или национального характера возникает постоянно). Охотнее говорят о национальном самосознании, хотя и оно, вопреки впечатлению, которое создается от частоты употребления этого слова в публичном дискурсе, не стоит в центре дебатов, если сравнить эту проблематику с такими темами, как польская демократия, капитализм или либерализм».

Определив свою отправную точку, автор статьи продолжает:

«Это, разумеется, не значит, что мы воздерживаемся от рассуждений о современной польской культуре. Они идут несколькими пересекающимися путями, из которых один проложила Мария Янион, объявив вскоре после свободных выборов и обретения суверенности о закате романтической парадигмы. Эту широко распространенную точку зрения можно свести к тезису, с которым равно легко и соглашаться, и спорить: о том, что почти двести лет, т.е. от эпохи разделов до военного положения (с несколькими несущественными отклонениями) в Польше преобладал достаточно монолитный стиль культуры, который Мария Янион назвала «символически-романтическим стилем». (...) Выделенная и охарактеризованная Марией Янион романтико-символическая парадигма стала в сущности осью кристаллизации значительно более объемного целого, которое можно описать как нацио- или партицентрическую парадигму. Ее важнейший момент — добровольное подчинение индивидуума благу множества, называемого нацией или отечеством, то, что Ян Прокоп называет «допросвещенческим общинным складом ума». Такое расширение позволяет легче уловить феномен экспансии тиртейского варианта [от имени древнегреческого поэта Тиртея, символа гражданственности поэзии. — Пер.], ос-

нованного на поглощении и преобразовании чуждых элементов, таких, каким была, например, позитивистская идеология, вскоре создавшая собственный вариант тиртеизма, понятого как общественное служение и с особой интенсивностью нашедшего затем свое место в творчестве Жеромского».

Производя свой анализ, Валяс пишет, что диагноз Янион можно частично подвергнуть сомнению, обратившись к тезису Терезы Богуцкой, которая говорит, что «польское общество в своей массе носит сейчас простонародный характер и что этот характер накапливался на протяжении последнего полувека»:

«Этот тип культуры не участвовал активно в рождении романтической парадигмы, хотя частично, в виде мифологизированной «народности» был этой парадигмой присвоен. (...) В послевоенной Польше, называвшейся «Народной», конфликт между романтическим кодом, а скорее — живой памятью о нем, и слабо очерченной плебейской культурой не столько обнаружился, сколько был инсценирован коммунистической идеологией как классовый конфликт. В рамках этой идеологии ему, как известно, придавали вид столкновения между культурным архаизмом, выросшим из шляхетских традиций, выносящих историческую необходимость если не на свалку истории, то хотя бы в музей, и культурой будущего, творцом которого будет (и есть) освобожденный рабоче-крестьянский класс».

Этот соцреалистический проект так и не воплотился в жизнь — на его месте возникло «нечто удивительное, составленное (...) из народных и популярно-католических традиций и селективного патриотизма, согласованного с идеологией социалистического государства».

Различные стратегии подрыва романтической парадигмы на протяжении всего послевоенного периода — в том числе и в рамках независимой культуры — довели до такого положения, при котором «медиа-революция еще больше обострила границы между поколениями, свободный рынок усилил экспансию массовой культуры, а обретение политической суверенности заузило или изменило традиции воздействия литературы, что в целом привело к крушению системы взаимопонимания, основанного на общности ценностей».

Крушение взаимопонимания, потеря общего для разных поколений и социальных кругов языка, это «отсутствие центра», которое современность признала особой ценностью, — вот диагноз положения польской культуры на пороге обретенного суверенитета. Такое положение возникло независимо от того, какие парадигмы прежде формировали эту культуру: в любом случае все они были бы разрушены и обесценены. Можно ли заменить утраченную парадигму, и если можно, то чем? На этот вопрос автор стремится ответить во второй части статьи, характеризуя различные писательские стратегии — от попыток, несмотря ни на что, повторять образец, поставленный под сомнение, через стремление к его новому истолкованию и вплоть до решительного отказа от него. Все эти стратегии постоянно присущи культурной жизни. Однако Валяс считает, что независимо от того, какая стратегия принимается, в культуре следует дать ответ на неунитарные требования: «необходимость найти массовый тип безопасной духовности, голод по укорененности, желание отменить ироническую дистанцию с помощью учреждений и форм».

И все-таки, вопреки всему, это «освобождение» — как видно, не окончательное — от своеобразного террора романтической парадигмы несомненно оказалось для культуры и литературы плодотворным, доказательства чему дает хотя бы творчество самой Марии Янион, которая включает в пространство научной работы всё новые территории — польские фантазмы, зло или феминизм. Здесь, может быть, стоит напомнить — не пытаясь давать оценки — известное утверждение Октавио Паса, который, характеризуя студенческий культурный бунт, охвативший в 60-е годы весь мир, писал, что от этого бунта не останется и следа, но затем прибавил: «Исключение составляет феминизм. (...) Этому процессу предстоит гораздо более долгая жизнь, и, хотя его натиск в последние годы ослаб, мы имеем дело с явлением, предназначение которого — продолжаться и менять историю». Думаю, эта точка зрения недалека от убеждений Марии Янион, которая в последнем номере журнала Женского центра информации «Оська», издаваемого в Варшаве при поддержке Фонда Форда (2001, №4), в беседе с Казимерой Шукой производит попытку истолковать женскую старость. И не случайно: весь номер посвящен именно этой проблематике. Интервью с Марией Янион озаглавлено: «Я просто старая женщина». Профессор Янион подчеркивает:

«Место в культуре, приготовленное для старого мужчины, — это место мудреца, еще согласно древним представлениям. Зато место старой женщины — это ведьма (хотя ведьмами случалось называть и молодых

женщин). Мишле в своем знаменитом труде, относящемся еще к XIX веку, показал, что ведьмами чаще всего были старухи, уже исключенные из жизни, которые отправлялись куда-то в лесную чащу, чтобы там производить свои процедуры, прежде всего целительские. (...) Некоторые считают, что охота на ведьм была связана с развитием врачебной профессии: врачи должны были привести к гибели ведьм, которых они считали своими соперницами. На картинах старых мастеров ведьма обычно изображена беззубой, тощей, костлявой старухой с отвратительным, гноющим лицом. Необычайно знаменательна появляющаяся еще в римской поэзии традиция изображать старую женщину лишенной малейшего благородства. Она — вонючее чудище, а уж если у нее были какие-то эротические помыслы, то над ними жестоко издевались. (...) Меня когда-то поразил в стихах Горация образ старой женщины, терзаемой эротическими желаниями, которой он говорит примерно так: «Прочь, ты с вонючей дырой! Откуда твоя наглость?» Жорж Минуа, автор «Истории античности», обращает внимание на то, что изысканный, рафинированный эпикуреец Гораций был способен испытывать к старым женщинам лишь отталкивание, отвращение и презрение. «Женское тело — в молодости символ красоты — к старости становится символом наивысшего уродства, истинным оскорблением чувств». Поэтому Гораций, возмущаясь заигрываниями старой женщины, может утратить всякое чувство меры и впасть «в самую неприличную и жестокую вульгарность». И эта вульгарность каким-то образом оказывается оправданной! По отношению к старикам Гораций менее язвительен и упрекает их только в скупости и привычке брюзжать».

Отвечая на вопрос о том, что составляет достоинство старой женщины, Янион подчеркивает, не отказываясь при этом от иронического тона:

«То, что было достигнуто не путем выдвигания на первый план физических достоинств. Однако патриархат успешно препятствует женщинам чувствовать собственное достоинство после потери этих физических достоинств. Удивительна гуманистическая забота кинорецензента «Газеты выборчей», который грустит при виде стареющих актрис и горюет из-за того, что старение прекрасных женщин — это «один из наименее удачных замыслов Творца». Старение некрасивых женщин уже наверняка не заставляет его так горевать. Похоже, люди сами не понимают, что пишут! «Форум» недавно перепечатал статью из «Интернэшнл геральд трибюн», из которой мы узнаем, что в американском кино нет ролей для актрис старше 30 лет. «Одержимость кинопромышленности молодостью и красотой» жестоко сокращает продолжительность актерской жизни женщин. Другое дело — старики-актеры: им постоянно дают главные роли. И, конечно, они желают появляться в обществе женщин куда моложе себя — и появляются. Им можно».

Интересными выглядят и слова о вдохновляющей роли феминизма:

«Я, собственно говоря, должна была бы разделить свою жизнь на дофеминистский и феминистический периоды, причем первый продолжался намного дольше. Я видела себя тогда как человека, который стареет точно так же, как мужчины. А иногда даже воображала, что я вне пола и возраста, ибо живу в гуманистической сфере, где можно продолжать свою жизнь независимо от всех этих различий. (...) Зато с тех пор, как я заинтересовалась феминизмом, я поняла, что всё это иллюзии, утопии и мечтания, с которыми следует распрощаться и увидеть себя так, как позволяет это сделать феминизм. Следует также обратить внимание на то, что стало для меня очень важным и что составляет не только мою судьбу, но вообще судьбу женщин. (...) Разумеется, я старый профессор, уже вышла на пенсию, но и старость свою я ощущаю как старость женщины. Это состоит хотя бы в том, как ко мне относятся, когда я иду в магазин: я просто старая женщина среди других таких же. (...) Феминизм стал для меня обновлением моей картины действительности и моего исследовательского инструментария. Если бы я не приняла феминистской точки зрения, то, вероятно, продолжала бы крутиться в кругу все тех же тем и уже мало что нового могла бы сказать. И хотя не все мои последние книги — феминистские, тем не менее феминизм дал мне тот особый угол зрения, под которым я смогла увидеть то, чего раньше не замечала, — так, например, обстоит дело с еврейскими темами. Речь идет не только о категории меньшинства, но и об определенных инструментах исследования систем отвержения, чего я раньше так не понимала. Я увидела, как отвержение происходит в языке культуры».

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

■ Польша будет в этом году гостем бельгийского фестиваля «Европалии». Этот крупнейший в Европе праздник культуры и искусства проводится ежегодно с 1969 г. и каждый раз посвящен искусству только одной страны. Фестиваль адресован сравнительно широкому, но достаточно подготовленному кругу зрителей. В рамках показа польской культуры, который откроется 1 октября в присутствии бельгийской королевской четы и президента Польши, будут проведены, в частности, выставки изобразительного искусства «Канун весны» (польская живопись 1850-1950 гг.) и «Стиль «ар деко» в Польше : 1910-1930), множество персональных выставок отдельных художников, а также концерты классической музыки и произведений современных композиторов (Пендерецкий, Гурецкий). В программу «Европалии» включены также театральные представления (в том числе поставленная Анджеем Северином на французском языке «Большая импровизация» Мицкевича, спектакли Люпы и Гжегожевского) и показы кинофильмов (Вайда, Рыбчинский с его мультфильмами и др.). Для нас немаловажное значение имеет тот факт, что посвященные Польше «Европалии» будут проходить непосредственно перед началом заключительного тура переговоров о расширении Евросоюза, причем в тот период, когда его возглавляет Бельгия.

■ Премия международного университета «Виадрина» во Франкфурте-на-Одере, где учатся главным образом немцы и поляки, была вручена немецкому писателю Гюнтеру Грассу. «Подозреваю, — сказал Грасс, — что самым этим выступлением мне удалось бы довести экстремальных немецких и польских патриотов до состояния наднациональной ярости. Но здесь, во Франкфурте, такой опасности нет». Месяцем раньше в том же университете премии Германского национального фонда были вручены первому премьер-министру III Речи Посполитой Тадеушу Мазовецкому и французскому участнику движения Сопротивления, писателю Жозефу Ровану.

■ «Сегодня мы чтим память тех, кто вступил в борьбу за свободу и честь не только своего города, но и всей страны», — сказал премьер-министр Ежи Бузек во время мемориальных торжеств в честь 57-й годовщины Варшавского восстания. Дата 1 августа объединяет варшавян, как никакая другая.

■ Издательство «Читательник» завершило публикацию «Дневников» Зофьи Налковской («Граница», «Медальоны»), выдающейся писательницы, скончавшейся в 1954 году. «Этот дневник, — писал на страницах газеты «Жечпосполита» Михал Гловинский, — который охватил 55 лет человеческого существования и велся почти без перерывов, запечатлел великое и в своем роде уникальное путешествие по жизни». Дополнительную ценность этому изданию, как единодушно признают критики и читатели, придают великолепные примечания. Прежде всего речь идет о биографических справках, в которых их автор Ханна Кирхнер стремилась — как правило, успешно — раскрыть, какое именно конкретное историческое лицо упоминает Налковская. В результате ей удалось создать, как бы на полях произведения писательницы, своеобразный и неповторимый биографический словарь.

■ Исполнилось 75 лет замечательному писателю Яцеку Бохенскому («Божественный Цезарь», «Табу»), до недавнего времени возглавлявшему Польский ПЕН-клуб.

■ Этим летом первые места в списке польских бестселлеров по-прежнему занимают женщины, но место во главе списка, вытеснив Малгожату Мусерович, заняла Катажина Грохоля с романом «Никогда в жизни». Его героиня Юдита любит креветки и не верит в электрический ток, только что развелась, в течение последних 20 лет не испытала оргазма, строит загородный дом, пытается справиться с дочерью, котами, собакой и Интернетом, мечтает о белом коне (желательно со всадником) и получает кипы писем от читательниц, на кото-

рые приходится отвечать. Героиню Грохоли все сочли польской копией Бриджет Джонс [героини книги Хелен Филдинг «Дневник Бриджет Джонс» и одноименного фильма], только вот критики считают, что это плохо, а читатели книгу с энтузиазмом раскупают и читают.

■ Бестселлерами оказались также несколько книг, посвященных не столько искусству приготовления пищи, сколько самой еде — в самый раз для летней жары. Упомянем прежде всего «Съесть Краков. Субъективный путеводитель» Роберта Макловича и Станислава Манцевича, «Хроники вина» Марека Бенчика и «Путешествие по столам Франции» Людвига Левина. Все эти книги — не только гастрономические справочники, но и полные эрудиции путеводители по регионам и эпохам, не забывающие о том, что знакомство с тайнами кухни — один из непременных элементов знакомства со страной и ее культурой.

■ В Музее плаката в виллянувском парке Варшавы организована выставка «Жало пропаганды ПНР в 1945-1956 гг.», на которой представлены самые характерные политические плакаты тех лет. Сегодня это, к счастью, не более чем экзотика.

■ «Четвертого июля во Львове на рассвете» — так озаглавлена выставка в Музее независимости, посвященная памяти польских профессоров, расстрелянных во Львове вошедшими в город гитлеровцами. Среди них были трехкратный премьер-министр Польши проф. Казимеж Бартель, а также писатель и гениальный переводчик Тадеуш Бой-Желенский. Это был очередной — после Кракова, Варшавы и Познани — этап осуществления планов уничтожения польской интеллигенции.

■ Необычную выставку фотографий показали в варшавской галерее «Захента» Тадеуш Рольке и Крис Ниденталь. На представленных фотографиях мы видим вьетнамскую девушку Майю на улицах старых еврейских местечек. На вопрос, почему он выбрал для этого именно Майю, Тадеуш Рольке ответил: «Потому что я хотел избежать буквальности. Но существует определенная аналогия между положением евреев, живших в прежних многонациональных городах, и положением Майи. В нашем ксенофобском обществе вьетнамская девушка — тоже чужая, не такая, как все».

■ Из телевизионной программы вскоре исчезнут передачи «С камерой среди животных» Ханны и Антония Гуцвинских и «Исторические анекдоты о президентах США» Лонгина Пастусяка, так как на предстоящих выборах Гуцвинская и Пастусяк будут баллотироваться в парламент. Глава Совета по радио и телевидению Юлиуш Браун заявил: «Ведущие телевизионных программ не должны выставлять свои кандидатуры, потому что они обладают преимуществами по сравнению с другими кандидатами, даже если их программы никак не связаны с выборами». Совет также призвал журналистов проявить образцовую добросовестность и объективность в ходе предвыборной кампании.

■ Бесплатная пресса все шире вторгается на рекламные рынки польских городов. Самая популярная до настоящего времени газета, варшавский «Метрополь», по предварительным подсчетам, завладела 4,5% столичного рынка рекламы и до конца года намерена довести эту цифру до 10%. Воодушевленные ее примером, по ее следам идут другие газеты, выходящие в крупных польских городах и издаваемые фирмой «4Медиа», конкурирующей с издателем «Метрополя». Предполагается, что это будут газеты для массового читателя, обеспечивающие прежде всего оперативное информирование людей, едущих утром на работу.

■ Отметим два региональных журнала, посвященные высокой культуре. К счастью, и такие возникают и удерживаются на рынке. Такова издаваемая в Микулове «Аркадия», последний номер которой посвящен мистикам. В нем помещены материалы, посвященные поэту и мистику XVII века из Силезии, известному под именем Ангелус Силезиус, а также подборка текстов о Хильдегарде из Бингена. Журнал издает Микуловский институт. В свою очередь, Общество любителей Казимежа-Дольного издало первый номер «Казимежской тетради», посвященный в основном изобразительному искусству и архитектуре.

■ В возрасте 95 лет в Ольштыне скончался композитор и дирижер Стефан Рахонь, более 30 лет возглавлявший симфонический оркестр Польского радио, первоначально исполнявший главным образом легкую музыку для радио и телевидения.

■ Польская фирма «Дукс» выпустила диски с неизвестными записями Игнация Падеревского, сделанными в 1906 г. с помощью процесса, применявшегося до изобретения граммофонной записи и основанного на использовании механической пианолы. На дисках представлено 14 произведений, в том числе «Лунная соната» Бетховена, «Десятая Венгерская рапсодия» Листа, одна из мазурок Шопена и менуэт самого Падеревского.

■ Краков и Варшава позавидовали Вене. В этом году на гигантских экранах, один из которых установлен во внутреннем дворе Варшавского замка, а другой — на краковской Старой Рыночной площади, были показаны выдающиеся фильмы-оперы. В Варшаве этот фестиваль назывался «Музыкальные сады», а в Кракове — просто Фестиваль фильмов-опер.

■ «Большой оркестр праздничной помощи» под управлением Юрека Овсяка вернулся в город Жары, где состоялся уже VII фестиваль «Станция Вудсток» — один из крупнейших фестивалей рок-музыки в Европе. Первой заповедью, с которой Овсяк обратился к своим поклонникам, было: «Никаких наркотиков». Следующие звучали похоже: «Будьте трезвыми и позвоните родителям». И наконец: «Думай о ближнем. Ты не один и не будь один. Спрашивай приятеля, как у него дела, держись в группе, не ставь палатку вдали от других».

■ «Всем хватит места под огромной крышей неба» — под таким девизом, взятым из стихов Эдварда Стахуры, прошел 9-й фестиваль «Станция Олецко», объединяющий театр, эстраду, хэппенинги, концерты рок-музыки и художественные мастерские. В этом году на фестивале побывали более 100 тысяч зрителей.

■ В Гданьске завершился 5-й Шекспировский фестиваль, в котором участвовали театры из Москвы («Макбет» в постановке Роберта Стуруа), Вильнюса («Отелло» Эймунтаса Някрошюса), Лодзи и Варшавы (две постановки «Короля Лира» — Миколая Грабовского и Петра Цепляка).

■ Во второй раз в варшавском Театре на Воле состоялся Международный фестиваль искусства пантомимы. В нем приняли участие артисты из Польши, Франции, Германии, США, Южной Аме-

рики и Кореи. Директором и душой фестиваля остается Стефан Недзялковский, продолжатель традиции пантомимы, начало которой в Польше положил Генрик Томашевский.

■ Чтобы сделать пребывание в Варшаве иностранных туристов более интересным, актеры театра «Монтовня» поставили пьесу Славомира Мржежа «Игра» на английском языке.

■ На Международном театральном фестивале в Авиньоне с теплым приемом встретилось выступление варшавского театра «Розмаитости» с «Гамлетом» Шекспира в постановке Кшиштофа Варликовского. Спектакль был признан одним из самых интересных событий фестиваля.

■ 36-й Международный кинофестиваль в Карловых Варах ознаменовался крупным успехом польского режиссера Роберта Глинского. Его фильм «Привет, Тереска!» получил специальную премию жюри, а также премию международного объединения кинокритиков ФИПРЕССИ за, как говорится в решении жюри, «волнующий портрет девушки, пытающейся найти свое место в раздробленном обществе». Фильм получил также премию Объединения кинолюбков.

■ В этом году в конкурсной программе Фестиваля польских художественных фильмов в Гдыне участвуют 30 фильмов. Председатель жюри — режиссер Януш Маевский («Урок мертвого языка», «Дезертирь»). Вне конкурса будет показан фильм Ежи Кавалеровича «Камо грядеши», торжественная премьера которого состоялась 30 августа в Ватикане в присутствии Папы Иоанна Павла II. «В связи с финансовыми трудностями и общей ситуацией (наводнение в Гданьске) никаких фейерверков в этом году на фестивале не планируется», — говорит его директор Мацей Карпинский.

■ Кшиштоф Занусси приступил к съемкам нового фильма, который будет продолжением награжденного в прошлом году в Москве фильма «Жизнь как смертельная болезнь, передающаяся половым путем». Новая картина Занусси носит название «Приложение» и рассказывает о судьбах молодых героев «Жизни...». В эпизодической роли выступит Збигнев Запасевич. Бюджет фильма весьма невелик, так как в последний момент в его производстве отказалось участвовать Польское телевидение.

■ В столице Словакии Братиславе построены декорации для съемок телевизионного фильма о восстании в варшавском гетто, вспыхнувшем 19 апреля 1943 года. Его движущей силой были гордость и отчаяние. Лишь немногие участники остались в живых. Двое из них: живущий в Лодзи Марек Эдельман, последний командир Еврейской боевой организации, и Симха Ротем из Израиля (прежде Казик Ратайзер), организовавший переход уцелевших повстанцев в «арийскую» часть города, — будут консультантами фильма, озаглавленного «Восстание». В фильме выступят, в частности, Дональд Сазерленд и Джон Войт, молодого Эдельмана сыграет Джон Алес Алевизакис. «Я хочу показать то, что любят зрители, — говорит режиссер. — Настоящее геройство».

■ Варшавский Дворец культуры и науки выступил в роли дворца Нерона в телеклипе, анонсирующем фильм Ежи Кавалеровича «Камо грядеши».

■ Летний кинофестиваль в Саноке поставил себе целью показ некоммерческого кино. В программу были включены фильмы американского режиссера литовского происхождения Джонаса Мекаса, а также целая подборка иранских фильмов. Одной из звезд был также чешский режиссер Да-

вид Ондржичек («Одинокие»), представивший фильм «Шепотом». Были показаны также фильмы Джима Джармуша, «Покажи мне любовь» Лукаса Модиссона и «И раз, и два» Эдварда Янга. В рамках фестиваля была организована дискуссия о будущем СМИ в Центральной Европе с участием журналистов, документалистов и режиссеров из Словакии, Белоруссии, Венгрии и Польши.

■ Сенсацию в Польше и за рубежом вызвала книга Збигнева Свеха «Польский чакрам — величайшая тайна Вавельского холма». Утверждается, что подобных чакрамов (в соответствии с индусскими верованиями — священных мест на Земле) в мире всего лишь несколько. Тем большее беспокойство вызвал тот факт, что директор Вавельского замка, вообще не верящий в существование подобных чудес, отгородил от посетителей стену, где якобы находится чакрам. В ответ на это куратор Королевского замка в Неполомицах заявил, что в 1349 г. сам Казимеж Великий, заложив краугольный камень под неполомицкий замок, перенес туда чакрам с Вавельского холма. Так что, как ни считай, чакрам в Польше есть, и каждый в силу своих способностей старается использовать его, чтобы привлечь туристов. Или наоборот — отпугнуть.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

- Е.Помяновский:** Польша и Россия – выбор пути
Л.Шаруга: О творчестве Густава Херлинга-Грудзинского
К.Бурнетко: Газетный киоск
З.Жаковский: О Павле Ясенице
Д.Бовуа: О полонистике во Франции
М.Ягелло: Национальные меньшинства
М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге
А.Титков: Что мне сказал Яцек Куронь
Г.Пшебинда: Каменщики и могильщики империи
Р.Пшибыльский: Об И.Бродском, А.Ахматовой, О.Мандельштаме
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к концу столетия
Наши за границей: А.Северин, Ю.Хурвиц, П.Слонимский, В.Пшоняк,
З.Рыбчинский, Я.Котт, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

- Милоша, Стахуры, Шимборской, Бялошевского и др.
в переводах
Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского,
Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша» распространяется бесплатно

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

(Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 г.)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ
РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культура, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

DWUTYGOODNIK ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

LITERATURA na świecie

Известнейший ежемесячник содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374

Бесплатный экземпляр